

**Церковно-общественные вопросы в эпоху
царя-освободителя (1855–1870)
Александр Александрович Папков**

I. Стремление русского общества к преобразованиям в государственном и общественном строе. – Голоса из среды общества и правительства. – Голос с высоты царского престола. – Голоса именитых архипастырей.

С воцарением императора Александра II в русском обществе пробудилось стремление к улучшению своего политического и гражданского быта, и этому побуждению главным образом способствовало то сильное потрясение, которое оно испытывало во время тяжелой крымской войны. Все были больны тогда Севастополем, где мучались и гибли лучшие русские люди и где сильно страдало наше национальное достоинство. Во время этой войны, как известно, наглядным образом обнаружился целый ряд ошибок, недостатков и злоупотреблений в наших военных и внутренних делах. В уме и сердце каждого русского возникал тогда мучительный вопрос о причинах этих военных неудач и внутренних затруднений, и заставлял всякого пристально всматриваться в устройство разных отраслей государственного и общественного управления. «Только теперь открывается, – писал А. В. Никитенко в своем дневнике, от 6 октября 1855 года, – как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров¹.

В таком же духе и в таких же сильных выражениях отзывались о прежнем времени и об язвах, обнаруженных войной в государственном организме России: Погодин, Сергей Аксаков, Хомяков, Дмитриев, Кошелев, Иван Аксаков, Константин Аксаков, Валуев, Кавелин, Киреевский и, наконец, такие достоверные свидетели-очевидцы, как Пирогов и Протоиерей Лебединцев. Эти последние, побывав на месте войны, сообщали в своих письмах о возмутительных беспорядках в содержании и продовольствии армии и флота и указывали на злоупотребления разных начальствующих лиц. Уже в начале 1856 года последовало высочайшее повеление о предании следствию и суду многих военачальников по обвинению их в беспорядках во время военных действий².

По рассказам современников, всего тяжелее приходилось молодому Государю, который, переживая с болью в сердце поражения своей храброй армии, с прискорбием узнавал о злоупотреблениях своих военачальников и чиновников и по полной неурядице во внутренних делах³. С самого вступления своего на престол император Александр II своим возвышенным и человеколюбивыми идеями, своей добротой и справедливостью, привлекал сердца всех, жаждавших обновления русской жизни⁴. Ему, более нежели какому другому Государю, вручались на первых порах людьми, отзывчивыми и опечаленными грустными событиями и опасным положением государства, разные записки, в которых открывались для блага России меры к преобразованию этого управления, начиная с высших его частей⁵.

В числе таких людей был известный историк М. П. Погодин, который успел в день рождения Государя, 17 апреля 1855 г., представить свое всеподданнейшее письмо «о царском времени». В этой замечательной записке Погодин указывал на две существенные задачи, а именно он полагал: разобрать и определить, какие дела должны быть представляемы на высочайшее воззрение, и какие, без малейшего нарушения самодержавной власти, могут быть решаемы разными отдельным высшими ведомствами, и определить, в какой степени может быть допущена гласность, в видах предохранения правительственных и прочих решений от произвольности и учреждения над ними новой необходимой инстанции – бдительного общественного мнения, без которого само правительство остается часто во тьме. «Время царское, – писал Погодин, – дороже всего на свете. Оно должно быть берегаемо и соблюдено до последней минуты для решения важнейших вопросов государственных, для размышления о существенных предметах управления. Занимать Царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемониями – есть величайшее гражданское преступление»⁶.

В том же духе написана в 1855 году записка «О современной политической и внутренней жизни России», которая, по мнению редакции журнала «Русская Старина», принадлежит Жеребцову. Обращаясь к рассмотрению действий внутреннего организма нашего отечества, автор говорит: «к несчастью по многосложности занятий Государя русского, некоторые из первых деятелей правительства исторгали высочайшее повеление, каждый по своей части, без общего обсуждения людьми на это предназначенными, и тем самым они обманывали доверенность своего благодетеля и вводили в государственный организм разнородность. Притом, каждый из них заботился об ограждении свое части от других

частей правления и стараясь скрыть свое самоуправство от глаз Государя, не мешая другим делать то же. От этого мало-помалу в высшем управлении водворился дух совершенного пренебрежения к закону, и каждый правитель мог смело отступать от существующих постановлений... Беспорядок этот мало-помалу спускался по всем степеням правления и, наконец, проник во все слои. Ныне каждый уверен в мертвенности буквы закона и в действительности только воли и покровительства сильных. ... При дальнейшем распространении этой язвы Россия на бумаге будет государством благоустроенным, а в сущности наполнится визирями, пашами и кадиями; следовательно, необходимо исправление, хотя постепенно, но коренное. Единственный к тому путь заключается в выражении уважения к законам и в строгом наблюдении за исполнением его со стороны ближайших к царю и высших правителей. От послабления духа законности самые действия организма государственного сделались неудовлетворительными; дурное приложение закона опорочило самые обычаи народные; повсюду вкралось стяжание личных выгод и корысти... Состояние составлялось частью истощением казны, частью из внешних источников народных: из казны – посредством несоразмерных окладов, денежных наград и разнообразных пособий».

Указав на порочность, вкраившуюся в служебные сферы, и находя, что исправление в этих сферах может последовать, не столько вследствие улучшения форм правления, сколько вследствие изменения к лучшему самого духа правителей и общественных деятелей, автор ограничивается сообщением своего взгляда на необходимость изменения только финансовой системы; именно он полагает – воспретить всякий непосредственный доклад со стороны министерств о разрешении какого-либо сверхсметного расхода, обращая эти представления на предварительное обсуждение предназначенных лиц, находящихся вне административной деятельности и, наконец, удерживаться от назначения окладов, превышающих меру законом установленную⁷.

Весьма сильное впечатление произвела на русское общество также записка П. А. Валуева «Дума русского», написанная во второй половине 1855 года, в том же духе общей критики государственного управления. Автор, болея вместе с другими русскими общию тогда болезнью «Севастополем», между прочим писал: «Время изменяет размеры относительного могущества государств. При общем стремлении развивать свои внутренние и внешние силы, они идут вперед различными путями, и их успехи не одинаковы. В мирные времена трудно оценивать относительную важность этих успехов. Но вместе с первой значительной

войной настает минута точной взаимной оценки. Эта минута теперь настала для нас. Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее устройство разных отраслей нашего государственного управления? Отличительные черты его заключаются в повсеместном недостатке истины; в недоверии правительства к своим собственным орудиям и в пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм подавляет сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Везде сделано все возможное; везде приобретены успехи; везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды или полуправды, – и редко где окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками; но кто из официальных читателей всегда может обращать внимание на междустрочия»⁸.

Правдивость этого указания причин, доведших Россию до бедственного положения, поразила одного из даровитейших и ближайших по родству сподвижников императора Александра II, а именно его брата, генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, который, назвав эту записку «замечательной», отдал 26 ноября 1855 года еще более замечательный приказ на имя управлявшего морским министерством вице-адмирала барона Врангеля. Помещая в своем приказе буквальную выписку приведенного выше места записки, великий князь писал: «прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам морского ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год, и повторил им, что я требую в помянутых отчетах не похвалы, а истины и в особенности откровенного и глубоко обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок, и что те отчеты, в которых будет нужно читать между строками, будут возвращены мною с большой гласностью».

Независимо от этого приказа, великим князем была составлена в то же время циркулярная записка, которая была предназначена к рассылке всем главным чинам управления. Эта записка гласит: «в продолжение будущего года я желал бы видеть в «Морском Вестнике» ряд нравственно-философских рассуждений, написанных весьма смело и сильно, доступным для каждого языком, с целью, с одной стороны, опорочить те недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими

офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеены общественным осмеянием, а с другой стороны – указать и растолковать, как следует понимать некоторые предметы и отношения. К первому разряду будут принадлежать: порицание системы лжи, замашки показать товар лицом, выказать небывалые заслуги свои и утаить недостатки, упущения и ошибки; образ взгляда на казенное имущество, расчет с углем и дровами, система наказания нижних чинов и обращение с ними и т. п. Ко второму разряду статей можно отнести объяснения, как смотреть на награды и производства, отношения товарищей и проч. Сюда же можно отнести ряд статей в роде «характеров Лабрюйера». Желательно бы колкой насмешкой порицать зло и хвалить добро, но хвалите умно, а не притворно. За подобные статьи, которые были бы написаны с талантом и произвели бы нравственное впечатление, я готов вознаградить автором самым щедрым образом»⁹.

Видно, духовные интересы в России, подавленные до того искусственным гнетом, возродились; в умах была возбуждена положительная сила, и общественное мнение, по выражению Кавелина, расправляло свои крылья и ему для правильного полета недоставало лишь одобрения с высоты престола¹⁰. Все с напряженным вниманием ожидали царского слова, и это слово, милостивое и доброе, не замедлило раздаться во всей России.

В достопамятном манифесте 19 марта 1856 года, коим обнародовано было о мире, и в коронационном манифесте 17 апреля 1856 года как бы возвращалась программа нового царствования. В первом манифесте в конце изображено: «при помощи Небесного Промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершается ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее, да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных. Наконец, и сие есть первое, живейшее желание наше, свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, да сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность, сей вернейший залог порядка и счастья»¹¹.

Коронационным своим манифестом Государь приглашал всех верных своих поданных соединить усердные мольбы их с его теплыми молитвами – да излиется на него и на царство его благодать Господня; да поможет ему Всемогущий, с возложением венца царского, возложить на себя торжественный пред светом обет – жить единственно для счастья

подвластных ему народов, и да направить Он к тому, наитием Всесвятаго Животворящаго Духа Своего, все помышления, все деяния его¹².

Эти чудные слова царских манифестов нашли себе сочувственный отклик в русской душе. Выразителем русских дум и чувств явился на этот раз профессор Шевырев. Он писал: «если первая молитва царя о мире услышана, то помолимся же вместе с ним о правде и милости, о просвещении, о вере деятельной, которая знаменуется любовью, добром, исполнением долга, о раскрытии и сближении всех духовных и вещественных сил нашей великой земли, нашего славного отечества. Авось, Бог услышит и эти молитвы его, и царственным желанием его сердца, которые он выразил, даруя и возвещая мир своему народу, – пошлет благословение и исполнение... О, да глядится у нас всегда царь в лицо народа и народ в лицо царю своему. В этом задушевном разговоре вся тайна жизни русской. Царь-миротворец ее извне – да будет живительным миротворцем ее внутри и посредником между всеми ее деятельными силами. Виновны будут те, которые, стоя ближе к солнцу самодержавия, захотят явиться не живыми проводниками его светотворной и теплотворной силы ко всем пределам отечества, а заслонять от солнца тенью личного эгоизма, хотя малейшую часть нашей земли, хотя небольшую семью членов народа и государства»¹³.

Да, правду писал своим друзьям, в том же 1855 г., Погодин, что ни один государь, с начала своего царствования, не пользовался таким неограниченным доверием, такой горячей любовью, без примеси всяких других чувствований отрицательных, как государь император Александр Николаевич. «Помоги ему, Господи, направить Россию на путь истины, правды, бескорыстия» – так молился «муж апостольский» епископ камчатский Иннокентий, впоследствии митрополит московский¹⁴.

Все сердца стремились к молодому царю и не было, может быть, никогда минуты более благоприятной, когда бы было так удобно, так легко, сделать все нужные преобразования и исправления. Все чувствовали необходимость внутренних преобразований и исправлений, которыми можно было спастись, отворотить настоящие опасности и предупредить будущие, кроме, разумеется, гнева Божия, и – по словам Кавелина – во главе этих «всех» стоял сам Государь, заявлявший, что надо думать только о внутреннем и выводить на свежую воду все недостатки общественные¹⁵.

Пересматривая разные правительственные мероприятия начала царствования, клонившиеся к дарованию свободы верования, возможной свободы мысли и обучения, и свободы передвижения¹⁶, перечитывая разные письма, записки и дневники современников, оценивавших все эти

благотворные меры, – начинаешь понимать, что жившие в это многознаменательное время люди имели полное основание верить в лучшее будущее России, и молодой И. С. Аксаков правильно предсказывал, что возникает новая эра государственного бытия России¹⁷. Еще прозорливее смотреть в будущее знаменитый святитель Иннокентий Херсонский, когда он, лично посетив окровавленный и опаленный Севастополь, 26 июня 1855 года, в Михайловском соборе вдохновенно предсказывал, что «самые скрижали нового политического завета сойдут с Неба, написанные Перстом Божиим»¹⁸.

Другой архипастырь, именно Григорий, назначенный впоследствии митрополитом с.-петербургским, в своем слове «О современных наших грехах», сказанном на другой окраине России, в Казани, 30 августа 1855 года, между прочим торжественно провозглашал: действуйте соединенными силами все – священники и народ, начальники и подчиненные, родители и дети, братья и сестры, господа и слуги, молодые и старые, богатые и бедные, крепкие и слабые, – действуйте словом и делом, учением и примером, надзором и вразумлением, молитвой и увещанием, сопротивлением и терпением – действуйте все; ибо весьма пора так действовать, весьма пора взяться за дело»¹⁹.

Подъем духа в русском обществе был тогда так велик, чуткость к живому слову так в нем развита, что этот горячий призыв казанского архипастыря к общему дружному делу разнесся далеко по России и его подхватил Погодин в своем восторженном слове, напечатанном с разрешения самого Государя в Московских Ведомостях 10 сентября 1855 года. «Маститый пастырь, – писал Погодин, – недавно напомнил нам, что опаснейшие враги наши – это грехи. Вонмем мудрому гласу, покаемся от чистого сердца, произнесем искренний обет исправления, примемся все усердно за дело, сколько его делать кому достанется». В ноябрьском письме к своим петербургским друзьям, того же 1855 года, Погодин, вдохновляясь снова словам архиепископа Григория, продолжал на ту же тему и говорил: «нам необходимо следовать всюду за нашим благодушным царем, куда он поведет нас и укажет нам путь; нам остается помогать ему всеми своими силами: словом, делом и помышлениями. Необходимо общее участие, общее усердие; в общем деле должен участвовать всякий; общего дела по одиночке не сделаешь. Великие и малые, знатные и простые, богатые и убогие, старые и молодые, мужчины и женщины, должны одинаково посвящать себя всецело на службу отечества»²⁰.

Все эти призывы – с высоты престола, с епископской и профессорской кафедр – к общественной самодеятельности высоко

знаменательны. Они нагляднее всего указывали на зародившееся в русском обществе понимание того, что система недоверия и постоянной бюрократической опеки в управлении подрывает в корне здоровое развитие народной жизни, что царство формы сглаживает эту жизнь до полного ее обезличивания, и, наконец, что прочное преобразование и улучшение всего общественного строя может совершиться при широкой освежающей гласности и путем дружного содействия всех сословий, не разъединенных, а согласенных общими интересами и призванных к самостоятельной деятельности²¹.

Этим великим «общим делом», потребовавшим напряженного содействия всего русского общества, явилось: отмена крепостного состояния и улучшение быта крестьян, а также близко к ним стоящего духовенства.

Первая задача – отмена крепостного права и улучшение быта крестьян – была возложена Государем на созданные для этой цели крестьянские комитеты и комиссии, куда по выбору пошли лучшие представители русского общества. Вторая задача – улучшение быта духовенства и тесно связанное с этим улучшением преобразование церковно-приходского строя – была возложена на учрежденное в 1862 году особое присутствие, которое действовало также посредством провинциальных комитетов и в помощь себе вызвало содействие всего православного духовенства.

В основе улучшения быта крестьян положено было наделение их поземельными участками с обязательным выкупом этих участков у помещиков. Такие отношения крестьян к земледельцам породили переходное состояние для крестьянского сословия, в течение которого интересы его были существенно разъединены с интересами помещиков, смотревших на отдачу земли и на потерю вотчиной власти, как на жертву, принесенную ими на пользу народа. Такое разъединение сословных интересов вызвало необходимость при общественном устройстве крестьян замкнуть их в особые сельские общества и затем в более крупные административные единицы – волости, с предоставлением крестьянам, получившим с момента осуществления реформы полную личную свободу, сельского и волостного самоуправления.

Эту существенную сторону крестьянской реформы нельзя упускать из виду при оценке тех преобразований, которые были начаты вслед за крестьянским освобождением в быте духовенства и в церковно-общественном устройстве. Эти последние преобразования, как известно, не получили, к сожалению, такого благополучного окончания, как крестьянское дело. В своем месте мы постараемся разъяснить, что

препятствием для правильного разрешения церковно-общественных вопросов явилась, между прочим, и указанная замкнутость крестьянского мира, а также вытекающая из этой замкнутости искусственность сельского и волостного управления. Такая обособленность крестьянского сословия, как мы увидим ниже, не позволила в свою очередь принять в основу территориального разделения государства всеобщую административно-хозяйственную единицу, каким в известном отношении представляется «православный приход».

II. Проявление среди высшего духовенства и светских передовых людей сознания необходимости церковных преобразований

Указав вкратце на те стремления нашего образованного общества в начале царствования императора Александра II, которые направлены были к обновлению всего государственного и общественного строя, мы теперь заметим, что наши передовые люди не упускали при этом из вида и сферу церковных дел, подпавших за длинный период господства крепостного права также рутине и застою и требовавших, быть может, более чем все другие общественные дела, неотложного преобразования.

Вот что, между прочим, писал в 1855 году П. А. Валуев в своей «Думе Русского»: много ли искренности и много ли христианской истины в новейшем направлении, данном делам веры, в мерах к воссоединению раскольников и в отношении к иноверным христианским исповеданиям? Разве прочные начала Евангельского учения утратили витающую в них божественную силу? Разве веротерпимость тождественна с безверием? Разве нам дозволено смотреть на религиозные верования, как на политическое орудие, и произвольно употреблять или стараться употреблять их для достижения политических целей? летописи христианского мира свидетельствуют, что при подобных условиях сокрушается премудрость премудрых и опровергается разум разумных. Святая Церковь не более ли нуждается в помощи правительства к развитию ее внутренних сил, чем в насильственном содействии к обращению уклонившихся, или к воссоединению отпавших? нынешний быт нашего духовенства соответствует ли его призванию, и правильно ли смотрят на внутренние дела православной паствы те самые государственные люди, которые всегда готовы к мерам строгости против иноверцев или раскольников? О раскольниках сказано, что их религиозная жизнь заключается в «букве и недухе» (1855). Кажется, что иногда Православная Церковь тяготеет над ними «буквою и недухом». Быть может, что, если бы наши пастыри несколько более полагались на вышнюю силу вечных истин, ими проповедуемых, и несколько менее веровали в пользу содействия мирских полиций, то их жатва была бы обильнее.

Также искренно желал освежающей реформы в церковных делах И. С. Аксаков, хотя еще в то время (в 1856 году) его пожелания не были

облечены в твердо-выработанные положения, как это произошло позднее, именно в шестидесятых годах. Так, в письме к родителям, от 17 сентября 1856 года, Аксаков, между прочим, писал: я вообще того убеждения, что не воскреснет, ни русский, ни славянский мир, не обретет цельности и свободы, пока не совершится внутренней реформы в самой Церкви, пока Церковь будет пребывает в такой мертвенности, которая не есть дело случая, а законный плод какого-нибудь органического недостатка... Право, мы стоим того, чтобы Бог открыл истину православия западу, а восточный мир, не давший плода, бросил в огонь! Я хочу сказать, что поколение до-петровской Руси и слово «православие» возбуждают недоразумение, мешающее распространению истины. Разумеется, цензура всему мешает. Невольно припомнишь слова митрополита Платона: «ври, раскольник, и молчи, православный»²².

Еще в разгар севастопольской войны Кошелев писал 9 июля 1855 года Погодину: «мне кажется, что перед нами стоит враг опаснее всех соединенных англо-франко и сардо-турок, это ложь, которая овладела всем и всеми. И церковь, и государство, и все сословия, и каждый из нас в отдельности волею или неволею ему служат. Против этого врага нам нужно всячески бороться... Я уговаривал Хомякова написать о лжи церковной²³. В докладной записке министру народного просвещения, написанной в 1858 году, М. Н. Катков, между прочим, говорил: «нельзя без грусти видеть, как в русской мысли постепенно усиливается равнодушие к интересам религии. Это следствие тех преград, которыми хотят насильственно отделять высшие интересы от живой мысли и живого слова образованного русского общества. Вот почему в литературе нашей замечается совершенное отсутствие религиозного направления. Где возможно повторять только казенные и стереотипные фразы, там теряется доверие к религиозному чувству, там всякий поневоле совестится выражать его, и русский писатель никогда не посмеет говорить публике тоном такого религиозного убеждения, каким могут говорить писатели других стран, где нет специальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, в которую поставлены у нас все интересы религии и Церкви, есть главная причина того бесплодия, которым поражена русская мысль и все наше образование; она же, с другой стороны, есть корень многих печальных явлений в нашей внешней церковной организации и жалкого положения большей части нашего духовенства. Неужели нам суждено всего обманывать себя и хитросплетенной ложью пышных официальных фраз убаюкивать нашу совесть и заглушать голос вопиющих потребностей? В таком великом деле мы не должны ограничивать

горизонт наш настоящим поколением, и с грустью должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обещает добра, если продлится эта система отчуждения мысли, этот ревнивый и недоброжелательный контроль над ней. Не добром помянуть нас потомки наши, вникая в причины глубокого упадка религиозного чувства и высших нравственных интересов в народе, чем грозит нам не очень далекая будущность России»²⁴.

Чувствуя живейшим образом потребность вывести церковные дела из мертвенного состояния, светские образованные люди, не будучи богословами и знатоками канонического права, только в общих чертах могли представлять себе объем и значение той реформы, которую предстояло сделать в этой области. Поэтому весьма важно узнать: в каком виде представлялись необходимость такой реформы и возможность ее осуществления лицам высшей духовной иерархии того времени, а также светским писателям, сделавшимся известными в богословской литературе. В этом отношении мы на первом плане должны поставить замечательную переписку известного писателя по богословским и церковным вопросам А. Н. Муравьева с московским митрополитом Филаретом относительно необходимости преобразований в церковном строе и управлении.

Протопресвитер В. Б. Бажанов, при письме от 12 октября 1856 года, с дозволения государыни императрицы Марии Александровны и согласно желанию митрополита Филарета, препроводил к нему пространную записку о состоянии Православной церкви в России, составленную А. Н. Муравьевым и посланную им к обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. Сам автор этой записки говорит, что в ней он представил мрачную картину внутреннего неустройства Православной Церкви и свою критику он начинает с указания на неудовлетворительное положение наших священников, которые, удаиваясь священнического сана в юном возрасте, вскоре по окончании семинарского курса, представлялись ему людьми совершенно неопытными в отправлении богослужения, равнодушными к совершению таинств и смотрящими на свой сан не как на цель своей жизни, а как на средство к существованию. А между тем, замечает А. Н. Муравьев, с вопросом о нормальном положении нашего духовенства тесно связан вопрос о нравственном благосостоянии народа, на которого тяжело действуют и равнодушие пастырей к отправлению ими своих важных обязанностей и небрежное и неумелое отправление ими богослужения.

В самой системе семинарского воспитания и образования автор усматривал крупные недостатки, выражающиеся главным образом в

отсутствии ближайшего попечения над этим учебными заведениями со стороны епископов и в формальном и сухом отношении семинарского начальства к своим воспитанникам, которые в большинстве случаев выходят из училища без теплой веры и без разумения высоты ожидающего их звания.

Указав на такое невысокое нравственное состояние большинства нашего духовенства, на скудость материальных его средств и на вред, проистекающий от закрытия церквей и сокращения причтов с целью поднятия материального благосостояния духовенства, А. Н. Муравьев высказывает мнение, что жалование от правительства нарушило бы патриархальные отношения между пастырями и паствой и дало бы повод раскольникам укорять православных священников в чиновничестве. Вместе с тем автор подвергает критике и существующий строй управления церковными имуществами и доходами, причем, указав на злоупотребления консистории и благочинных, облагавших церкви оброком в свою пользу, особенно нападает на направление, которое получают свечные доходы в церквах, идущие исключительно на духовно-учебные нужды. Автор обращает внимание на ропот народа, жертвующего свои деньги на нужды церкви и видящего, что эти деньги употребляются на иные цели, а также и на то, что причты и церковные старосты, не имеющие возможности удовлетворять нужды церкви на кошелек соборы, принуждены входить между собой в тайные сделки для сокрытия части свечного сбора и для показания неверных сведений об этом сборе епархиальному начальству.

Далее автор останавливает внимание на малолюдстве в составе наших архиереев по сравнению с обширностью епархии, на частые перемещения архиереев из одной епархии в другую, что не может не отразиться вредно на отношении их к пастве и противно правилам первого вселенского собора, на долгие отлучки их из епархии для заседаний в Св. Синоде, на бедность их содержания сравнительно с богатыми окладами некоторых высших лиц духовенства иноверного и светских чиновников духовного ведомства и, наконец, на отсутствие между ними общений столь благодетельных для правильного хода церковных дел.

Указывая на неблагоприятные последствия такого одиночества в своей епархии архиереев, автор, между прочим, замечает, что самый круг понятий, обращаясь постоянно в одной и той же раме консисторских дел, невольным образом может стесниться у архиереев; вместо того, чтобы проникать деятельно в нужды церковные, они облекаются как броней в консисторские формы и становятся недоступными, кроме как для своих

присных или для нескольких почетных лиц в губернии, с которыми, разумеется, и разговоры светские. Для упрочения взаимного общения между архиереями А. Н. Муравьев указывал на необходимость архиерейских съездов. В прежние времена церкви, замечал он, были ежегодно двукратные собрания областных епископов, собственно для некоторых предметом дисциплины или благочиния церковного, потому что для догматов и против ересей созывались поместные и вселенские соборы. Хотя Святейший Синод и заменяет у нас постоянный собор, но он обременен текущими делами и все, из него истекающее, облечено формальностью закона, которая не может быть усвоена всем маловажным случаям жизни церковной. Мы видим и в гражданских делах многообразные комитеты, которые беспрестанно собираются для рассуждения о какой-либо правительственной мере, при непрестанном однако действовании правительственных мест, облеченных властью. У кого же лучше, в некоторых случаях, могли бы найти себе совет и решение на многие случайные вопросы по епархии молодые епископы, если не у ближайших старших архиепископов, или у первенствующих членов, которые, по своему постоянному присутствию в Святейшем Синоде, могут яснее видеть направление дел? А новопосвященные архиереи иногда на всю жизнь остаются без совета, потому что не могут найти его у своих подчиненных. В заключении А. Н. Муравьев говорит о пагубном равнодушии нашего высшего светского и духовного общества к расколу и добавляет, что страшно подумать, что когда-нибудь из-под сени господствующей православной церкви внезапно возникнут многоглавные общества, облеченные именем христианским, одни еще подобающиеся своими обрядами православию, другие же совершенно ему чуждые и напитанные всеми ужасами нечестия²⁵.

Весьма важно, конечно, знать, как отнесся к мыслям и предположениям, высказанным в этой записке, митрополит Филарет, причем необходимо заметить, что при сопоставлении текста этой записки, напечатанной в «Русском Архиве», с выдержками из нее, приведенными в октябрьском письме 1856 года митрополита Филарета к протопресвитеру Бажанову, оказывается, что записка эта напечатана в сокращенном виде²⁶.

Митрополит Филарет, разбирая приведенные выше доводы А. Н. Муравьева, с которым он был в постоянном умственном общении²⁷, замечал, что в чужих делах легко усматривать то, что требовало бы улучшений, но не так легко указывать средства улучшения. «Обличайте, но не преувеличивайте», мудро предостерегает знаменитый иерарх от увлечения критикой.

Мы приведем только некоторые выдержки из указанного письма митрополита Филарета и остановим внимание, главным образом, на соображениях его о способах улучшения в высшем церковном управлении для устранения беспорядка в церковных делах, который он признавал и с своей стороны.

«Записка говорит (замечал митрополит в своем письме), что положение мулл в Турции и Персии лучше, нежели православных священников в России. На что далеко смотреть в Турцию и Персию? Положение мулл и в России лучше обеспечено, нежели православных священников. В таком положении изволь духовенство искать духа жизни, которого требует записка... Записка говорит, что сословие духовенства обратилось в мертвую касту, а обязанности его в ремесло. Нельзя отрицать, что некоторое число людей низшего духовенства находится на сей низкой нравственной степени. Но так говорить о делах сословия, не значит ли хотеть одним ударом срубить все головы, без разбора, которая правая или виноватая... Записка говорит, что у нас Церкви не будет, пока воспитание духовенства, его содержание и вся деятельность останутся на попечении и под прямой указкой правительства. Не очень трудна эта премудрость, которая осуждает, что хочет, не принимая труда сказать, почему осуждает и чем заменить осуждаемое. Что же будет, если воспитание духовенства не останется в попечении правительства? Будет ли оно без попечения правительства удобнее и совершеннее? Содержание духовенства будет ли удовлетворительнее, если не останется на попечении правительства». Далее, однако, митрополит Филарет признает вескость и правильность некоторых доводов автора записки. «Что говорит записка о взаимном согласии и споспешествовании церковной и государственной власти в России в прежние времена и о усердной деятельности духовенства в пользу государства, то, поистине, достойно внимания... Записка говорит, что Церковь бессильна противодействовать расколу. Горькое слово; но в нем есть правда».

Переходя затем к рассмотрению предложенных А. Н. Муравьевым мер врачевания недостатков церковной жизни, митрополит Филарет замечает: «сколь строги до избытка и широки обвинения на духовное ведомство, изложенные в записке, столь же предлагаемые ею, наконец, требования благонамеренны и умеренны как в отношении к Церкви, так и в отношении к правительству. Предположение созвать поместный собор принадлежит к древнему характеру церковного управления и может принести пользу, если будет приведено в исполнение искусно и верно». Далее митрополит Филарет развивает свои замечательные мысли о созыве

собора, который, по его мнению, составляется по древнему обычаю для совещания о делах церковных к вящему благоустройству духовенства и паствы. «В древней Церкви, – пишет митрополит, – к удобству, стройности и единству действованию на соборе приготавливали постоянные отношения епископы епархий или городов к областному митрополиту или архиепископу, на основании 34 правила апостольского. В российской Церкви сего нет. Духовный регламент видел нужду в таковых сношениях для советов и разрешения недоумений епископов, но предписать только советоваться с соседними епископами, что не обязательно и неблагонадежно. Прежде, о собственному сознанию нужды, епархиальные преосвященные входили в доверенные совещательные сношения с старейшими и опытнейшими и преимущественно с первенствующими членами Св. Синода; но с некоторого времени такие сношения уменьшились по причинам, которые излагать здесь неуместно. В Бозе почивший император Александр I имел мысль соединить по несколько епархий в округа, имеющие одного старейшего епископа, к которому епархиальные в трудных случаях обращались бы для совета и который имел бы над ними наблюдение и давал советы к разрешению недоумений и к исправлению открывающихся погрешностей и беспорядков. По высочайшему повелению составленный о сем учреждении краткий проект оставлен был на пути в Таганрог и не имел дальнейшего движения. О потребности такого учреждения нужно рассудить на предлагаемом соборе, или даже и прежде его; потому что новый неопытный начальник епархии (поелику немногие приобретают предварительные сведения о епархиальном управлении, проходя должность викария), не имея старшего и опытного советника, подвергается опасности или, действуя на удачу, впасть в ошибки, унижающие его в глазах подчиненных и вредные, или подвергнуться излишнему влиянию опытных членов консистории и секретаря».

Так решительно и авторитетно был поставлен в самом начале царствования императора Александра II вопрос о необходимости созыва поместного собора для упорядочения высшего церковного управления и для улучшения всего церковно-общественного строя.

В следующем 1857 году А. Н. Муравьев возбудил вопрос первостепенной важности, а именно: «о стеснительном положении синодального действования». Им были составлены две записки: «О влиянии светской власти на дела церковные» и «Некоторые предположения для восстановления прежнего порядка в управлении церковном». Записки эти были одобрены митрополитом Григорием и

протопресвитером Бажановым и также вручены обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому.

В первой записке А. Н. Муравьев, утверждая, что в последнее двадцатилетие (1837 – 1857 годы) отношения обер-прокурора к Св. Синоду совершенно изменилось, замечалось, что лице сие (то есть, обер-прокурор) из обыкновенного охранителя гражданских законов (какие поставлены были со времен Петра Великого, при каждом коллегиальном управлении) сделалось более, чем министром, хотя и без сего громкого титула. По мнению автора, власть обер-прокурора представляется тройкой: во-первых, она «предначертательная» (initiative), потому что все, большею частью, делается по его предложениям, как только дело выступает из общего порядка; во-вторых, «совещательная» (consultative), ибо, несмотря на мнение, единодушно высказанное всеми членами Синода, никто из них не может приложить руки к своему мнению, доколе обер-прокурор не напишет сбоку на протоколе «читал»; и, наконец, «исполнительная» (executive), ибо, несмотря на подпись членов, не приводится в исполнение их решение, доколе не подпишет он «исполнить». И тогда еще, по его произволу, может безотчетно долгое время пролежать протокол. Итак, два таинственных слова: «читал» и «исполнить», без всякого даже имени, решают дела церковные, самые важные, как и самые обыкновенные. Какой патриарх пользовался столь неограниченной властью?

Обращаясь к ближайшему историческому прошлому, А. Н. Муравьев видел в учреждении министерства духовных дел, соединенного с просвещением народным, первое нарушение Регламента Петра Великого, ибо оно подчинило Синод светскому влиянию министра. Но власть обер-прокурора приняла чрезвычайные размеры при уничтожении комиссии духовных училищ, уже во время управления графа Протасова, ибо тогда не только все дела комиссии перешли в Синод, но при оном образовались два особых управления, весьма обширные: духовно-учебное и хозяйственное, а из бывшего отделения православных дел составила обширная канцелярия, и все сие с директорами и вице-директорами, по образцу департаментов министерских; таким образом, устроилось опять полное министерство, хотя и без имени, но с гораздо большими правами и преимуществами, нежели первое, ибо уже потрясено было то нравственное влияние, которым искони пользовался Св. Синод.

Указывая, далее, на ненормальность подчинения духовных академий (ректором которых иногда является и епископ) и семинарий светской власти, на неправильное сосредоточивание различных церковных капиталов в руках обер-прокурора и на вред подчинения синодальной

канцелярии светскому чиновнику, Муравьев усматривал особенное нарушение церковного начала в учреждении «консультации» при обер-прокуроре. Именно, он писал: «явились еще одно новое лицо и новая инстанция в делопроизводстве синодальном, по примеру министерства юстиции, хотя, казалось бы, нельзя применять светского порядка дел к духовным: это юрисконсульт при обер-прокуроре и консультация, составленная из директоров различных управлений и канцелярий. Что же предлагается к обсуждению сей консультации? Мнения Св. Синода наиболее по делам брачных (которые собственно подлежат суду епископскому на основании соборных правил) в тех случаях, когда поступали на них жалобы к Государю. Прежде, нежели испросить пересмотр синодального решения, консультация должна представить обер-прокурору свое мнение: следует ли о том докладывать, то есть в иных словах, право или неправо судили члены Св. Синода? Не есть ли это нарушение всякого церковного начала? И что же после сего значит мнение Синода?

Далее в своей записке Муравьев сетовал на чрезмерное количество светских чиновников при синодальном управлении и в канцелярии обер-прокурора, содержание которых большей частью отнесено было на счет свечного сбора, каковой грошами собирается и, можно сказать, похищается у убогих церквей. Затем он указывал на властное распоряжение обер-прокурора светскими секретарями консисторий в ущерб архиерейской власти и на умаление влияния Синода в отношении всеобщего управления Церковью, подпавшего светскому руководству; при этом автор объяснял, что члены Синода обсуждают только предлагаемые дела, остаются в неведении об исполнении их решений и лишены прежде бывшего при приезде или отъезде их столицы общения с царем, так как обычай этот прекратился, и обер-прокурор заслонил своим лицом всех иерархов.

Но самое тяжкое и, можно сказать, догматическое нарушение прав собственно иерархических обнаружилось, по мнению автора, в перемещении архиереев с кафедры на кафедру мимо Св. Синода. Опираясь на постановления первого и второго вселенского собора, А. Н. Муравьев утверждал, что по практике церковной перемещение архиереев допускалось только по крайней необходимости и во всяком случае должно совершаться не иначе, как иерархической властью и соборной молитвой. Не более пятнадцати лет (то есть, в начале сороковых годов) и совершенно нечаянно, замечает автор, это право перемещения перешло из-под иерархического влияния на произвол обер-прокурора и окончательно

подчинило ему епархиальных архиереев.

Такое положение дел, по мнению А. Н. Муравьева, чрезвычайно опасно для будущего. Оно роняет достоинство Св. Синода, поставляя рядом с ним особую светскую власть, от которой все зависит, что только есть наиболее важного в Церкви. Внутри отечества еще более усилится раскол и будет иметь против нас оружие, а с востоком может произойти совершенный разрыв, потому что там и теперь жалуются на светское преобладание в нашей Церкви, которого опасаются и для себя.

В заключение автор, заявляя, что нынешний обер-прокурор уже вовсе не то лицо, которое поставлено было Петром Великим при учреждении Синода только для наблюдения, чтобы правительство духовное не выходило из пределов гражданских законом, замечал, что необычайная обер-прокурорская власть, в нынешних вновь созданных ее размерах, не определена и не ограничена никакой инструкцией, а между тем она касается самых жизненных вопросов православия. «Господь да охранит святую Церковь Свою и поддержит ее в обстоятельствах трудных», – так кончает Муравьев свою первую из названных записок.

Во второй своей записке: «Некоторые предположения для восстановления прежнего порядка в управлении церковном». А. Н. Муравьев таким образом очерчивает пределы власти обер-прокурора Св. Синода: «он есть только посредник между правительством духовным и гражданскими властями и око царское за наблюдением законов, а не какая-либо особая правительственная власть; и потому все его действия должны быть совершенно покрыты личностью Святейшего Синода, поставленного во главе российской церкви, после патриаршества». Сообразно с этим взглядом, автор полагал: 1) что обер-прокурору не подобает ставить, после уже пописи членов Синода, слово «исполнить»; 2) для большего успеха в делопроизводстве необходимо иметь в присутствии Св. Синода настольный реестр всех поступающих дел и уже решенных, доколе еще они не исполнены; 3) каждый из членов Синода должен иметь право входит с предложениями в Синоде, как это и прежде бывало (но с некоторого времени опущено), так как в коллегиальном управлении это есть выражение равенства членов между собой.

Для возвращения к первобытному единству управления духовного необходимо сделать, по мнению автора, следующие изменения: а) упразднить должность начальника синодальной канцелярии; б) духовное образование подчинить опять прямо Св. Синоду, без посредничества директоров и обер-прокурора; в) уничтожить консультацию при обер-прокуроре, роняющую достоинство Синода, с оставлением юрисконсульта

для сенатских дел; г) сократить штат слишком обширного персонала светских чиновников. Одним словом, устроить все, как это было прежде в Синоде, более 130 лет. Таким образом, по мнению А. Н. Муравьева, очистится древнее коллегиальное управление от позднейших министерских форм, которые только нарушают порядок делопроизводства.

Далее автор записки излагает еще несколько соображений относительно упорядочения церковного управления. Так, секретарь консистории должен войти в первобытное свое положение при архиерее и назначаться с его согласия будучи в полной от него зависимости, хотя и под ведение обер-прокурора, как прямого начальника всех светских чиновников. Перемещение архиереев с епархии на епархию, как дело прямо соборное, должно необходимо возвратиться к первобытному порядку, то есть, чтобы два или три кандидата, избираемые в присутствии Синода, были представляемы государю императору для утверждения одного из них. Таким же правилом должно руководствоваться и при вызове архиереев для заседания в Синоде, потому что соборным рассуждением должны быть вызываемы члены опытные, а не такие только, которые восполняют собой число заседающих. Каждый вновь посвященный архиерей, равно как вновь приезжающие и отъезжающие в свои епархии, должны, как всегда было по древнему порядку, представляться государю императору, а на другой день Пасхи, после литургии во дворце, пусть все члены Синода опять христосуются с государем, потому что, по недавно вкравшемуся обычаю, только они одни лишены сего духовного с ним общения. Необходимо умножить число епархиальных архиереев и их викариев, потому что Церковь российская терпит от них недостатка в своем благоустройстве.

Все свои предложения о преобразовании высшего церковного управления А. Н. Муравьев сообщил также митрополиту Филарету. Как видно из писем митрополита Филарета к А. Н. Муравьеву, от 18 марта и 8 апреля 1857 года, митрополит находил, что инструкцию обер-прокурору Св. Синода писать дело сомнительное, и что в духовном регламенте такая инструкция имеется под рубрикой: «должность обер-прокурора». Относительно же изменения порядка избрания архиереев московский святитель соглашался с тем предположением, что архиерейское избрание должно быть возвращено к апостольскому образцу, чтобы всегда было два кандидата. В заключении своего письма, от 8 апреля 1857 года, митрополит Филарет высказывал следующую грустную истину, обращающую на себя тем больше внимания, что она сознавалась даже таким влиятельным лицом, каким был знаменитый архипастырь, а именно,

он писал: «тогда как враждующие против православной Церкви пролагают себе и явные, и тайные пути, преданным ей, то предстоят преграды, то не дается довольно света, то не достает единства и стройного движения к истинному-полезному и спасительному»²⁸.

Также грустно звучит ответ Филарета на письмо епископа камчатского Иннокентия, от 19 ноября 1857 года. В этом ответе митрополит, между прочим, пишет: «открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления»²⁹.

Ознакомившись с перепиской Муравьева с митрополитом Филаретом, мы заметим, что вопрос о преобразовании церковного управления несомненно занимал тогда высшие духовные сферы. По мере обнародования писем, записок и биографических очерков лиц, принадлежавших к составу высшего духовенства, все яснее становится участие некоторых выдающихся иерархов того времени в общем стремлении к реформам, охватившем наше общество в начале царствования императора Александра II, и недовольство его существовавшими тогда порядками в духовном ведомстве и вообще в церковно-общественных делах.

Из переписки знаменитого епископа камчатского Иннокентия (впоследствии митрополита московского) с тем же А. Н. Муравьевым усматривается, что преосвященный Иннокентий, замечая беспорядки и неустройства в нашей Церкви, развивал свои взгляды на необходимость коренных в ней преобразований. Нет сомнения в том, что А. Н. Муравьев, составляя свои приведенные выше записки, вдохновлялся многими мыслями преосвященного Иннокентия³⁰.

Так, из этих писем видно, что камчатский архипастырь, известный также своим человеколюбивым взглядом на раскол, находил, между прочим, что избрание пастырей только из духовенства, а не из всех сословий несогласно с уставами Церкви, а равно и посвящение их моложе 30 лет, что воспитание духовенства совершенно неудовлетворительно и не может так оставаться, а положение духовных училищ весьма плохое, что понятие о надзоре за паствой у нас совершенно потеряно и что необходимо следует возвысить звание дьячка, как чтеца слова Божия. Считая необходимым открытие в России как можно более епархий и умножение числа архиереев (а в крайнем случае викариев), преосвященный Иннокентий с особенной грустью подмечал умаление архиерейской власти. «Ныне архиереи в городах нужны почти только для

торжественного служения в известные дни, не более», писал он 2 октября 1856 года. Несколько позднее, в письме к обер-прокурору Ахматову, от 6 марта 1864 года, преосвященные Иннокентий замечал: «что архиерей без дозволения чиновника не может окрестить язычника; я думаю, что и сам отец протоиерей Васильев Парижский (известный настоятель русской церкви в Париже) затруднится защищать это положение».

Следя с живым участием за духовной литературой и журналистикой того времени, тогда только что возрождавшейся, преосвященный Иннокентий с особенной любовью отзывался о трудах молодого Гилярова-Платонова, и на архипастыря особенно сильное впечатление произвела известная обличительная книга священника И. Беллюстина «Описание сельского духовенства», о значении которой для нашего общества мы будем говорить ниже. Преосвященный Иннокентий находил в этой книге «правды много», и в письме своем к Н. Д. Свербееву, от 11 декабря 1858 года, между прочим, писал: «Вы опасаетесь послать эту книгу митрополиту Филарету. Напрасно. Пошлите, если можно. Пусть он увидит, что я правду говорил ему о нашем духовенстве, которую он едва ли от кого слышал»,

Недовольство преосвященного Иннокентия синодальными порядками также весьма ярко выражается в его письмах, и он особенно много надежд возлагал на митрополита Григория, который в качестве первенствующего члена Синода мог, по мнению епископа Иннокентия, восстановить древнее значение Синода. «Самые лучшие и необходимейшие для блага Церкви предложения не приемлются» ... – писал епископ Иннокентий 17 ноября 1855 года А. Н. Муравьеву. «Не я один вижу неурядицы и беспорядки в нашей Церкви, это видят даже члены Св. Синода, но ничего не выходит. Быть может, по крайней мере я сильно уповаю, что при нынешнем государе и нынешнем председателе, ах! нет, виноват, у вас, ведь его уже давно нет, при нынешнем первоприсутствующем (митрополите Григории) много и многое устроится к лучшему»³¹.

Такой же подавленный тон замечается в письмах другого знаменитого иерарха того времени, именно киевского митрополита Арсения (Москвина), когда он своему приятелю архиепископу костромскому Платону описывал синодальные порядки, подневольное положение архиереев и их подбострастие и лишнюю покорность светской власти³². Письма эти относятся к шестидесятым годам, когда поднят был вопрос об улучшении быта духовенства и о переустройстве церковно-приходской жизни, а потому мы приведем суждения о них ниже. Здесь же, основываясь на словах митрополита Филарета, упоминаем, что также

видный иерарх описываемой эпохи, именно епископ вятский Агафангел (Соловьев), будучи в конце пятидесятих годов викарием в С.-Петербурге, занимался, между прочим, поправкой проекта известного ревнителя православия П. Н. Батюшкова о замене при церквях посвященных причетников наемными людьми. Во время же своего служения в шестидесятых годах в Вятке преосвященный Агафангел составил проект в форме всеподданнейшего письма к государю императору о неудовлетворительности и о преобразовании синодального управления, подобный, как указывает тот же митрополит Филарет, проекту епископа енисейского Никодима (Казанцева)³³.

Дальнейшее раскрытие и обнародование архивов почивших иерархов начала царствования императора Александра II, конечно, позволит, на основании этих лучших данных, будущему историку представить в более совершенном виде участие высшего духовенства в преобразованиях того времени, но и сообщаемые в этой главе отрывочные об этом сведения достаточно убеждают в том, как глубоко сочувствовали делу реформы во всем церковном управлении некоторые высшие иерархи описываемой эпохи.

III. Возбуждение вопроса в литературе и журналистике о преобразовании в церковно-общественных дела. – Проявление сочувствия в светском обществе к участи духовенства

В самом конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов весьма много писалось и положении русского духовенства и в светских, и в духовных журналах, а также в отдельных изданиях, появлявшихся преимущественно за границей, где свободнее можно было поднимать и осуждать некоторые щекотливые вопросы, относящиеся до церковного управления, строя и быта нашего духовенства. Особенно сильное впечатление произвели разоблачения, появившиеся в книге, напечатанное в 1858 году в Лейпциге, на русском языке, под заглавием «Описание сельского духовенства в России». В этой книге в ярких красках были выставлены недостатки в быте русского духовенства, в системе его образования воспитания и управления. В этих разоблачениях грустная правда, быть может, была перемешана с преувеличениями, но преднамеренной неправды в этой книге видеть нельзя, ибо автор говорит: «да восстанет нас Господь на суде своем страшном, если мы осмелимся сказать хоть одно слово лжи». Коренное преобразование для всего духовенства автор считал необходимым и в особенности в системе образования и управления, которое в образе «консисторий» представлялось автору верхом несправедливости. Можно сказать, что в этой книге затронуты были главнейшие вопросы, которые впоследствии стали обсуждаться широко в нашей журналистике шестидесятых годов. Все надежды автор возлагал на «могучую державную руку государя» и торжественно предсказывал, что все духовенство в стране вечной жизни, пред престолом Царя царствующих, крепким голосом воскликнет имя того царя земли русской, который совершит то, чего не было сделано со времен равноапостольного князя Владимира, а именно, изведет из тьмы и сени смертной тех, которые других должны вести к пренебесному свету. В майской книжке журнала «Русский Вестник» за 1859 год известный историк Погодин объявил, что эта книга написана по его заказу одним сельским священником и напечатана за границей вопреки воли автора.³⁴

Эти разоблачения вызвали возражения и в том же году, то есть в 1859,

появился в Берлине сборник под заглавием: «Русское духовенство». В статьях этого сборника анонимные авторы, памятуя, как всегда помещики и начальство опасались увеличения власти и влияния духовенства на народ, старались выяснить истинную причину бессильного и забитого состояния духовенства и изобличить нападавших на него писателей в намеренном преувеличении его недостатков³⁵. Одна из статей этого сборника, а именно: «Мысли светского человека о книге: Описание сельского духовенства», была перепечатана в апрельской книжке, № 16, журнала «Духовная беседа» за 1859 год³⁶.

Не только состояние и быт низшего духовенства служили темой для споров и обсуждений, но также подвергалось критике и положение высшего духовенства, в особенности по отношению его к государственной власти. По условиям нашей цензуры только в заграничной журналистике мог возникнуть возбуждавший общее внимание спор между нантским епископом Жакмэ и парижским протоиереем Васильевым о значении высшей светской власти в делах русской Церкви и ее поместного собора Св. Синода. Это горячая полемика, возгоревшаяся в 1861 году на страницах журнала «L'Union chrétienne», касалась известного текста для членов Св. Синода, и в словах этой присяги упомянутый католический епископ усматривал зависимость нашей Церкви от государственной власти³⁷. Протоиерей Васильев в своем ответе отстаивал самостоятельность русской Церкви пред государством, и этот ответ (как и вся переписка) был переведен на разные европейские языки и, между прочим, разослан ко всем французским епископам³⁸.

Насколько позволяли цензурные условия, и у нас светские и духовные писатели посвящали свои статьи раскрытию подробностей быта духовенства, обнаружению недостатков, замечаемых в духовном сословии, особенно в системе его воспитания, образования и управления. Светская литература на первых порах заговорила по большей части в ожесточенном тоне. В публицистических статьях обращалось внимание на поразительную апатичность и боязливость духовенства к общественным интересам, на его постоянное раболепие и заискивание пред сильными людьми, на отсутствие связей его, помимо треб, с другими сословиями, на односторонность его образования и даже указывалось на невежество многих сельских священников. Усматривая потомственность в духовном звании, обусловленную наследственностью мест и полную замкнутость духовенства вследствие получения образования в семинариях, наполненных исключительно детьми священно и церковнослужителей, некоторые писатели без стеснения называли духовной кастой. В

беллетристических сочинениях и воспоминаниях некоторых лиц рисовались неприглядные типы, развившиеся в духовном классе, и особенно много описаний посвящалось тяжелой бурсацкой жизни и вообще семинарскому строю, страдавшему сухостью преподавания, излишней жесткостью начальства к ученикам и бедностью учебных средств и пособий³⁹.

Все эти нападки светских писателей на духовенство не оставались без ответа. Некоторые представители духовного сословия выступили с печатным словом, в котором с своей стороны укоряли светское общество в неуважении к священному сану, в нарушении правил и обрядов веры, в незнании этих правил, в склонности ко всему иноземному, в скудости отпускаемых средств на нужды духовенства, а высшее светское общество еще и в том, что оно также совершенно замкнуто для лиц других сословий, в том числе и для духовенства, а следовательно, представляет из себя в некотором роде тоже касту⁴⁰.

Из этих полемических статей мы опустим те, в которых авторы, под предлогом нападок на духовенство, пытались разрушить устои веры и церковности, так как эта отрицательная деятельность явилась лишь эпизодом в общем ходе нашего умственного движения в описываемую эпоху⁴¹. Сосредоточив внимание на статьях, написанных без этих предвзятых целей, мы заметим, что наиболее благоразумные и беспристрастные авторы в большинстве случаев сходились в том, что быт духовенства очень тяжел, что образование его недостаточно, что его сословные и гражданские права не в меру умалены и оно стоит едва ли не ниже среднего класса, что идеал священника в понятиях нашего общества далеко вообще замечаются вялость и неустройство и, наконец, что важный вопрос об улучшении быта духовенства стоит в непосредственности и тесной связи с другими важнейшими общественными вопросами, в том числе с вопросом о правильной постановке участия мирян в церковно-общественных делах и с вопросом об упорядочении народного быта и народного образования.

В начале критика у большинства не была сильная, да и защита не была особенно убедительна. У споривших лиц как бы спала повязка с глаз, и они, увидав свою неприглядность, начали укорять, перебраниться и нападать друг на друга, не имея достаточных знаний о настоящих причинах такого неприглядного общего состояния и вялости общественных дел⁴². Но с годами поверхностный и задорный характер полемики стал уступать место серьезному и трезвому обсуждению общественных вопросов.

В начале шестидесятых годов русское общество пережило слишком много радостных и тревожных событий, которые вызывали необычайным подъемом духа и потребовали от современников напряженного и внимательного к себе отношения. Припомнить, что в указанное время совершилось освобождение крестьян, обусловленное нравственной и крупной материальной жертвой со стороны дворян-помещиков; праздновать 8 сентября 1862 года тысячелетие существования русского государства и это воспоминание упраздняло навсегда уместность ссылки на мнимую молодость России; переживалась тяжелая распря с родственным по происхождению народом, поляками, указавшая на громадное значение православия и православного духовенства в западном крае⁴³, переживались волнения учащейся молодежи в обеих столицах и в провинции (Казани) и смуты в Петербурге от злонамеренных поджогов, явившиеся первыми симптомами серьезной болезни некоторой части нашего общества, подорвавшей здоровое течение народной жизни и отражающей своими тяжелыми последствиями еще и в настоящее время⁴⁴. Наконец, в сфере церковной отметим: празднование 11 мая 1862 года после многих лет забвения в церкви московского университета памяти святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, и это событие не могло не напомнить о том убожестве народного образования, которое замечается еще и поныне⁴⁵; торжество открытия 13 августа 1861 года мощей св. Тихона Задонского, распространителя в народе религиозного просвещения и облегчавшего участь страждущих. Это торжество ознаменовалось многими чудесными исцелениями и совершилось в Задонске в присутствии полумиллиона людей разного звания, пола и возраста, которые при обходе с мощами около монастыря пали как один человек, с воженными свечами, на колена⁴⁶.

Все эти события и происшествия волновали и умудряли наше общество, которое не могло не уразуметь, что при розни и вражде между сословиями нельзя удовлетворительно разрешать назревавшие великие социальные вопросы, и что распространение не только действием разрушителей общественного порядка, но и недостатками мнящих себя охранителей такового. В этом отношении назидательный урок обществу давал московский митрополит Филарет, который по поводу просьбы графа Путятина (бывшего министра народного просвещения) относительно предупреждения императора Александра II о крайне опасном тогдашнем положении для государства и династии, в письме своем названному графу от 21 сентября 1861 года, между прочим, поучал: «примечаю и долг имею поставлять во внимание себе и кому могу, что мы много согрешили пред

Богом охлаждением к православному благочестию, в чем особенно вредные приметы подаются из высших и образованных сословий, ослаблением нравственных начал в жизни частной и общественной, в начальствовании, в суде, в области наук и словесности, роскоши и даже скудности, пристрастием чувственным удовольствиям, расслабляющим духовные силы, подражанием иноземному, большею частью суетному, чем повреждается характер народа и единство народного духа, преследование частной и личной пользы преимущественно перед общей. Умножившиеся грехи привлекают наказание, по реченному, накажет тя отступление твое (Иер. 2:19). Средства против сего: деятельное покаяние, молитва и исправление. Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей» (Собр. мнен. и отзыв., т. V, ч. 1).

Уже в 1861 году, наряду с критикой и осуждением стало пробуждаться в светском обществе некоторое сочувствие к духовенству, к его законным потребностям, а также и к запущенным по неразумию церковно-общественным делам. Мысль об активном участии мирян в деле улучшения быта духовенства, а также в церковно-общественных заботах и предприятиях стала постепенно доходить до сознания наших общественных деятелей, которые в знаменитом манифесте, 19 февраля 1861 года, услышали с высоты престола обращенный к народу призыв на свободный труд, являющийся залогом домашнего благополучия и «блага общественного». Эти деятели не могли не усмотреть, из опубликованных в то время данных, ближайшего участия духовенства в устройстве сельских народных школ⁴⁷. Они должны были признать эти заслуги духовенства и ту выдающуюся роль, которая в этом важном деле выпадает на его долю, ибо сельское духовенство еще долго будет стоять во главе распространения просвещения по деревням. Они не могли упустить из вида всю важность частного почина в деле поддержания православия в западном крае. Даже в разгар полемики по духовно-общественным вопросам, именно в 1859 году, когда стало известным, что многие приходы в западной России столь бедны, что сами не в состоянии удовлетворить необходимейшим потребностям богослужения, и храмы их ветхи, то в Петербурге образовалось общество для вспоможения беднейшим православным церквям и монастырям в России. Основательницами этого общества явились графиня Кушелева, графиня Тизенгаузен и Е. С. Бутурлина, и в состав этого общества вошли преимущественно женщины. 27 марта 1859 года это общество было учреждено и принято под покровительство государыни императрицы Александры Федоровны, а после ее кончины, последовавшей в 1860 году, государыни императрицы

Марии Александровны, верховной покровительницы общества восстановления православия на Кавказе⁴⁸. Также благотворным последствием такого пробудившегося в светском обществе сочувствия к нуждам духовенства было оказание материальной помощи беднейшим его членам и содействие к его просвещению. Москва первая стала строить дома призрения для заштатных священнослужителей, а затем ее примеру последовал Петербург и, наконец, провинция⁴⁹. Упомянем здесь, что предсмертной заботой известного государственного деятеля графа Д. Н. Блудова был проект о распространении повсеместно в России женских духовных училищ⁵⁰. Наконец, что касается Москвы, отметим учреждение 22 июля 1863 года «Общества любителей духовного просвещения», с целью споспешествовать распространению и возвышению в духовенстве и в других классах народа религиозно-нравственных познаний. В этом благоприятном для духовенства движении не отставала и провинция. Так, например, в Калуге в 1861 году в доме дворянского собрания устраивались музыкальные вечера, на которых предлагались чтения на духовные темы, и выручка шла на выдачу пособий нуждающимся воспитанникам семинарии⁵¹.

В ежедневной печати также стали изредка попадаться статьи, сочувственно настроенные к духовенству⁵². В этом отношении на первом плане следует поставить газету И. С. Аксакова «День», в которой помещались статьи, посвященные интересам духовного сословия и церковно-общественным делам, а также заключающие в себе призыв к церковной благотворительности, с каковыми статьями мы при дальнейшем изложении будем иметь случай познакомиться. Здесь же мы обратим внимание на покаянное послание, помещенное за 1863 г., в № 30 «Дня», со стороны редакции этой газеты, ее сотрудников и многих сочувствующих такому посланию лиц. Узнав о стойкости в вере и мученичестве некоторых православных священников западного края во время польского мятежа, названная газета писала: «Мы виноваты пред вами: простите нас... Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии... Какие высокие подвиги совершало ты, белорусское духовенство, бедное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки, общественной и государственной, подвиги долготерпения и мученичества».

Но кроме газетных статей, отливавшихся серьезностью направления, стали появляться в литературе и журналистике труды, обнаруживавшие в авторах вдумчивость и глубокое изучение затронутого предмета, и эти труды, осветившие впервые область духовных интересов и церковно-

общественного ведения, произвели глубокое впечатление на современников и не потеряли своего значения и в настоящее время. В этом отношении на первом плане следует поставить духовную журналистику, которая заметно оживилась в начале шестидесятых годов, особенно с того времени, когда к старым журналам присоединились новые журналы, смело и беспристрастно отнесшиеся к вопросу о духовенстве («Дух Христианина» в Петербурге, «Православное Обозрение» и «Дешеполезное Чтение» в Москве, «Духовный Вестник» в Харькове), посвятившие свои труды выяснению различных практических интересов духовенства («Руководство для сельских пастырей» в Киеве), следившие с особенным вниманием за церковными делами («Странник» в Петербурге) и помещавшие на своих страницах ученые труды авторов, которые своими историческими изысканиями помогали выяснению вопросов, занимавших в то время наше общество («Труды Киевской духовной академии») ⁵³.

С содержанием некоторых из этих статей мы постепенно также будем знакомиться при разборе разных явлений в области церковно-общественных дел; здесь же приведем выдержку из статьи «О первоначальном народном обучении» помещенной в кн. II «Приложений к творениям св. отец» за 1862 год. Автору этой статьи удалось в сжатых и ясных выражениях выяснить некоторые стороны действительной причины печального состояния духовенства, о чем так много писалось и говорилось в то время.

В этой статье автор, между прочим, говорит: «нужно раз убедиться в той истине, что если просветительное влияние духовенства не являлось доселе в столь полной мере, как бы это желательно и как обнаруживается оно в других странах, причиной тому не какой-нибудь духовный разлад между духовенством и народом, а частью стесненное положение народа и, главным образом, стесненное положение, в которое поставлено историей духовенство. Когда Петр Первый издал указ, запрещающий монаху держать у себя в келии перо и чернила; когда тот же государь указом повелел, чтобы духовный отец открывал уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди: духовенство должно было почувствовать, что отселе государственная власть становится между ним и народом, что она берет на себя исключительное руководство народной мыслью и старается разрушить ту связь духовных отношений, то взаимное доверие, какое было между паствой и пастырями. Духовенство поняло, что действовать своим духовным влиянием для него отселе небезопасно. Когда последовало отнятие церковных имуществ (не одних крестьян, но и земель) и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда

приобретение новых имуществ для Церкви намеренно обставлено было разными трудностями, когда над оставшимися имуществами контроль все более и более усиливался, распоряжение ими все более и более централизовалось; когда часть церковных имуществ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную, духовенство должно было почувствовать, что и у собственных средств оно не хозяин, а только приставник; что оно не может отселе ни задумать назначения своим средствам, ни тем менее ручаться, что первоначальное назначение устоит долгое время. Духовенство поняло, что отселе властно оно без всякой помехи пригласить жертвователя разве только на позлащение церковной крыши или возведение ограды, без уверенности, впрочем, что крыша и ограда навсегда сохранять свое назначение⁵⁴.

«Когда духовенство видеть, что законодательство сначала может быть намеренно, а затем и бессознательно, следуя старому порядку, с обидной последовательностью проводит такое правило: «духовное лицо православного исповедания за свое служение не должно быть ничем вознаграждено, либо должно получать вознаграждение несравненно меньшее, чем лица светские, или лица духовные, но не православные, стоящие не тех же самых должностях»⁵⁵ – к какому заключению должно приходиться духовенство? К тому без сомнения, что оно есть сословие намеренно униженное, на которое сама государственная власть смотрит с презрением и единственно за то, что оно вернее других осталось священным началам своей родины. Какой же после того ждать уверенности или одушевления в действиях?

«Происходит ли духовное движение в народе, закон велит ставить сейчас между духовенством и народом полицейскую власть с обязанностью обидного надзора и обязанностью не менее обидного содействия. Устраивает ли само правительство среди народа школу, оно назначает туда законоучителя, но в ряд с другими, ставит его в положение чиновника, подвергнутого всем мелочным формальностям администрации. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мещане добровольно отдают детей, духовное лицо принуждено таить от правительства: ибо закон требует, чтобы о каждой школе был подаваем отчет, а отчет предполагает ревизию и вмешательство. Не достаточно ли одних этих причин, чтобы сделать духовенство тем, чем оно есть, к сожалению, теперь? А именно: сословием запуганным, но вместе жадным и завистливым, униженным, но притязательным, ленивым и равнодушным к своему высшему призванию, а вследствие того и не весьма безукоризненным в образе жизни. И однако из всех сословий

просвещенных наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболее хранительная в государстве. И однако, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, духовная связь между ними и народом не разорвана. Но чтобы укрепить эту благодетельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство».

Статья эта была замечательная и вызвала весьма существенные дополнительные соображения. В «отечественных Записках» обращалось внимание на незначительность услуг духовенства народному образованию в допетровскую эпоху, когда духовенству принадлежали еще церковные имущества и оно, следовательно, обладало большими материальными средствами, и параллельно ставились на вид заботы об этом образовании со стороны православных мирян, которые, соединяясь в религиозно-просветительные братства, учреждали народные школы, составляли буквари и грамматики. В заключении высказывалось удивление, что автор, защищая сельское духовенство от угнетений светской власти, ни слова не говорит о том угнетении, которое оно претерпевает от своей же братии, духовенства. А также высказывалось удивление и тому, что автор, при перечислении неблагоприятных влияний на сельское духовенство, забывает упомянуть о кастовом устройстве его и схоластическом воспитании, то есть, о двух самых главных причинах препятствующих просветительному влиянию его на народ⁵⁶.

Но что всего примечательнее, так это обращение внимания государя императора на статью «О первоначальном народном обучении», а именно, на следующее место: «православное духовенство есть сословие намеренно униженное, на которое сама государственная власть смотрит с презрением». Так как эта статья, принадлежавшая перу Н. Гилярова-Платонова, появилась, как известно, в органе московской духовной академии, а затем перепечатана под заглавием «Судьба русского народного образования» в московском журнале, «Православное обозрение» 1862 года № 6⁵⁷, то спрошено было мнение об этой статье митрополита Филарета. Последний заявил в письме на имя обер-прокурора Ахматова, от 25 сентября 1862 года, что статья эта была прочитана ему в рукописи без объявления намерения напечатать оную, потому он следил за ней не строгим критическим взором и, обращая внимание на сущность дела, на поручение духовенству первоначального обучения народа, отозвался о ней одобрительно⁵⁸. Затем, по существу запроса митрополит Филарет, признавая приведенные выражения неосторожными и неблагоприятными, однако находил, что, по конструкции всего замеченного места в статье, указанные выражения надо понимать

только как обескураживающее мнение духовенства о себе. «Если бы, – продолжал московский святитель, – автор ту же мысль облек в выражения более осторожные, как, например, что вознаграждение духовного лица за службу меньшее, нежели светского и православного, меньшее нежели неправославного служителя религии, невольно располагает православное духовенство видеть себя менее других пользующимся благоволением государственной власти: та же мысль только в более осторожных выражениях не подверглась бы неблагоприятному суждению, при беспристрастном воззрении на дело. Если неблагоприятному воззрению (продолжает митрополит) подверглось и то выражение статьи, что законодательство сначала, может быть, намеренное было менее внимательно к службе православного духовенства, нежели к службе светских лиц и иноверцев; то это указание, смягченное словами «может быть» относится, как видно из предыдущей части статьи, ко временам Петра Великого, а не к настоящему времени. И такой отзыв не будет тяжел для Петра Великого, который, конечно, не для возвышения духовенства пожелал отменить патриаршее достоинство и, в пародию над духовенством и церковными обрядами, учредил так называемый «всешутейший собор». Что касается до вознаграждения службы православного духовенства меньшего в сравнении с службой светских чинов и иноверцев, это так очевидно из штатов жалованья разных учреждений, что едва ли нужно приводить примеры⁵⁹. Члены православных консисторий, духовных правлений, благочинные проходят сии должности лица римского исповедания в России. Многочисленные сего рода сличения способны подать повод, конечно, не к тому, чтобы служащие в духовном ведомстве воскрилялись и поощрялись, а разве к тому, чтобы они чувствовали себя сравнительно униженными и менее пользующимися вниманием власти. И в сем состоит весь смысл рассматриваемой статьи, что рассматриваемая статья не подлежит обвинению в несправедливости или в неблагонамеренности, а только в неосторожности и неблагоприятности выражений».

В заключении этого краткого обзора литературы пятидесятых и начала шестидесятых годов по церковно-общественным вопросам мы не можем не упомянуть о богословско-полюемических статьях А. С. Хомякова, который по словам Ю. Самарина, «выяснил идею церкви в логическом ее определении», понимая под церковью не иное что, «как единство верных, созидаемое взаимной любовью в Иисусе Христе, нашем Спасителе и Боге». Эта заслуга Хомякова представляется тем более значительной, что в то время, по словам того же Самарина, под влиянием направления,

данного науке господствовавшей за границей школой, эта наука и у нас глядела на веру свысока, как на пережитую форму самосознания, из которой человечество выбивалось на простор. Наше образованное общество только отчасти испытывало на себе влияние науки, получая от нее не начала, даже не выводы, а общее направление или тон. На эту среду гораздо сильнее действовали обстоятельства другого рода и действовали хотя бессознательно, но за одно с наукой. Во главе этих обстоятельств стоял крупный, всем бросившийся в глаза факт церковной казенщины, иначе, подчинения веры внешним для нее целям узкого официального консерватизма, который под предлогом охранения веры, благоволения к ней и благочестивой заботливости о ее нуждах, мнет и душит ее в своих бесцеремонных объятиях, давая чувствовать всем и каждому, что он дорожит ею ради той службы, которую она несет за него. Тогда очень естественно в обществе зарождается мнение, что так тому и следует быть, что иного от веры и ожидать нельзя и что, действительно, таково ее назначение. Это убивает всякое уважение к вере.

И вот в эту-то среду, на ряду с отрицательными доктринами, попали и возвышенные понятия А. С. Хомякова, который, усматривая всю будущность в Церкви, приглашал в 1858 году, по окончании кровопролитной войны России с Европой, наше общество заняться интересами, превосходящими интересами, какие только есть у людей на земле, то есть, интересами «церковными» в обширном значении этого слова.

А. С. Хомяков допускал, что Церковь Русская не настолько зависима от государства, насколько бы следовало, и не пользуется полной свободой в своей деятельности, но полагал, что эта зависимость не вредит характеру Церкви. Отсутствие такой свободы в Церкви он приписывал малодушию ее высших представителей и их собственному стремлению снискать покровительство правительства не столько для самих себя, сколько для Церкви. Есть, конечно, нравственное заблуждение в таком недостатке упования на Бога; но это, по мнению Хомякова, случайная ошибка лиц, а не Церкви, не имеющая ничего общего с убеждением веры. Дело было бы совсем иное, замечал далее Хомяков, ежели бы малейшее догматическое заблуждение, или даже нечто на это похожее было допущено или дозволено церковью из угождения правительству; но такого допущения сделано не было⁶⁰.

IV. Пробуждение мысли о важном общественном значении «православного прихода» и «православного братства». – Возрождение «православного прихода». – Вопрос о «приходе» в эпоху освобождения крестьян

Вместе с критикой нашего прошлого и выяснением исторически выработанных устоев нашей прежней общественной жизни, в сознании нашего общества начинала проясняться светлая мысль о возвышении значения наших приходов, которые надлежало оживить и прочнее организовать, причем под приходами правильно понимались церковные общины, объединяющие православный народ единством веры и преследующие высшие жизненные интересы, как-то: просвещение и благотворение ближним⁶¹. Автор приведенной выше историко-критической статьи (Прилож. к Твор. св. от «О первоначальном народном обучении»), между прочим, говорит: «приходы – живые памятники и символы духовного единения в вере, которые должны образовать их себя также сосредоточия и просвещения вообще». Развитие понятия о приходе и достижение нескольких практических результатов касательно способов и мер к оживлению приходской жизни имеют также свою небольшую историю.

По времени первая попытка в разработке вопроса о значении православных приходов в нашем церковно-общественном строе принадлежит автору, поместившему под инициалами И. Б. в московском журнале «Русская Беседа» за 1857 г. статью «Приход»⁶².

Эта статья начинается энергичным возгласом о необходимости света.

Света, света! Как можно больше света! Чтобы не было темных мест, чтобы не было глухих закоулков, в которых так привольно укрываться злу, а то тьма погубит нас, друг друга давить станем. Но прежде всего нам нужен свет Христов, все просвещающий, освящающий и оживотворяющий, который проникает в самые темные закоулки, в жизнь семейную, в душу человека; этого света прежде всего и больше всего нужно для нас⁶³.

И вот автор, указав, что мы имеем этот великий и живописный свет в Православной Церкви, замечает, что мы, к сожалению, мало пользуемся

сим светом. Мы имеем величественное проникающее в душу священнослужение, есть у нас иерархия, составленная по преданию апостольскому и отеческому, есть и заслуживающие полное уважение пастыреначальники и учителя... Все у нас есть, все приготовлено, все устроено, чтобы нам пользоваться благами животворного света Христова, только нашей деятельности здесь нет, нет нашей заботы пользоваться этими благами; все вокруг живет и действует, мы только неключимы и находимся в каком-то мертвенном сне⁶⁴.

Приступая к изложению своих соображений о необходимости оживления церковно-приходской жизни, автор сначала указывает на чисто внешнее формальное отношение православных к своей приходской церкви и приходу.

«Куча камней, не соединенная никаким цементом, более имеет связи, чем члены приходской церкви, ежели один камень возьмешь из кучи, то непременно другой соседний камень пошевелится, а бери любого члена в приходе, обижай его и делай с ним, что хочешь, все другие члены, за небольшими исключениями, и не тронутся с места, пальцем не шевельнуть, только бы их не трогали. Но неужели такие отношения наши правильны? Неужели здесь все, чего от нас требует Православная Церковь? Нет, десять раз нет, это далеко не все, это только явное обличение нашей неключимости, нашего нехотения пользоваться светом Христовым, это только свидетельство того мертвенного сна, того могильного мрака, в котором мы живем».

Замечая, что отношения прихожан к нищим своего прихода совершенно неправильны, автор проектирует собрания прихожан по воскресеньям, тотчас после обедни, у священника или старосты для разбора сирот и бедняков и для приискания труда всем, кто в силах работать, заявляя при этом совершенно основательно, что просьбы, обращенные целым приходом по таким делам, вряд ли часто будут оставаться без нужды сообщая всему приходу нанять квартиру, а лучше устроить дом, для которого земля почти всегда готова при церкви. Деньги для доброго дела всегда найдутся, хотя бы и в заем с погашением из церковных сборов. Потом, в устроенном или нанятом от прихода доме непременно должно отделить комнату для училища, где бы учить нищих с семилетнего возраста грамоте, закону Божьему, письму и счету. Учителя (из дьячков и пономарей) всегда найдутся за незначительное жалование.

Но что может сделать единоклющие и крепкий нравственный союз прихода, когда приход составляет одно живое целое, когда прихожане не груда мертвых камней, как большей частью бывает, а живые деятельные

члены, сочувствующие интересам целого прихода, об этом мудрено и сказать, всех благих последствий единодушия прихожан зараз и не исчислишь! Зато при отсутствии общих забот прихода (справедливо замечает автор) и те средства, которые есть на лицо, будут пропадать даром. Приход может пристроить не одних нищих, его нравственные силы несравненно крепче, он может избавить от нищеты еще не живущих мирским подаянием, но готовых сделаться таковыми от неблагоприятных обстоятельств, он может спасти от нравственного падения готовых пасть; он может защищать обидимых и поддерживать слабых. Приход есть величайший двигатель общественной нравственности, в нем только возможно возрождение нравственных сил общества, в нем заключается зерно жизни, на него прежде всего должно обратить внимание. Ни одно общественное учреждение так не способно для благих целей, как приход, и это потому, что в приходском обществе нет различия состояния, а все равны пред Богом, и в добрых делах все имеют братский голос. В заключении автор заявляет, что приходы давно уже учреждены и учреждены законом; закон признает уже каждый приход чем-то живым, целым; следовательно нам только остается исполнить закон, только возратить, или скорее, пробудить жизнь прихода, которую мы усыпили преступным эгоизмом.

В том же 1857 году вышло в свет сочинение священника Иоанна Флерова «О православных церковных братствах, существовавших в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях». В этом сочинении автор, по имевшимся в ту пору источникам, довольно подробно сообщал об устройстве православных братств, действовавших на западе России, о религиозно-просветительных целях этих свободных христианских союзов, а также о средствах и способах их для достижения этих целей. Несомненно, что наше образованное общество, благодаря этому сочинению, впервые познакомилось с братскими учреждениями, совершенно неизвестными в то время в восточной России, и это знакомство с самым светлым и культурным явлением древней Руси должно было раскрыть нашему обществу всю ту зиждительную силу православия, которая присуща ему согласно канонам церковным, практики церковной и законам гражданским, поддерживающим эту практику, и которая находит свое выражение в соборном управлении церковными делами. Эти братства, не ограниченные, как приходы, географически определенным районом, являются религиозно-политическими учреждениями с широкой программой просветительной и благотворительной деятельности, с неограниченным числом деятельности

простой, но вместе с тем и крепкой организацией управления. Названные учреждения, возникшие на чисто церковной почве, по благословию высших иерархов, представляются вполне испытанными христианскими союзами и, объединяя и воспитывая людей в христианском духе, могут с своей стороны мощно способствовать развитию церковно-приходской жизни.

Теперь весьма необходимо указать, как все эти плодотворные мысли о приходской и братской самодеятельности и самостоятельности, развиваемые в статьях и сочинениях, проникали в самую жизнь и какие на практике вызвали явления. В этом отношении надлежит на первом плане поставить мероприятия нашего духовного и светского правительства.

А. В 1859 году управлявший делами сибирского комитета статс-секретарь Бутков препроводил обер-прокурор Св. Синода составленный генерал-губернатором восточной Сибири графом Муравьевым-Амурским, по совещании с архиепископом камчатским Иннокентием, проект правил об обеспечении и устройстве духовенства в Амурской и Приморской областях, на предмет испрошения одобрения Св. Синода.

Для доставления духовенству области Амурской и Приморской возможности стать на высоту духовных учителей и в сих видах обеспечить его материально и поставить его в определенные отношения к прихожанам, в указанных правилах этому духовенству назначалось, кроме надела земли, помещения от прихода и жалованья от казны, еще и определенное пособие от прихожан, по раскладке этого собора между ними, деньгами или хлебом.

Такое материальное устройство духовенства и возложение главной тяжести его на приход побуждало правительство вызвать к деятельности приходские силы и признать за приходом его древнее значение юридического лица. Таким образом, попечение об удовлетворении всех нужд приходских церквей и состоящих при них причтов возложено было правилами на обязанность «советов прихожан», которые составлялись: из священнослужителей местной церкви, из представителей от всех сословий и званий (не исключая ремесленников) по одному от каждого, из церковного старосты и особого почетного попечителя в городах, а в сельских (или станичных) приходах из местных священнослужителей, сельских начальников, церковных старост и представителей от окрестных селений, приписанных к приходам. Все сии лица (за исключением священнослужителей, являвшихся непременно членами советов) избирались прихожанами на известный срок, и председательство в советах приходов городских церквей принадлежало тому, кто будет для сего

членами совета избран, а в селениях приходскому священнику⁶⁵. Ведение и распоряжение церковными доходами и расходами, не исключая свечного и кружечного сборов, принадлежат к числу главнейших обязанностей советов приходских, которые обязываются в сем случае надлежащей отчетностью. Кроме того, на них возлагается попечение о призрении бедных прихода, погребении неимущих умерших, устройстве участи бесприютных сирот, распространении грамотности и религиозного образования между прихожанами, устройстве кладбищ, примирительное разбирательство всех тех, кто обратится к суду совета приходского, и рассмотрение случаев по нарушению правила о безвозмездном исполнении причтами духовных треб, о коих случаях, если окажется нужным, доводится до сведения епархиального начальства⁶⁶.

Св. Синод, рассмотрев этот проект и найдя его столь основательным и соответствующим цели, в самом проект выраженной, что, по воспоследовании высочайшего соизволения на приведение положения сего в действие, определением 17 июля (7 августа) 1859 года, положил: всеподданейше ходатайствовать пред Государем Императором, чтобы Св. Синоду было дозволено войти в соглашение с подлежащими министерствами о применении главных начал означенного проекта, по мере возможности и внимательном соображении с местными условиями, к прочим губерниям и областям России, за исключением западных, для которых составлялось уже особое положение⁶⁷.

Означенные правила, по журналу сибирского комитета, удостоились высочайшего утверждения 23 декабря 1859 года.

Так совершилось в 1859 году, по почину двух знаменитых русских деятелей, архиепископа Иннокентия и графа Муравьева-Амурского, и с полного одобрения Св. Синода, возрождение православного прихода в восточной Сибири, вполне в духе нашей церковности и согласно коренным началам нашей церковно-гражданской жизни, причем Св. Синод выразил свое неперемное желание о применении, с высочайшего соизволения, названных зиждительных правил во всей России⁶⁸.

Дальнейшая история этого синодального предположения такова: определением 13 февраля 1860 года, Св. Синод, в соответствие своему первому определению от 17 июля (7 августа) 1859 года, представил обер-прокурору графу А. П. Толстому испросить Высочайшее соизволение, дабы Синоду дозволено было войти в соглашение с светским правительством о повсеместном применении приамурских правил в главных их основаниях. В числе бумаг, сданных в феврале 1862 года бывшим обер-прокурором Св. Синода графом А. П. Толстым своему

заместителю генерал-майору А. И. Ахматову, остались неисполненными вышеприведенные письменные предположения Св. Синода. Новый обер-прокурор А. П. Ахматов уже в мае 1862 г. вошел по этим предположениям Св. Синода в переписку с московским митрополитом Филаретом, который, хотя и находил приамурские правила для себя неясными и трудно приложимыми к другим епархиям, однако, высказал в заключение, что мысль о приходском совете есть такое семя, которое, если удастся посеять, обедает некоторые плоды⁶⁹. 12 декабря 1862 года обер-прокурор Ахматов в предложении Св. Синоду заявлял, что Государю Императору благоугодно было повелеть: дело, по предложению Св. Синода о применении начал проекта правил по обеспечению духовенства в приамурском крае к прочим губерниям России, передать в учрежденное ныне особое Присутствие для изыскания способов к обеспечению быта православного духовенства. Св. Синод, определением 17 декабря 1862 года, во исполнение сей Высочайшей воли, приказал синодальной канцелярии передать это дело в особое Присутствие. Наконец, 28 июня 1863 года обер-прокурор предложил Св. Синоду нижеследующую выписку из журнала Присутствия, от 30 мая 1863 года, высочайшее утвержденное 17 июня 1863 года: «по вопросу, который возник в Св. Синоде еще до утверждения Присутствия, именно, по вопросу о применении к разным местностям империи положения об обеспечении и устройстве духовенства Приамурского края, Присутствие находит, что вопрос об обеспечении духовенства каждой епархии должен быть разработан по каждой епархии самостоятельно, согласно местным потребностям и представляющимся к удовлетворению оных способам, и за таковым распоряжением изданное для одной, совершенно отдельной, местности частное положение не может быть принимаемо за основание для применения к нему в других местностях. По изъяснении соображениям вопрос о применении означенного положения к другим местностям оставить без дальнейших последствий».

Св. Синод 17 июля (7 августа) 1863 года принял эту выписку к сведению и дело зачислил оконченным⁷⁰.

В то же приблизительно время, когда изданы были правила о советах приходских в Амурской и Приморской областях, уже исключительно высшим светским правительством были учреждены церковные советы в округах пахотных солдат (Новгородской губернии) и в округах южных (бывших военных) поселений. С передачей округов пахотных солдат в 1857 году из военного в удельное ведомство, министр императорского двора утвердил в 1860 году правила для церковных советов при тамошних

церквях, а по этому примеру были утверждены министром государственных имуществ такие же правила для церковных советов в округах южных поселений. Получив первое известие о существовании таких советов лишь в 1862 году, Св. Синод просил в апреле названные министерства сообщить указанные правила об учреждении сих советов на рассмотрение. Управляющий департаментом уделов сообщил Св. Синоду, что об этом учреждении церковных советов своевременно доведено было до высочайшего сведения, и что эти советы принесли существенную пользу хозяйству церквей, а прихожанам приняты с признательностью. Председатель распорядительного комитета по устройству южных поселений с своей стороны сообщил Св. Синоду, что учрежденные в сих поселениях церковные советы в некоторых местностях оказали материальную поддержку тамошним церквям, несмотря на краткость времени существования таких советов, но что духовенство, не привыкшее к контролю в своих действиях, не разделяет мнения о пользе сих советов.

При рассмотрении этих правил о церковных советах в округах южных поселений оказывается, что совет составляется из 4 – 10 поселян, по избранию прихожан, из стариков и лучших людей в приходе, отличающихся своей хорошей жизнью и усердием к церкви, преимущественно грамотных, лица эти называются старшинами. Кроме выборных в церковном совете состоят членами по должности: приходской священник, волостной голова и церковный староста. Церковный совет печется о добром хозяйстве церкви, а также о сиротах, увечных и престарелых своего прихода, и ведению его подлежит: здание церкви со всеми принадлежащими к ней строениями, здания училищ и благотворительных учреждений (устроенных на мирские суммы), кладбища, а также все суммы, поступающие в пользу церкви и в пользу бедных, престарелых, сирот, и, наконец, церковная утварь и вообще все движимое имущество вышеозначенных учреждений. Обыкновенные расходы производятся под наблюдением совета старостой, а значительные расходы по церкви и богоугодным заведениям могут быть производимы по мирскому приговору всех прихожан. Церковный совет изыскивает меры к обеспечению участи бедных, престарелых и сирот в приходе, а также к обучению поселянских детей обоюго пола грамоте и православной вере. Предположения по сим предметам совет представляет обществу прихожан, которые в случае согласия постановляют по сему предмету мирской приговор. Совет по мирскому приговору прихожан нанимает чтецов в церковь, если бы наличное число причетников оказалось недостаточным, а равно и сторожей для охраны церковного имущества. По

истечению года церковный совет на общем мирском сходе прихожан отдает отчет во всех своих действиях по хозяйственным и благотворительным делам и в особенности по приходу и расходу сумм⁷¹. Обозрение этих правил приводит к убеждению, что ими более, нежели приамурскими правилами, устанавливалась полная автономия православных приходов, возвращенных к активной деятельности в области церковно-общественной⁷².

Получив эти правила, Св. Синод сделал сношение с некоторыми преосвященными, прося их дать заключение о приложимости сих правил на практике.

Опуская подробности, изложенные в мнениях преосвященных (московского, киевского, херсонского и харьковского) касательно церковных советов в южных поселениях, и заметя, что все они высказались в принципе в пользу учреждения таких советов, мы здесь лишь укажем, что только преосвященные херсонской и харьковский отнеслись критически к предоставлению сим советам права распоряжения и заведывания церковными имуществами и церковными суммами. Что же касается до самого авторитетного между ними митрополита Филарета, то он, находя составление правил о церковных советах без ведома Св. Синода и введение их в действие без отношения к епархиальному архиерею необычайным и нежелательным случаем в церковном управлении, указывая главным образом лишь на неудобство в предоставлении совету заведывания освященными вещами, на нежелательность устранения духовного начальства от ревизии годовых отчетов сих советов и высказался против распоряжения церковных советов свечными суммами, имевшими в то время особое назначение направление⁷³. В заключение митрополит Филарет полагал, что как в Приамурском крае, так и везде, при каждой приходской церкви, может быть учрежден церковный совет для устройства церковного хозяйства и дел приходской благотворительности и просвещения, и допускал контроль совета за верным хранением и употреблением церковной собственности, выражающийся в присутствии совета при ежемесячном счете и проверке прихода и расхода. Наконец, митрополит Филарет указывал на то, чтобы важнейшие дела церковные происходили по совещаниям совета и всего общества прихожан и чтобы средства, приобретаемые для дел человеколюбия, не были смешиваемы со средствами собственно церковными⁷⁴.

Вопрос об участии православного прихода, чрез свои органы (советы, попечительства и т. п.), в управлении церковно-мирским достоянием и об

упорядочении всего этого управления для блага церкви и нравственного роста православного населения является наиболее важным в целях признания за приходом его древнего значения юридического лица, а потому мы считаем необходимым остановиться подробнее и внимательнее на отношении к сему вопросу митрополита Филарета, авторитетность мнений которого признается всеми православными.

Для более ясного уразумения взгляда митрополита Филарета по сему предмету мы приведем на справку мнение, высказанное им 7 марта 1862 года о собственности православной церкви, в виду существовавшего в то время в светском правительстве предположения о подчинении церковных капиталов одинаковым контрольным правилам с суммами других министерств, то есть предположения вносить эти первые капиталы в сметы для рассмотрения в государственном совете. В этом мнении, а также во всеподданейшем представлении Государю Императору об оставлении в прежнем положении контроля и хранения сумм духовного ведомства, митрополит Филарет явился решительным сторонником независимости финансовой церкви от государственного контроля и вмешательства и в подкреплении своего мнения сослался на апостольские и соборные правила (св. апост. Прав. 41, Антиох. соб. прав. 24 и Карфаген. соб. прав. 42)⁷⁵.

Отделяя строго-церковную собственность от государственной, митрополит Филарет ни коим образом не был сторонником полновластия епископов в управлении церковной собственностью и, как видно из донесения его Св. Синоду в 1851 году, с мнением о своде важнейших постановлений из правил апостольских, соборных и отеческих, составленном архимандритом Иоанном, при разборе ст. 244, о церковном имуществе, он замечал: «здесь пропущено одно из главных правил церковного хозяйства, чтобы епископ не распоряжался церковным имуществом сам безгласно, а имел для сего эконома; зри IV вселенского собора правило 26»⁷⁶. Точно также митрополит Филарет не сливал понятия «церковной собственности» с понятием «собственности духовного ведомства», или «синодальной», и (пункт VIII его мнения) признавал за отдельными церквами право собственности на их доходы и капиталы⁷⁷.

Не упуская из вида этого ясно выраженного митрополитом Филаретом мнения о характере церковной собственности и в частности о самостоятельной собственности местных церквей, мы укажем на два случая, которые подали московскому святителю повод высказать свое заключение относительно управления церковными имуществами

приходским советом, в состав которого входят не только представители от мирян, но также представители от местного причта. Так, в письме к А. Н. Муравьеву, от 6 апреля 1860 года, митрополит Филарет, касаясь дел константинопольской церкви, между прочим, говорит: «что такое управление церковными имуществами посредством мирского почти совета? Не знаю. Что управление одними духовными лицами не было счастливо, это известно. Составит управление из духовных лиц с приобщением некоторых светских, под главным ведомством патриарха и синода, было бы не противно правилам и не худо по обстоятельствам»⁷⁸. В другом письме, а именно к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову, от 5 марта 1843 года, митрополит Филарет, касаясь дел нашей единоверческой церкви, разъяснял, что «епархиальное начальство, щадя помысел единоверческих церквей, оставляет единоверцами в церковном хозяйстве полную свободу»⁷⁹.

Это последнее разъяснение заслуживает особого уважения. Если при утверждении в 1800 году высшим духовным и светским правительством пунктов единоверия, дозволяющего православным в крайних случаях приобщаться у единоверческих священников Св. Тайн (п. 11 утвержденных московским митрополитом Платоном правил), и затем при разъяснении сих пунктов в указе Св. Синода, от 5 апреля 1845 года, сочтено было возможным дать единоверческим приходам право избрания ими своих священнослужителей (п. 2) и право управления церковным имуществом и доходами их церквей, то не может быть сомнения в том, что нет никаких существенных канонических оснований для лишения православных приходов таких же прав, а наилучшим доказательством из практики нашей церкви за последнее время о неимении таких препятствий служит полное одобрение Св. Синодом в 1859 году приамурских правил об учреждении приходских советов, снабженных упомянутыми выше правами, и настойчивое желание Св. Синода распространить именно эти правила во всей России⁸⁰.

Имея приведенные выше понятия о «приходском управлении» и зная о разрешении Св. Синодом вопроса об этом управлении в смысле вполне благоприятном для мирян, митрополит Филарет, как мы видели выше при обсуждении правил приамурских и южно-поселенских, коснулся с особой осторожностью определенного сими правилами порядка приходского управления и, не высказывая мнения о том, что предоставление церковным или приходским советам права заведывания и распоряжения церковным имуществом и доходами противоречит каким-либо каноническим правилам, прямо признал необходимость предоставления сим советам

полного контроля над этим имуществом и доходами.

Все эти данные дают нам достаточное основание утверждать, что митрополит Филарет не мог быть сторонником правильности той формулы, по которой в православных приходах заведывание и управление церковным имуществом и доходами должно быть оставлено в руках причта и церковного старосты под высшим наблюдением духовного начальства. Такое утверждение приобретает еще большую силу в том факте, что митрополит Филарет, будучи всегда строгим блюстителем правильного ведения церковного хозяйства, сам лучше всех и ранее других знал о коренном несовершенстве такого способа управления церковным имуществом и доходами⁸¹. Так, в мнении своем, от 17 января 1863 года, он, между прочим, писал: «известно и прискорбно то, что в церквах не вся свечная прибыль показывается и представляется начальству и вероятно в большей части церковей большая половина оной переходит в кошелевную сумму, но священник, зная сию неверность церковных старост пред законом, принужден терпеть ее, потому что без сего многие церкви не могли бы удовлетворять своим потребностям, а также и потому, что неудобно преследовать за сие церковных старост, и при таком преследовании не нашли бы желающих принимать должность церковных старост».

В другом своем мнении о собственности православных церковей при предположении об обращении церковных сборов в казначейства, московский владыка прямо заявил, что большая часть сельских церковных старост не способны дать какие-либо объяснения⁸².

Основываясь только на этих правдивых словах московского святителя, нельзя прийти к другому заключению, как к тому, что весь способ ведения церковного хозяйства по указанной выше формуле, как ведущий к сознательной утайке церковных сумм с риском их похищения и к помещению в отчетах заведомо неверных сведений начальству о движении самых святых денег в России, собираемых с народа по грошам на «Божие дело», должен быть признан окончательно негодным и требующим замены его более надежным способом церковного хозяйства.

Все эти сведения о широком введении «приходского управления», по инициативе высшего духовенства и светского правительства как в Сибири, так и в средней, и южных полосах России в течение 1859 – 1862 годов, необходимо иметь ввиду при обсуждении деятельности особого присутствия по созданию и введению в действие правил о приходских попечительствах, изданных в 1864 году, о чем речь будет идти ниже⁸³.

Б. Теперь мы коснемся постановки в редакционных комиссиях

вопроса о «приходе», как единице административно-территориальной, в эпоху освобождения крестьян.

При начертании положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, в редакционных комиссиях весьма естественно возник вопрос чрезвычайной важности, а именно «об общих основаниях образования крестьянских обществ». Комиссиям предстояла задача создать две независимые друг от друга общественные единицы, а именно «хозяйственную» и «административно-полицейскую и судебную».

Как известно, в дореформенное время пользование господской землей «миром» было явлением, замечавшимся в великороссийских губерниях и отсутствовавшим в губерниях малороссийских, белорусских и литовских. Такое неофициальное существование «поземельных общин» дало большинству деятелей редакционных комиссий, заботливо отстававшему самостоятельность этой общины, основание к образованию «сельских обществ», как единиц чисто-хозяйственных, члены которых для выплаты податей и повинностей связаны между собой круговой порукой. Образование таких обществ было направлено против «помещика», которому противопоставлен был «мир»; с этим миром он и должен был со времени реформы иметь дело, а не с отдельными членами сельского общества, и в этом усматривалась гарантия для последних от произвола помещичьей власти, которая хотя юридически и упразднялась, по фактически оставалась все еще довольно сильной. Вместе с тем образование сельских обществ было и на пользу правительственной администрации, так как круговое ручательство членов сельских обществ за исправное отправление казенных податей и окладов обеспечивало правильное и неуклонное поступление таких податей в казну.

Если такая хозяйственная единица, имеющая непосредственную связь с общим пользованием землями и угодьями, соответствовала сельскому быту великороссийских губерний, где существовала поземельная община, то для западных губерний она была нововведением, вряд ли отвечающим интересам тамошних крестьян, ибо они, при личном пользовании земельными участками, все-таки обязывались отвечать круговой порукой, то есть, должны были платить трудовые свои деньги за нерадивых и неимущих односельцев. К сему следует добавить, что несмотря на видимое желание создать в сельском обществе оплот против помещика, его материальные интересы, равно как и правительства, могли только выиграть от учреждения сельских обществ, так как круговая в них порука, пока крестьяне пользовались помещичьими землями и выкуп поземельных их наделов не был осуществлен, обеспечивала правильное поступление от

них повинностей и податей в пользу помещика. Таким образом, учреждение сельских обществ на началах положения было мерой искусственной, по крайней мере, для половины крестьянского населения России, интересы которого в этом деле отодвинуты были на второй план.

Еще более «деланной» представлялась новосозданная крестьянская волость, как единица административная и полицейско-судебная. Прежняя администрация сосредоточилась в лице одного помещика и с упразднением этой власти необходимо было дать крестьянам независимое управление, посредством выборных должностных лиц из их среды. В защиту деятелей редакционных комиссий надо сказать, что в то время нельзя было и мечтать о создании сословной общественной единицы, так как освобождение крестьян «с землею» существенно разъединило, на время срочно-обязанного состояния крестьян, интересы «помещика» и «мира»; с самого начала устройства быта крестьян на новых основах от помещика отпадала вотчинно-полицейская власть, и он устранялся от всякого влияния на мирское общество.

Такое положение сословий заставляло правительство соединить, так сказать, механическим образом сельские общества, находившиеся в одном уезде и по возможности смежные, в волости. Эта односословная общественная единицы, чрезполосная в смысле территориальном и не имеющая никакого другого основания, кроме числа душ, представляет из себя, очевидно, устройство непрочное, искусственное. Эта искусственность в устройстве крестьянской волости, созданной более в интересах правительственных, была подмечена при самом составлении крестьянского положения 1861 года. Некоторыми членами крестьянских комитетов весьма правильно замечалось, что «волость», как и «город», должна быть единицей территориальной, а не сословной, и что не естественно соединение разных мест крестьянских клочков в одно целое. Также указывалось, что трудно вымыслить административную единицу, и если она только не бюрократическая инстанция, лишенная всякого смысла, то определяется не по заранее обдуманной норме, а вследствие общности интересов самих жителей в целом их составе. С этой точки зрения весьма естественной казалась мысль, что одни крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, не могут составить одной общей, правильной административной единицы.

Сильной критике подвергалось и волостное крестьянское самоуправление. Как известно, в каждом волостном (равно и сельском) обществе заведывание общественными делами предоставлено было «миру» и его избранным, и волостному управлению подлежали все

отношения крестьян к правительству и дела, касающиеся гражданской жизни крестьян. С точки зрения общегосударственной некоторым лицам, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы, представлялось очевидным, что собственно для крестьян нет надобности устраивать «особые» управления, где соединенные принудительным путем сельские общества подчинены были «чужому большинству». Далее, ими замечалось, что самоуправление не создается никогда регламентацией законодателей и писанным законом, но там, где существует, естественно есть всегда следствие развитой в гражданах нравственности и согласованности интересов. При таком критическом отношении к учреждению крестьянской волости, чуждой крестьянскому понятию, эта искусственная единицы (в значении крестьянского самоуправления) казалась «изолированной крестьянской инстанцией», излишней и обременительной для крестьян, как в финансовом отношении, так и в смысле отягчения их разными должностями, и удаляющей их в общественных делах от других достаточных и образованных классов общества во вред общим их интересам, так как такое разъединение сословий поведет опять к произвольному управлению чиновников.

Все эти соображения лиц, не сочувствовавших проекту учреждения крестьянской волости, заставили их искать такую жизненную общественную единицу в России, которая бы действительно совмещала в себе местные интересы жителей, и притом в полном объеме этих интересов, а не в отрывочном и узкосословном их виде. Хотя, как известно, в шестидесятых годах замечался почти полный упадок «прихода», как единицы церковно-общественной и территориальной, ибо права «прихожан», если не были совсем уничтожены к тому времени, то во всяком случае представлялись (если можно так выразиться) атрофированными, тем не менее в виду того, что «приход» и в том положении представлялся ветками единственно жизненной общественной единицей, некоторые деятели по крестьянской реформе остановили свое внимание на приходе и предлагали определять размеры волостных обществ по приходам. К числу указанных деятелей надо отнести меньшинство симбирского и курганского крестьянских комитетов, а также олонецкий комитет, замечавший, что в Олонецкой губернии едва ли представляется возможность к иному разделению крестьян на общества, кроме уже существовавшего церковного их разделения.

Редакционные комиссии, выслушавшие с одинаковым вниманием, как мнения большинства, так и мнения меньшинства губернских комитетов, и имея в виду необходимость избегать устройства, как слишком мелких, так

и слишком крупных волостей, остановились с особенным интересом на мнении некоторых провинциальных деятелей о «приходе», как административной единице, и возбудили важный вопрос: представляется ли удобным и возможным образовать из крестьян каждого прихода отдельную волость и тем избежать необходимости назначения «численных норм» для определения размера волости?

В пользу предположения о принятии приходов за основание деления крестьян на волости приводилось как в обзоре оснований обоих меньшинств симбирского комитета, так и в некоторых выраженных печатно мнениях⁸⁴, следующие соображения:

1) Приход, будучи уже знакомым, драгоценным для народа средоточием, представляет собой единицу живую, носящую исторический характер и соответствующую действительным отправлением гражданской жизни. Крестьяне всего чаще сходятся в церкви и могут легче совещаться тут о своих нуждах. Притом, учреждение со временем училищ, больниц и благотворительных учреждений всего легче в селах.

2) По официальным статистическим сведениям (того времени) видно, что средняя цифра принадлежащего к каждому приходу населения составляла около 500 душ. При таком размере волость, представляя не слишком малую и не слишком крупную «административную единицу», не будет вызывать неудобств, сопряженных с этими крайностями, как для правительства, так и для самих крестьян.

3) Разделение на приходы может оказаться, наконец, крайне полезным и в более или менее близком будущем при неминуемом совершенном слиянии во едино всех сельских сословий, представляя готовую, так сказать, рамку, в которую легко, удобно и охотно уложатся все новые элементы.

С другой стороны, против изъясненного предположения возражали:

1) Не малое число приходов находится в двух разных уездах и даже разных губерниях и должны быть по необходимости отнесены к разным волостям.

2) Приходы, как по числу прихожан, так и по пространству, представляют весьма неравномерные единицы; поэтому волости были бы весьма часто, либо слишком малы, либо слишком крупны.

3) В некоторых значительных селах бывает по несколько приходов, и таким образом одно и то же село принадлежало бы к разным волостям.

Соображая изложенные доводы в пользу и против предположения о принятии прихода за основание деления крестьян на волости, редакционные комиссии находили, что в большинстве случаев

составление волости из крестьян одного прихода может вполне удовлетворять изъясненным выше общим условиям правильного и удобного в хозяйственном и административном отношении разделении крестьян на волости и представлять еще важную для крестьян выгоду сосредоточения в одном пункте их гражданских и духовных интересов, но в немалом также числе случаев может представиться необходимость в соединении нескольких мелких приходов в одну волость, а иногда в отделении разных частей прихода к разным волостям. Таким образом, существующие приходы не могут служить исключительным основанием для разделения крестьян на волости, тем более, что в некоторых губерниях живут смешанно с православным населением и иноверцы, как например, в восточных губерниях и в Таврической губернии магометане, а в С.-Петербургской губернии финны евангелического исповедания и, наконец, в западных губерниях католики.

Поэтому общим основанием должны, по мнению редакционной комиссии, служить определенные нормы числа душ и географического протяжения сельских обществ из государственных крестьян. При этом, однако, по важности удобств, которые произошли бы для крестьян от сосредоточения в «приходском» селе и волостного управления, редакционным комиссиям казалось необходимым принять за положительное правило сохранение, сколь возможно, существующего разделения на приходы, непременно образуя из каждого прихода, «соответствующего данным нормам», отдельную волость; при малочисленности же приходов стараться всегда, по мере возможности, соединять в одну волость два или несколько полных приходов и допускать лишь в самом крайнем случае дробление последних на разные волости⁸⁵.

Эти соображения редакционных комиссий легли в основу 43 – 45 ст. Полож. о крестьян., гласящих, что одним из главных условий для образования волости является совпадение ее с церковным приходом, и что при малочисленности прихода допускается соединять несколько приходов в одну волость, но наоборот, раздроблять приходы воспрещается.

Таким мерам деятели по крестьянской реформе постарались сохранить, по мере возможности, наши приходы в их исторически созданной целостности для того, чтобы, когда приспееет время, из этой ячейки могла быть создана настоящая древнерусская, жизненная общественная единица.

В заключение мы приведем принятое во внимание редакционными комиссиями мнение князя Черкасского о необходимости принятия «прихода» за единицу сельского общества. Мнение это изложено в статье

«Некоторые черты будущего сельского управления», которая была напечатана в 1858 году в журнале Сельское Благоустройство (№9). Князь Черкасский, между прочим, высказывал, что первообразной единицей сельской жизни и управления должно быть признано не вымышленное какое-либо географическое подразделение, но единица живая, уже существующая, по возможности носящая, так сказать, исторический характер и соответствующая действительным отношениям народной жизни... За единицу вновь образуемого сельского общества в освобождаемых помещичьих имениях должен быть принят «приход». Он один совмещает в себе всю ту совокупность вещественных и нравственных условий, соединение которых в новой административной сельской единице составляет предмет первостепенный.

В приходском союзе открывается вполне достаточный простор для твердого развития столько сродного нашему крестьянину мирского управления. Здесь крестьянин находит ту чисто-нейтральную почву, где встречается он наравне как бы нравственного (хотя и не юридического) равенства с лицами всех сословий и всех состояний, здесь церковь с своими постоянными народными сходбищами и праздниками, без сомнения, имеющими служить удобным временем и местом всякой сельской управы, предлагает ему всегда готовую, почти всегда достаточную среду гласности; беспристрастное лицо священника может во множестве случаев употребляемо, как драгоценное для крестьян обеспечение. Наконец, самый чин церковнослужителей представляет управлению сельского общества всегда сподручное и дешевое канцелярское устройство, тем полезнейшее, чем оно будет сделано менее обязательным для сельского управления и чем действительно употребление его будет исключительнее подчинено условию взаимного добровольного соглашения.

V. Частный почин в деле возбуждения «приходской самостоятельности» и учреждения «православных братств»

Плодотворные мысли о самодеятельности и самостоятельности православных приходов и братств стали находить себе сочувствие и в частных кружках, среди образованных лиц, как духовных, так и светских. В этом отношении заслуживает внимания замечательная деятельность одного из соредакторов журнала «Дух Христианина», а именно священника Христорожественской, что в Песках, церкви Александра Гумилевского, который с сентября 1861 года начал издавать названный журнал совместно с священниками Дмитрием Флоринским, Иоанном Заркевичем и Иоанном Флеровым, автором вышеупомянутого сочинения «О православных братствах»,

Учредив свой журнал, в ноябрьской книжке этого журнала за 1861 год, в отделе «смеси», отец Гумилевский высказал предположение об учреждении в Петербурге братства для поддержания народных школ петербургской епархии и, несмотря на всю новизну такого благого дела, на этот призыв откликнулись весьма многие из разных классов населения, приславшие пожертвования деньгами и вещами с просьбой о включении их в число членов предполагаемого братства⁸⁶. Признавая, что гласность и свобода в управлении богоугодными учреждениями дают им благотворную силу и обеспечивают материальный успех, отец Гумилевский в своем воззвании просил вступающих в братство высказывать письменно и словесно свои мысли и соображения по этому новому делу, а потому для придания возможно большего распространения этому почину, он, с января 1862 года, открыл при своем журнале особый отдел: «летопись предполагаемого братства». В эту летопись отец Гумилевский заносил имена жертвователей, предметы пожертвований, сообщения и взгляды разных лиц и всякие сведения, касавшиеся до предполагаемого братства.

Давая такую просветительскую окраску будущему братству, священник Гумилевский не забыл высказать свои соображения по вопросу об организации местной помощи бедным. В мартовской книжке Духа Христианина за 1862 год в отделе «провинциальный духовный листок» были выражены по сему предмету следующие мысли: именно указывалось, что самая общая форма духовно-общественных отношений в

России есть «приходская». Приход есть представитель местной общины в религиозном отношении, приходское духовенство есть представитель местного духовного самоуправления. Священник должен проникать во все уголки, слышать стоны истинной нищеты. Приход, как христианская община, проникнутая любовью ко Христу, обязан заботиться о своих бедствующих соприхожанах, и о сиротах, и о вдовах своего духовенства. Так было при апостолах, так должно быть и теперь. В отношении организации автор указывает, что приход избирает трех попечителей, которые вместе со священниками составляют совет и на первых же порах основывают приходскую кассу для местных бедных⁸⁷. По мере возрастания средств учреждаются разные богоугодные заведения, и наблюдение за ними поручается приходским диакониссам. В пояснение этого древнего звания в следующей апрельской книжке журнала появилась статья о диакониссах в христианской церкви с указанием на обряды, соблюдавшиеся при их торжественном посвящении, и был высказан проект о восстановлении этого звания среди русских православных женщин (особенно среди простонародья в селах) для выполнения этих важных христианских обязанностей при приходе Христорожественской церкви. В своей дальнейшей братской летописи (май 1862 г.) названный пастырь, развивая свою мысль, что братства являются прямой связью священника с прихожанами, с радостью указывал, что дело предположенного им в Петербурге братства подвигается вперед. Пользуясь приближением тысячелетней годовщины первого начала славянской грамотности и христианской проповеди на нашем языке и мыслями, развитыми автором статьи «По вопросу о народном воспитании» (напечатанной в «церковной летописи» журнала Духовная Беседа за 1862 г., от 21 апреля) о способах чествования этого великого события, отец Гумилевский в этой же летописи высказывал предположение об установлении ежемесячных собраний по приходам в честь св. Кирилла и Мефодия для решения приходских дел, касающихся благотворения и просвещения⁸⁸.

Мысли священника Гумилевского о возрождении приходской самодеятельности нашли себе сочувствие и в Петербурге, и в Москве. Возникший в Москве орган духовной журналистики «Православное Обозрение», начал смело развивать плодотворную мысль о необходимости теснейшего сближения приходского духовенства с церковными (земскими) общинами, в статье «Приходская благотворительность в Москве» (апрель 1862 г.), высказал следующее замечательное положение: «приходская община давно уже обращает на себя внимание многих, как

наиболее удобная форма нравственно общественной деятельности; воспользоваться приходом для нравственного и экономического сближения людей достаточных с бедными и пресечь то зло, какое производит неравенство общественных состояний, мысль прекрасная, вполне достойная общества основанного на христианских началах».

Мысли, действительно, прекрасные, и утешительно то, что в отзывчивой Москве эти мысли могли быть осуществлены на практике. Возбуждение жизни в приходских центрах явилось сознанный многими необходимостью. Первый попечительный совет о приходских бедных открыт в Москве при Казанской, что у Калужских ворот, церкви, по проекту священника Сперанского и трудами священника означенной церкви Алексея Ключарева († харьковский архиепископ Амвросий⁸⁹). 7 марта 1862 года на поданном по этому делу прошении митрополит Филарет написал: «Бог да благословит человеколюбивое предприятие и принявших и имеющих принять в нем участие, и да дарует ему благий успех и распространение. Распространение предприемлемого действия в сравнении с случайным подаванием в неизвестные руки, без сомнения, удобнее и вернее может открывать, отличать и облегчать истинно нуждающихся, а других располагать и направлять к посильным полезным занятиям, да не туне чужой хлеб едят»⁹⁰. По мере распространения в Москве слуха о совете знакомые и незнакомые священника Ключарева при встрече с ним спрашивали о подробностях нового учреждения и свои расспросы оканчивали приношениями для бедных, предоставляя их в распоряжение совета.

Второй попечительный совет о бедных открыт в Москве при церкви Ризоположения, на Донской улице, стараниями приходского священника Рождественского. Облегчая бедствия уже существующей бедности, этот приходской совет считал главной своей обязанностью обратить внимание на возможное уменьшение ее в будущем. Этой цели совет надеялся достигнуть воспитанием молодого поколения бедняков, определяя их в разные учебные заведения. Третий по времени приходской попечительный совет о бедных открыт 14 октября 1862 года в С.-Петербурге при Благовещенской, на Васильевском острове, церкви, и, кроме денежного пособия, помогал бедным также вещами, например, одеждой, помогал доставлением работы имеющим силы работать, помещал сирот в казенные заведения⁹¹. Такие же советы в конце 1862 и в 1863 году открыты: в Москве в приходе св. Власия, что в Старой Конюшенной, при церкви Рождества Христова, что в Палашах, при Воскресенской на Остоженке церкви и, наконец, в Симферополе при Александро-Невском

кафедральном соборе, с училищем для детей, причем этот последний совет не исключал из круга своей попечительности и бедных иноверцев⁹². Мы не станем далее подробно следить за учреждением приходских советов, так как до появления закона 1864 года о приходских попечительствах такое открытие этих советов в столицах и в провинции было явлением довольно редким.

Сам отец Гумилевский, возбудивший к жизни приходскую благотворительность успел в начале 1863 года образовать два братства. Одно из них преследовало цели просветительные и решилось помогать народным школам петербургской епархии, заведенным духовенством, и, кроме того, давать пособия бедным студентам петербургской духовной академии и осиротевшим семействам тружеников духовной науки и литературы. Другое братство, названное «Приходским Рождественским братством», было открыто 7 апреля 1863 года, и отец Гумилевский успел на собранные им средства в весьма краткое время устроить у себя на Песках приют, в котором несколько мальчиков и девочек обучались ремеслам. В приютском доме также устроены были: богадельня, больница и библиотека. Особенно интересно обратить внимание на учреждение при братстве обедов для нищих и на устройство общины сестер, служащих братству по примеру древних православных диаконисс. В статье «Современное Обозрение» журнала Дух Христианина, за март 1865 год, ставился важный вопрос: чем подвигнуть народ на истинную, полезную благотворительность? Надо возвратиться (отвечал автор) к тому способу благотворения, который издревле употреблялся в христианской церкви и который доселе живет в памяти и даже в обычаях нашего народа. Этот способ благотворения весьма простой. Он состоит в восстановлении тех «вечерей любви», или тех «братских обетов» для бедных и нищих, память о которых до сих пор сохраняется у нас на Руси в наименовании священнейшего богослужения нашего «обедней». В мартовской и апрельской книжках журнала «Дух Христианина» за 1856 года помещена статья «Христианские вечера любви», из которой можно почерпнуть обстоятельные сведения об этих «вечерях». Некоторые злоупотребления, возникшие при вечерах любви, побудили церковь прекратить эти вечера; но бедные и нищие, для которых особенно благодетельны были эти вечера, не забыли о них и потому становились в храме на том месте, где устраивались некогда эти вечера, именно, в притворах храмов, или же трапезах, отчего это место получило новое наименование паперти (от латинского слова «раупер», то есть бедный, нищий). Нашему народу давно знакомы эти обеды, и он издревле хранит эти обеды, учреждая в своих

домах «поминальные обеды для нищих» в дни смерти своих близких.

Восстанавливая в своем братстве многие трогательные братские обряды и обычаи, как например, примирительный братский суд, стояние братчиков в известные моменты богослужения с возженными свечами, отец Гумилевский восстановил при братстве и обеды для бедных и нищих по воскресным и праздничным дням и также и в те дни, когда получались заказы на поминальное заздравное и заупокойное. В этих обедах, благотворительная сторона которых столь понятна нашему народу, по мнению отца Гумилевского, заключается основа прочности всех братских учреждений, и он советовал приходским священникам с этих братских обедов даже начинать дело братств. За братскими обедами при Христорожественской церкви прислуживали сестры братства по примеру древних христианских диаконисс. Эти сестры приняли на себя служение бедным прихода. Они обучали детей, ходили за больными, посещали бедных на квартирах, а также арестантское отделение для утешения содержащихся там же женщин.

В заключение нашего краткого обзора о замечательной деятельности отца Гумилевского мы упомянем, что ревность его к приходскому и просветительному делу простиралась до того, что он взял на себя даже составление особых песней для детей призываемых в братском приюте и сам сочинил «братскую песнь» и «нищенскую песнь»; эти песни были затем переложены известным учителем пения г. Ламакиным на ноты для музыки и пения по тому простому напеву, какой доступен детям⁹³.

Прежде, чем мы коснемся того движения, которое произошло в наших духовных и светских кругах, столичных и провинциальных, вследствие почина некоторых просвещенных пастырей в пользу возрождения приходской и братской самодеятельности и самостоятельности, заметим, что тогдашние духовные деятели не побоялись упрека в подражании и заимствовании этих начал у инославных христиан. Будучи людьми образованными, они прекрасно знали о соборных устоях нашей православной Церкви и о том громадном значении, которое имели наши приходы в древности, а равно и о всей каноничности происхождения наших братств. Они также хорошо понимали, что отделение духовенства от прочих верующих является началом по преимуществу католическим и несродным духу нашей церковности. Подмечая в организации инославных христианских приходов родственные нашему церковному строю явления, составители ученых статей в наших духовных журналах начала шестидесятых годов спешили познакомить читателей с этой организацией. Особенное внимание было обращено на образцовую во многих

отношениях организацию шведских и датских приходов, а также отмечалось, что в Англии приходы составляют тесно сомкнутые общины, имеющие свои подати (самообложение), свои финансы, свои богадельни и больницы⁹⁴. При изучении церковной жизни в лютеранских приходах Саксонии, Ольденбурга и других протестантских стран, указывалось, что в тех церквях, где общинам предоставлено было большое участие в церковных делах, там внутренняя церковная жизнь развивалась гораздо плодотворнее, чем в местностях, где все предоставлено одному только духовенству или, правильнее говоря, одному духовному начальству⁹⁵.

Кроме поименованных выше священников обеих столиц, делом восстановления православных братств и развитием приходской самодеятельности и самостоятельности увлекалось довольно много образованных и просвещенных лиц духовного и светского звания.

Главное движение к широкому восстановлению древних братств обнаружилось в киевской епархии, благодаря вновь назначенному в 1860 году митрополиту Арсению, явившемуся покровителем братских учреждений и сторонником живых начал в церковно-общественной жизни, а также восстановителем введенной еще в начале XIX века в киевской епархии знаменитым митрополитом Евгением выборной системы в духовном управлении⁹⁶.

В киевских епархиальных ведомостях за 1862 год (№№ 8 – 10) был представлен исторический обзор братств в России с указанием их устройства, возможности и пользы возрождения этой угасающей общественной силы и в настоящее время. В этой статье между прочим, указывалось, что гонения за веру нет, препоны православию уничтожены, откупная система пала; одним из правил нового акцизного управления разрешалось сычение меда к храмовым праздникам, следовательно (говорилось в статье), представляется полня возможность восстановить один из главнейших источников доходов братских. В тех же ведомостях (1862 года, № 17) появился составленный при киевской духовной академии замечательный устав для сельских православных братств, обработанный на основании древних братских уставов, но применительно к современным требованиям. В октябре месяце 1862 года последовало с благословения митрополита Арсения открытие, согласно мирскому приговору, братства в м. Райгороде, Черкасского уезда, а затем последовали мирские приговоры об открытии братств и в других местах⁹⁷. Так, в 1863 году по благословию архиепископа подольского Иринарха восстановлено при каменецком кафедральном соборе православное церковное братство, по примеру издавна существовавших⁹⁸ в Подолии

братств, и в 1864 году тождественно было открыто в Киеве Свято-Владимирское братство и звание его покровителя принял на себя митрополит Арсений.

В отношении возбуждения интереса общества к братствам и приходской организации на пользу православия и русской народности необходимо здесь также отметить выдающуюся деятельность профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, автора известного исследования о литовской церковной унии (сочинение вышло в 1859 – 1861 г.), поколебленной замечательно стойкой и энергичной деятельностью наших западных братств. В 1862 году в доме ревнителя православия П. Н. Батюшкова Коялович прочитал свои пять лекций о древних православных братствах пред избранным обществом и в том же году совершил свое путешествие по западному краю с целью обнаружения остатков православных братств при церквях гродненской, виленской, минской и могилевской губерний⁹⁹. Свои исследования об этой поездке, а также и лекции Коялович напечатал в газете «День», а именно в номерах 36 – 42 за 1862 год помещены «Чтения о церковных западно-русских братствах», а в номерах 44 и 45 помещены «Сведения о современном состоянии западно-русских православных братств». Из этих сведений мы узнаем, что в названных губерниях Кояловичем обнаружено всего 276 братств при местных церквях. Наконец, в № 46 газеты «День» за 1863 год Коялович поместил печатное приглашение записываться в члены наших западных братств¹⁰⁰. В статье газеты «День» (№ 8 за 1864 год) М. О. Коялович, между прочим, говорит, что кроме исторических дел братских, неподлежащих никакому сомнению и пререканию, чистота братств в православном смысле засвидетельствована многими восточными патриархами и лучшими западнорусскими иерархами. Так, братства утверждали антиохийский патриарх Иоаким, константинопольские патриархи Иеремия и Кирилл Лукарис, киевский митрополит Петр Могила, епископ Георгий Конисский и другие. Западнорусским братствам сочувствовали и благодетели православные русские государи, как Михаил Феодорович львовскому братству, Алексей Михайлович тому же братству и виленскому, Елисавета Петровна могилевскому и виленскому братствам¹⁰¹.

Все это движение в пользу братств нашло себе еще более широкое сочувствие в нашем обществе, когда оно особенно встревожилось за участь православия на западе России, узнав что польские мятежники стали посягать на жизнь православных священников и умертвили некоторых из них. Отчужденность православного западнорусского священника от

народа, обусловленная прежними правительственными мероприятиями, особенно тяжело сказалась в польском мятеже. Священник не имел никакого голоса в местном самоуправлении, в мирских сходках, не имел права ходатайства по делам общества и был безмолвным свидетелем панско-чиновнического хозяйствования и интриг в народе на пользу «отчизны» и во вред русским интересам¹⁰². Одинок и в тени стояло западное православное духовенство и в отношении к коренному великороссийскому населению, мало заботившемуся о белорусских и малороссийских порядках.

Мы уже выше привели покаянное послание из Москвы к белорусскому духовенству, и это пробудившееся в обществе сочувствие не осталось без практических результатов.

В «Московских Ведомостях» за 1863 год (в № 116) бывший попечитель виленского учебного округа князь Ширинский-Шихматов обратился с печатным воззванием к русскому обществу, в котором горячо и убедительно приглашал поступать в члены западнорусских братств и в частности в братство, находившееся в местечке Радзивилочи гродненской губернии и уезда при Свято-Евстафьевской церкви¹⁰³.

Первым откликнулся на этот призыв И. С. Аксаков, который, открывая страницы своей газеты «День» для сбора пожертвований, просил князя Ширинского-Шихматова принять его «братски» членом самобеднейшей церковной общины западного края. Затем, в весьма непродолжительное время князем получено из Москвы и из других городов несколько писем с заявлением самого теплого патриотического участия к его предложению и с препровождением посильных пожертвований. Вообще следует заметить, что, вследствие усердной разработки вопроса о братствах газетами «День» и «Московскими Ведомостями», братский вопрос стал уже общерусским народным делом. Вслед за Аксаковым и другими лицами стали записываться в члены западнорусских братств многие видные русские деятели; в том числе назовем священника А. В. Гумилевского, записавшегося членом Березского братства гродненской губернии, П. Н. Батюшкова, бывшего «старшим братчиком» во многих западных братствах, священника А. Ключарева, открывшего страницы своего журнала и переписки по этому делу, и многие другие. В Москве появились «братчики-сборщики», и положено начало к образованию «Срединного братства», а также появился отдел Фастовского братства, белостокского уезда, гродненской губернии, и эти братчики, воспользовавшись приглашением отца Ключарева, помещали свои интересные отчеты в журнале «Душеполезное Чтение»¹⁰⁴.

Заботливый взор обращала великая княгиня Елена Павловна на духовенство и духовные училища. Будучи в Москве весной 1864 года, она вместе с ректором духовной академии Горским, протоиереем Ключаревым и преосвященным Леонидом совещалась об участии бедных учеников духовных училищ, и плодом этих совещаний было открытие уже в 1865 г. в Москве при церкви св. Николая, явленного на Арбатской улице братства, имеющего целью попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской епархии¹⁰⁵. Были сделаны предположения об открытии в Вильне центрального «западнорусского братства», и затем, когда в 1865 году в этом городе восстановилось древнее Свято-Духовское братство, деньги и пожертвования, собранные для юго-западного братства, были переданы новоучрежденному Свято-Духовскому братству¹⁰⁶. Наконец, отметим, что в Петербурге, в конце 1863 года, графини Протасова и Блудова обратились с воззванием к православным благотворителям, испрашивая помощи для бедствовавших во время польского восстания церквей и духовенства в наших западных губерниях. Со всех концов России они получили сердечный ответ на свой призыв, и самом конце того же 1863 года уже был напечатан особый отчет о поступивших пожертвованиях деньгами и вещами; вскоре все русские журналы и многие частные складчины поспешили деятельно помочь в поддержании русского народа в северо-западном крае в тяжелую годину, а когда эта година миновала, названные графини, при содействии многих дам высшего света (как, например, графини Шереметьевой, княгини Долгоруковой и др.) и известного ревнителя православия Ф. П. Корнилова, задумали, воспользовавшись остаточными средствами, учредить в Остроге (волынской губернии), местности, уже послужившей однажды в конце XVI века под руководством доблестного князя Константина Константиновича Острожского очагом возрождения православного просвещения, религиозно-просветительное и благотворительное братство в честь первоучителей славянских св. Кирилла и Мефодия.

VI. Учреждение особого присутствия для дел православного духовенства

Дружное желание нашего общества внести необходимые улучшения в быте и строе православного духовенства, а также оживление в церковно-приходскую деятельность, побудило высшее правительство обратить серьезное внимание на эти важные общественные задачи.

В 1861 году министр внутренних дел И. А. Валуев, представляя Государю в Ливадии выписки из конфиденциального отношения киевского генерал-губернатора о положении православного духовенства и русской народности в юго-западном крае и полагая, что состояние всего православного духовенства в империи требует преобразований и улучшений, предложил ряд мер к возвышению духовного сословия¹⁰⁷. Эти меры должны были состоять: в наделении сельского духовенства землею, в предоставлении некоторых прав и преимуществ детям духовенства, окончившим курс в семинариях и академиях, и в ведении епископов в государственный совет.

По воле Государя проект этот дозволено было сообщить только небольшому кружку лиц, а именно: обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, митрополитам Исидору и Филарету и протопресвитеру Бажанову, а затем рассмотреть в особом комитет под председательством великого князя Константина Николаевича.

Обер-прокурор Св. Синода граф А. П. Толстой находил неудачным проект о допущении епископов в государственный совет: предполагая, что этот совет, пользуясь присутствием епископов, будет решать дела подлежащие ведению Синода, и таким образом светское управление еще более прострет свою власть над церковью. Митрополит Филарет отнесся также отрицательно к предположению о введении епископов в государственный совет, в видах могущего произойти вследствие сего уменьшения значения Св. Синода и отвлечения епископов из их епархий. При этом митрополит Филарет указал, что еще на основании петровских законов в экстренных случаях возможны совместные конференции Синода и государственного совета, без нарушения независимости и целости каждого из них¹⁰⁸. В заключении своего мнения митрополит Филарет высказал следующее суждение: «может быть не столько нужно то, чтобы епископ заседал в правительственном собрании вельмож, сколько то, чтоб вельможи и благородные мужи чаще и усерднее, вместе с епископом, окружали алтарь Господень, украшая тем церковь и ее праздники, утешая

своим общением и поощряя епископа, и подавали назидательный пример народу, который довольно прилежно окружает епископа в праздники церковные»¹⁰⁹.

По словам митрополита Филарета, государь император Александр Николаевич очень хотел возвысить православное духовенство и основная мысль министра внутренних дел о созыве особого комитета для дел православного духовенства, с высочайшего соизволения, осуществилась летом 1862 года в том виде, что в этот комитет, названный присутствием, вошли: первенствующий член Синода митрополита Исидор, как председатель присутствия, наличные члены Св. Синода, а из светских: шеф жандармов, министр внутренних дел, министр государственных имуществ, обер-прокурор Св. Синода и директор духовно-учебного управления¹¹⁰.

Открытие этого присутствия однако замедлялось. Знакомство с официальной и частной перепиской влиятельных деятелей того времени убеждает в том, что трудность задачи, выпавшей присутствию, помимо ее сложности, усугублялась еще тем недоверием, которое существовало не только между светскими и духовными лицами друг к другу, но и среди духовных лиц между собой. Этот болезненный симптом, тормозящий всякое государственное дело, заслуживает на наш взгляд особого внимания, и мы считаем уместным привести из переписки наиболее выдающихся духовных деятелей шестидесятых годов, а именно, митрополитов: Филарета, Исидора и Арсения некоторые выдержки, которые выяснят нам, в чем именно и как выражалось это прискорбное недоверие между лицами призванными вершить важное государственное дело.

Так, по делу устройства упомянутого присутствия митрополит Филарет в письме, от 3 декабря 1861 года, обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому сообщал: «мой отзыв был и есть тот, что сие может быть полезно с тем, чтобы комитет не касался предметов внутреннего устройства духовного звания, которое особенно нужно хранить от потрясения, когда многое потрясено». В письме, от 5 декабря 1861 года, министру внутренних дел П. А. Валуеву митрополит Филарет указывал, что приглашение в комитет первенствующего члена Синода едва ли удобно потому, что в случае изъявления им своего мнения в комитет и перехода дела в Синод, здесь уже нельзя было бы исполнить закона о подавании голосов младшим прежде первенствующего. Наконец, в ответ митрополиту Исидору, от 24 декабря 1862 года, митрополит Филарет, оставляя официальный тон, выразился откровеннее и, между прочим,

писал: «когда я прочитал в ведомостях о новом комитете, мне сомнительным показалось, что в него погружен весь Св. Синод. Если бы вступили в него несколько духовных лиц синодальных и не синодальных и если бы они сделали уступки чужим мнениям, не вполне благоприятным церкви: был бы еще в резерве Св. Синода для защиты церковных польз. Теперь вы будете сражаться, не имея за собой резерва. Господь да дарует вам крепость победоносную. Полезно ли, что опубликовали комитет. Это возбудит ожидания, которым едва ли можно надеяться полного удовлетворения, и уже возбуждает рассуждения, выходящие из пределов, которые могут искушать самый комитет к выступлению за пределы, ему поставленные. Церковь российская с заботой ожидает от вас предусмотрительности и твердости, чтобы постороннее влияние не простиралось на дела, существенно ей принадлежащие»¹¹¹.

Другие духовные лица, наоборот, утешались мыслью, что Св. Синод введен целиком в состав присутствия признано недопустимым, и, наконец, что все вопросы будут предварительно обсуждаться в домашних собраниях без светских членов. Но вместе с этим взглядами, выраженным в оптимистическом тоне, слышен был ропот низшего духовенства, будто духовное начальство не хочет позаботиться об улучшения его состояния. Светские люди усиливали этот ропот, слагая всю вину в медленности тоже на архиереев. Кроме того, в обществе распространялось опасение, что возбужденные надежды могут не исполниться по скудости государственных финансов, при чем однако сделался известным отзыв министра финансов министру внутренних дел, что для западного края деньги будут отпущены.

Все эти недоразумения и опасения, проникавшие также и в печать, а равно недоверчивое отношение к людям, призванным к делу, вызвали у митрополита Исидора подозрение, что у светских есть какая-то задняя мысль, потому что в газетах выражение «гражданские права духовенства» заменяют словами «юридические права духовенства». «Нет никакого сомнения (полагал митрополит Исидор), что светские получают внушения от нашего белого духовенства, тяготящегося подчинением иерархической власти»¹¹².

Киевский митрополит Арсений в своих письмах к архиепископу костромскому Платону прямо заявлял: «мы живем в веке жестокого гонения на веру и церковь под видом коварного об них попечения». Названный митрополит усматривал врагов среди светских сановников (называл министра народного просвещения первым коноводом дурного прогресса), сомневался в возможности сделать что-либо доброе при

тогдашнем составе Синода, сетовал на то, что материальные средства для улучшения быта духовенства надо «измыслить из своего, как говорили древне греки, чрева», боялся возвышения белого духовенства, печалился об угнетенном положении архиереев, указывал на безличность и безгласность тех из них, которые призывались в Синод, и наконец, усматривал в проектированных приходских советах их будто бы немецко-лютеранский характер и опасался преобладания церковной общины над духовенством»¹¹³. Такой же пессимистический взгляд на задачи присутствия высказывал А. Н. Муравьев в своем письме от 23 мая 1863 года митрополиту А. Н. Муравьев в своем письме от 23 мая 1863 года митрополиту Филарету. Названное присутствие являлось в глазах А. Н. Муравьева немецким «кирхен-герихтом», и он взывал к митрополиту о защите церкви¹¹⁴.

Один Государь твердо верил в необходимость предпринимаемой реформы, торопил с этим делом и приказал все постановления присутствия представлять на свое усмотрение. 17 января 1863 года учрежденное присутствие сделало свое первое распоряжение. Оно постановило: 1) истребовать чрез местных архиереев сведения о способах улучшения быта духовенства от самого духовенства, 2) составить и разослать программы для облегчения и руководства священников в представлении этих сведений и 3) изложить главнейшие вопросы, вытекающие из Высочайшего повеления, долженствующие служить основанием для самой программы. Для начертания этой программы Государь назначил 2-х недельный срок и затребованные сведения приказал доставить не позже 1 июля 1863 г., а для изложения присутствием сущности полежавших его обсуждению вопросов определил срок двухмесячный. «Я везде назначил сроки», собственноручно написал Государь «Дабы дело подвигалось действительно, а не протягивалось, как оно у нас часто бывает, одним отписыванием»¹¹⁵.

Составленная за сим программа для собрания сведений заключала в себе следующие отделы: 1) о расширении средств материального обеспечения приходского духовенства, 2) об увеличении духовенству личных гражданских прав и преимуществ, 3) об открытии детям духовенства путей для обеспечения своего состояния на всех поприщах гражданской деятельности и 4) об открытии духовенству способов ближайшего участия в приходских и сельских училищах. Только по первому и по четвертому пунктам потребованы мнения самих священников, а существенную и обширную сторону быта духовенства представлено было выяснить лично архиереям.

Как известно, для успешного разрешения намеченного вопроса о способах присутствия, от 24 апреля 1863 года (а также 14 июля того же года), были образованы в помощь высшему правительству губернские присутствия смешенного состава из духовных и светских лиц, и эти присутствия могли приглашать и других сведущих людей на совещания. Таким образом, это важное дело – возбуждение которого составляет эпоху в нашем духовно-общественном управлении – из малочисленного собрания членов Синода и нескольких государственных сановников, весьма скоро перенеслось в круг деятельности всего православного общества и сделалось предметом самых разнообразных толков и суждений.

Обращение правительства к общественным силам за помощью для разрешения важнейших законодательных проектов составляет отличительную черту в правительственной деятельности первой половины царствования императора Александра II, и, как известно, этот прием имел самые благотворные последствия в законодательном деле по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Хотя и по церковно-общественному делу правительство, как было уже указано выше, прибегло к тому же способу, вызывая чрез губернские присутствия общественные силы к оказанию содействия в разрешении церковно-общественных вопросов, но, к сожалению, этот путь не был пройден до конца, как в крестьянском деле, и состав особого присутствия не был оживлен притоком местных общественных деятелей, как это было при учреждении редакционных комиссий в составе крестьянского комитета.

Поставленные правительством вопросы затрагивали в сущности весь быт духовенства, не только с материальной стороны, но и со стороны его прав, а также касались взаимных отношений духовенства и мирян.

Мы отклоняем от себя задачу: представить систематическую оценку всей деятельности особого присутствия, в целом ее объеме, продолжавшейся слишком 20 лет (1863 – 1885), так как для выполнения этой задачи необходимо предварительно ознакомиться с обширным архивом присутствия, а этот архив, хранящийся в Св. Синоде, остается и по ныне в неразработанном виде. В настоящей статье мы остановим внимание только на некоторых мероприятиях названного присутствия, которые всего более затрагивали церковно-общественные интересы, а теперь ограничимся лишь несколькими замечаниями, общего характера, относительно успешности выполнения присутствием возложенной на него задачи.

Самая основная работа присутствия, касавшаяся материального

обеспечения православного приходского духовенства, исполнена была неудовлетворительно, так как учрежденные, также и в видах сего обеспечения, церковно-приходские попечительства оказались для сего совершенно непригодными, а предпринятая присутствием другая мера – сокращение приходов – явилась мерой даже вредной и колеблющей правильную и мирную жизнь православных церковных общин¹¹⁶. По второму и третьему вопросу – о правах и преимуществах духовенства и их детей – присутствие выработало законопроект о преобразовании гражданского положения духовенства, каковой законопроект удостоился высочайшего утверждения 26 мая 1869 года, но при этом надлежит заметить, что важная реформа в духовно-учебных заведениях (уставы 1867 – 1869 годов), признавшая духовенство к участию в их благоустройстве, была совершена не присутствием, а другими, синодальными комитетами. Наконец, что касается до четвертого вопроса об отношении духовенства к делу начального народного образования, то, как известно, решение этого вопроса последовало значительно позже, именно в царствование императора Александра III.

VII. Суждения в литературе и журналистике по вопросу об улучшении церковно-общественных дел

Представив краткие данные о начале законодательных работ, касавшихся преобразований в церковно-гражданской области, мы должны остановить внимание на том движении в литературе и журналистике, которое было вызвано правительственным почином 1862 года об улучшении церковно-общинных дел.

Отклонив от себя задачу составления подробного исторического очерка деятельности особого присутствия, мы равны образом отклоняем от себя и непосильную задачу: представить в систематическом изложении весь литературный и журнальный материал, относящийся до указанного предмета. Мы лишь в самых сжатых чертах постараемся набросать картину литературного движения по церковно-общественным вопросам и, выдвинув на первый план самые существенные из них, коснемся только наиболее выдающихся (по нашему мнению) сочинений, статей и заметок. Предварительно лишь укажем, что в литературе и журналистике шестидесятых годов была безбоязненно затронута вся система церковного управления и обращено было внимание не только на улучшение материального быта духовенства, но и на его образование и воспитание, на его отношение к высшей иерархической власти и мирянам, на его сословное положение среди других классов общества, и не его в деле народного образования. Обзор этих статей и сочинений мы представим под четырьмя рубриками: I) материальное улучшение быта духовенства, II) преобразование духовных училищ, III) духовное управление и администрация и IV) сословное положение духовенства и расширение его личных, семейных и гражданских прав.

I. Материальное улучшение быта духовенства

Главным условием улучшения быта духовенства является несомненно прочное обеспечение его средств к существованию. Со времени обращения высшим правительством внимания на это дело, в светской и духовной журналистике стали во множестве появляться статьи и заметки по этому животрепещущему вопросу. Из числа этих статей и заметок наибольшее количество принадлежит духовным лицам, которые, как известно, уполномочены были присутствием давать свое мнение только об этой стороне их быта. Почти все духовенство, как в своих статьях и заметках, так и в официальных сообщениях на имя губернских присутствий, высказывало свое желание о поступлении на казенное содержание. Такое желание представлялось весьма понятным, если принять во внимание полной неустройство приходской жизни и стоящее в тесной связи с таким неустройством унижительное для духовенства собрание, или правильное сказать выколачивание доходов за требоисправление. Но в этом желании нельзя было видеть одно только эгоистическое соблюдение священниками своих интересов.

Читая в различных журналах «корреспонденции» священников, мы видим, что все они более или менее сознательно выходили из того соображения, что плата за требы чрезвычайно запутывает их отношения к прихожанам и стоит непобедимой преградой для нравственного влияния их на приход, что народ наш крайне беден, на него упало множество повинностей и расходов, которые он едва в состоянии покрыть, а потому расходы на содержание причта будут для него обременительны. Заявляя это желание, духовенство уверяло, что при казенном содержании оно будет иметь возможность свободно предаться своему служению, стесняемому теперь хозяйственными заботами и занятиями и еще более торгом с прихожанами. Несомненно перспектива поступления на казенное содержание, с его регулярностью, столь выгодно отражающейся на всяком хозяйственном бюджете, должна была казаться нашему духовенству, отрезанному от общества и народа, лучшим исходом из его материальных невзгод и затруднений.

Только немногие из лиц духовного класса требовали, чтобы все содержание священника было предоставлено исключительно приходу, без всякого вмешательства в это дело государства. Из духовных журналов за содержание духовенства от прихода особенно стояло «Православное Обозрение» (см. январь 1862 г., «К вопросу об улучшении в быте

духовенства» Троицкого). В статье «церковно-финансовый вопрос», помещенный в том же журнале (апрель 1862 года), автор этой выдающейся для того времени статьи прямо высказывал опасение, что при получении священником жалованья от правительства он может превратиться в своем приходе в чиновника, и таким способом возникло бы обязательное и зависимое отношение церкви к государству, чего в древности для взаимного их благополучия не было. В том же журнале, в статье «По поводу толков об улучшении быта духовенства» (апрель 1863 г.) выражено было, что жалованье от правительства еще более закрепило бы сословность духовенства (в виде крепчайшей перегородки от прихода) и сделало бы его корпорацией, состоящей на службе у правительства и отторгнутой от народа, тогда как надлежит для общего блага сделать эти отношения свободными и жизненными и удалить всякое недоверие паствы к пастырю, каковое недоверие является смертоносным для истинных интересов пастырского служения.

Светская журналистика, и во главе ее газета «День» и «Московские Ведомости», стояла горячо и стойко за независимое от казны содержание духовенства¹¹⁷. «День» в особенности защищал независимость церкви; он указывал на примере древнерусской церкви, которая, существуя средствами не правительственными, имела всю силу над народом и пользовалась всеобщим, заслуженным уважением и искренней преданностью и правительства, и народа. Народ, видя в священнике своего домашнего человека, служащего его пользам душевным, шел бы к нему со всей искренностью. Если в настоящее время говорят, что народное содержание не обеспечивает быта священника, то это потому, что до сих пор между священником и народом лежало множество условий, препятствующих их искренним взаимным отношениям¹¹⁸.

В июньской книжке «Трудов киевской духовной академии» за 1863 год помещена статья под заглавием «Заметки», в которой сделана мастерская характеристика упомянутых выше взглядов о независимом от казны содержании духовенства. Сторонники этого направления (говорится в этой статье) представляли то основание, что религия есть внутренняя, живая, а не внешняя, формальная сила, чтобы выполнить свою задачу, она требует внутренних, свободных отношений между прихожанином и священником, и исключает официальность и обязательность, как в том, как и в другом. С официализмом теряется животворный дух религии и остается одна форма ее: священник совершает служение, требу, говорит проповедь только из формы; в свою очередь и прихожанин обращается к его служению только тогда и настолько, когда и насколько требует того

формальная сторона религии, – одним словом, религия делается тогда мертвой, духовенство – чиновничеством. Это состояние именно ожидает у нас религию, когда духовенство будет получать содержание от государства, правительства. От кого плата, тому и служба – закон естественный и непобедимый. Духовенство, живя на жалованье от правительства, будет и служить настолько, насколько требует того правительство. Правительству же нужна и доступна только формальная сторона священнослужения, ему необходимы в данных случаях исправные метрики, в которых точно и ясно было бы вписано: кто и когда родился, крещен, вступил в брак, умер, кто были свидетелями всего этого – нужно религиозное знамя на некоторых учреждениях, которые и должны быть освящены богослужением, нужна, наконец, религия, как средство для проведения в известные классы государства, инстинктивно преданные ему, известных внушений и настроений».

«Правительственный закон не может идти дальше внешнего формального исполнения обязанности, он не может создать из священника ничего другого, кроме чиновника, потому что ему не доступны внутренние, свободные расположения. С своей стороны и священник не будет иметь никаких живых и настоятельных побуждений служит народу с всем усердием и совестью; он получает жалованье, которое равно придет к нему, будет ли он с глубоким внутренним расположением, или только формально, отправлять свою службу. Равным образом и народ, не имея никакой видимой связи с священником, кроме побуждения религиозных, отвлеченных на первый раз, которые делаются действительными и жизненными мотивами только при посредстве долгого внутреннего отношения к религии, будет относиться к нему холодно, как к человеку стороннему, связанному с далекой от него сферой. Прибегать к обряду народ будет как к видимому государственному обязательству, напоминанием которого стоит священник, но к духовной помощи священника, вызываемой свободным расположением, весьма редко, а может и никогда. Всего этого не было бы, и все служение священника возникло бы из внутренних, живых расположений, если бы духовенство получало содержание от народа, по свободному уговору с ним. Священник привязан был бы тогда к народу, своему приходу, самой чувствительной стороной, видел бы, что его служение – внутренняя необходимость народная, которой он должен быть предан всецело и исключительно. Так как содержание его основывалось бы на свободном договоре, то его служение было бы во всякое время под контролем этого договора; расположение, усердие, способности имели бы пред собой всегдашнее

возбуждение и поддержку. При этом духовенство, не стесняемое никакими обязательными требованиями государства, так как оно ему ничем не обязано, было бы независимо в своей деятельности, свободно и широко развивало бы интересы религии, ограждая в тоже время церковь от примеси политических видов, чисто правительственных, случайных интересов».

Мы нарочно привели подробные соображения о необходимости получения священниками содержания от прихода, а не из средств казны, так как в этом мнении, которое по фискальным интересам отчасти разделило и правительство, выразилось с особенной яркостью стремление нашего общества сохранить за церковью столь свойственное ей независимое положение. Не упуская однако из вида, что вопрос о материальном обеспечении православного духовенства остается и по настоящее время без удовлетворительного разрешения, нам кажутся заслуживающими полного внимания и соображения вышеупомянутого автора, который полагает, что содержание приходского духовенства должно падать, как на общество, так и на казну.

«Наилучший и единственно верный контроль в этом деле (говорит названный автор) – совесть и религиозное чувство священника, а этот контроль не условливается ни жалованьем от государства, ни содержанием от народа, а устанавливается разве воспитанием и образованием. Нет никакой необходимости и смысла в подчинении христианской церкви государству; если же она оказывается часто в этой зависимости, то только в таком государстве, в котором нравственные начала не получили еще преимущества над грубой материальной силой. Церковь должна быть независима, и независимость эта, опираясь на своих исключительных предметах, в гражданском быту оправдывается тем, что эти предметы никогда не могут противоречить здравым требованиям этого быта, а напротив развивают и возвышают их». Автор полагает, что наше духовенство понимает, к чему привела у нас религию зависимость политическая, и указывает, что формализм служения претит нашему духовенству. Находя опасения сторонников обеспечения духовенства от прихода отчасти справедливыми, автор указывает, что такие же описания могут возникать при исключительном содержании духовенства на средства народа. Хороша ли будет эта исключительная зависимость от народа, спрашивает автор. «То что говорят священники в своих корреспонденциях о личных претензиях к ним прихожан, проистекающих вследствие материальных приношений, о требовании ими угодничества, ласкательства, потачки порокам, может развиться и в целом православном

обществе, только с более, по-видимому, разумным основаниями и видами, и церковь должна будет подчиняться всем случайным, временным направлениям и колебаниям народной воли. Церковь, по существу своему, не есть религия национальная; говоря обыкновенным языком, она есть достояние общечеловеческое. Она должна пользоваться национальностью, как средством, а не делать ее целью. Она должна, как можно ближе стать к народному положению, чтобы вполне понять и руководить внутренними, свободными стремлениями народа, но в этом состоянии она должна быть совершенно свободной в своих целях и задачах, и не быть принужденной только развивать и поощрять всякие народные стремления, которые могут быть только временными, односторонними и чуждыми религии, могут даже противоречить религиозным началам. Итак, церковь не должна быть, ни в исключительной зависимости от государства, ни в исключительной зависимости от народа. Вообще, она чуждается партий; она в своих началах и задачах видит святое единство и из этого единства развивает свои отношения. Из этого видно, что мы (говорит автор) вовсе не мечтаем об абсолютной независимости церкви, совершенной бесконтрольности ее во всей ее деятельности, мы желаем для нее связи с народом вообще, понимая в нем и правительство, и общество, и так называемый народ вместе, и отрицаем зависимость исключительно от одной стороны. Вследствие сего мы не признаем пользы для церкви, как в исключительном содержании духовенства правительством, так и в исключительном содержании его народом. Мы желали бы, чтобы та и другая сторона – если они равно признают для себя церковь необходимой – соединились в средствах содержания духовенства».

Как практически осуществить это соединение платежных средств казны и народа по отношению к содержанию духовенства, автор не пояснил, но приведенные выше мысли его по этому предмету нашли себе большое сочувствие среди современников¹¹⁹.

Весьма важно в заключении этого отдела отметить, что вопросом об улучшении быта духовенства и его отношений к прихожанам занялись и наши земские собрания. Так, например, в заседании С.-Петербургского уездного земского собрания 7 сентября 1865 года барон П. Л. Корф возбудил внимание к положению православного духовенства. Признавая духовенство главнейшим органом нравственно-религиозного образования для народа, он указал на сравнительное положение православного и лютеранского духовенства в Петербургском уезде, где свыше половины населения принадлежит к лютеранской церкви. В положении этих двух духовенств замечается резкое различие. Лютеранское духовенство

находится в прекрасном, можно сказать, избыточном положении, а православное духовенство – должно, к несчастью, сознаться – в нищенстве. Смотря на этот вопрос с общей государственной точки зрения, представляется несообразным, чтобы духовенство господствующей церкви оставалось в указанном положении относительно духовенства церкви терпимой. Следствия такого порядка вещей отражаются неизбежно и на бытовой стороне массы православного населения, живущего среди лютеран, что уже прямо переходит в область возложенных на земство забот. Лютеранское духовенство, вполне обеспеченное в своих средствах, может заниматься и действительно занимается исправлением нравственности своих прихожан и распространением образования; православное духовенство – среди забот о насущном пропитании – не может этого делать и действительно не делает. О средствах, которыми располагает лютеранское духовенство барон Корф отказался сообщить даже в общих чертах, потому что в каждой местности они различны, но он представил собранию сколько сходит с крестьянского двора в пользу лютеранского духовенства в финляндской местности, где он живет. Там лютеранское духовенство владеет огромными землями и подобно православному получает с прихожан за исполнение треб. Кроме того, пастор получает: от каждого домохозяина 30 коп. сереб., и сельских продуктов натурой, или по оценке 3 руб. 92 коп. Независимо от сего, низшим церковным служителям (кистеру, звонарю и друг.) выдается с каждого крестьянского двора по 5 руб. 32 коп. Признает ли собрание (спрашивает барон Корф) справедливым подобный налог на крестьян в пользу духовенства. Правда он существует как налог добровольный, он поддерживается единственно тем высоким нравственным уважением, которое лютеранская паства сохраняет к своему пастору, но во всяком случае, едва ли он должен существовать. Духовенство есть необходимый, особенно важный элемент в земстве, и потому содержание его, как выполнение многих других настоятельных потребностей земства, должно лежать на самом земстве. Само собой разумеется (полагал барон Корф), что тяжесть, падающая на земство по содержанию духовенства, не должна быть обременительная. Барон Корф не счел возможным разбирать в подробностях размеры и способы покрытия издержек по содержанию духовенства, по отсутствию данных; но заявил о необходимости поручить разработку этого вопроса управе, или особой комиссии, с тем, чтобы при передаче на земский счет содержания местного духовенства, положение лютеранского духовенства не было ухудшено, а положение православного духовенства, напротив, соразмерно бы улучшилось. Собрание нашло

нужным предать этот вопрос на обсуждение губернского собрания¹²⁰.

Упомянем, что вопрос об обеспечении духовенства земскими средствами возник одновременно и в Московском губернском собрании. 7 октября 1865 года П. С. Арсеньев, между прочим, говорил: «после 19 февраля положение духовенства стало хуже, чем прежде; теперь мир притесняет духовенство, которое недостаточно обеспечено. Я полагаю усилить его средствами, которые должно определить земство. Доставив духовенству средства, мы доставим ему независимость, а это чрезвычайно важно»¹²¹. Как известно, попытки принятия содержания духовенства на земские средства делались и в других местностях России, но все эти меры особого успеха в то время не имели, и задача подробной разработки вопроса о повсеместном удовлетворении материальных потребностей духовенства на земской счет выпадает нашему времени.

II. Преобразование духовных училищ

С самого начала царствования императора Александра II состояние духовных училищ сделалось предметом всеобщих рассуждений и обратило на себя внимание Государя. Это состояние требовало существенного изменения и многих улучшений, на которые указывал еще в 1858 году в своей записке Петербургский митрополит Григорий. По трудности сего дела признано было в самом конце пятидесятых годов необходимым снестись со всеми епархиальными архиереями с просьбой истребовать от подведомственных им ректоров семинарий мнения о необходимых улучшениях в нравственной, учебной и хозяйственной частях духовных училищ.

25 февраля 1860 года Св. Синод приказал: для рассмотрения проекта преобразования духовно-учебных заведений учредить особый комитет под председательством епископа херсонского Дмитрия. По желанию Государя в сей комитет надлежало назначить членами самых разных опытных по учебной части лиц из белого духовенства, и Государь, между прочим, указал на протоирея Богословского, состоявшего законоучителем при императорском училище проведения. В 1862 году этот комитет окончил возложенное на него поручение и работа его была представлена на обсуждение духовных академий и епархиальных архиереев. 14 мая 1867 года утверждены новые уставы и штаты духовных семинарий и училищ, и этим преобразованием положены были новые начала, как в управлении этих учебных заведений, так и в системе воспитания и образования нашего юношества из духовного класса¹²².

Духовно-учебные заведения по новому уставу 1867 года состояли под главным управлением Св. Синода и ведением епархиального архиерея и вверялись ближайшему попечению местного духовенства. Наконец, 30 мая 1869 года был утверждён новый устав духовных академий. Мы не станем подвергать здесь подробному рассмотрению все это сложное и специальное дело и, согласно принятой задаче, остановим внимание на тех взглядах и пожеланиях, которые высказаны были в литературе в тот семилетний период времени, когда все эти уставы были только в проекте и в обсуждении.

Лиц, высказывавших свои мнения по поводу улучшения духовного образования и воспитания, можно разделить на два противоположных лагеря, по свойству тех начал, на которых эти лица основывали свои мнения. Они выражали желание связать посредством образования и

воспитания самыми крепкими узами общество и духовенство и вообще положить конец кастовому устройству духовенства; другие в своих суждениях строго держались одного круга духовного и присущих ему интересов. Первые желали, чтобы преподавание так называемых общеобразовательных наук, необходимых для духовных лиц, равно и предметов элементарного обучения, светское общество, как свою специальность, взяло бы на свое попечение, а в семинариях было бы оставлено только преподавание наук богословских. Последние не допускали этого разделения и требовали, чтобы прежний строй и состав наук в духовных училищах был сохранен, усилив, однако, изучение этих наук, и сделав некоторые изменения и дополнения в программе всего образования.

Сторонники первого мнения представляли следующие основания в доказательство своего требования¹²³. Всеми признано (говорили они), что нравственно-религиозному влиянию духовенства на общество, на народ, препятствует кастовое его устройство. Это кастовое устройство, выражаясь во всех сторонах внешнего положения духовенства и в его деятельности, имеет свое основание и в образовании. Разница образования, получаемого духовенством и светскими лицами, кладет между ними резкую грань. И то и другое образование представляется исключительным, а потому односторонним. Пока религиозный элемент не получит в обществе полного своего значения, до тех пор оно все будет коситься на духовенство, тем более, если последнее будет оставаться при том прежнем строе общего образования, которое не оправдывается современными научными требованиями. С другой стороны, от слабого изучения наук общеобразовательных и науки богословские находятся в одностороннем положении. Воспитанники духовных училищ с недостаточными познаниями научных фактов, не имеющие поэтому никакого основания рассчитывать на силу и значение их, необходимо привыкают к туманной общности взглядов на природу и историю, становятся равнодушными и безучастными ко всем явлениям жизни. При таком настроении и само богословие укладывается в них только общими своими положениями, общими фразами и развивается в их умах только диалектически. Так как главная идея духовно-учебных заведений есть идея богословская, то все образование, воспитание, администрация, инспекция направлены к ее осуществлению, а потому все общеобразовательные науки становятся второстепенными, побочными. По мнению сторонников закрепления живой связи между духовенством и светским обществом путем получения общего элементарного образования, необходимо разделить

общеобразовательные и богословские науки между двумя совершенно независимыми учебными заведениями¹²⁴. Очевидно, по мнению этих лиц, что в этих учебных заведениях должна быть различна не только учебная часть, но и воспитательная, потому что последняя, как указано выше, и служит главным проводником (в духовных училищах) идеи богословской, в приеме, методе и способе изучения общеобразовательных наук. Не может быть также достигнута самостоятельность в преподавании этих наук в училище, хотя и отделенном по своему учебному строю от богословского, но подчиненном начальству и надзору духовных лиц, потому что клерикальный характер такого надзора и администрации, от которого не могут отрешиться духовные лица, будет забивать воспитанников и преподавателей на каждом шагу и преждевременно направлять изучение общеобразовательных наук к характеру и приемам клерикальным. Одним словом, чтобы достигнуть самостоятельности в преподавании этих наук необходимо духовенству совершенно выделить их, и предоставить тем заведениям, которые специально назначены для них, т. е. гимназиям. Какая отсюда произойдет выгода для богословия и для духовенства – оно понятно. В богословское училище будут поступать люди с надлежащим запасом фактических, положительных, а не односторонних и скудных сведений, и таким образом к богословию непосредственно примкнет жизнь действительная, а не воображаемая, тощая и сухая. Вследствие сего богословие покинет общие места, отвлеченность, диалектику и божественные истины будут очевидны для учащихся в явлениях природы и человеческой жизни, в которых оно будет широко и свободно развиваться, все освещая и направляя к великой своей задаче. Пастырь церкви, понимающий явления и условия жизни в их действительных началах, не будет далеким и чуждым для общества, и свободно станет распространять свое религиозное влияние на него. Вследствие сего упадет главное основание кастового устройства духовенства, сословные и административные закрепления потеряют свою опору.

Всеми также признано (продолжали развивать свои мысли сторонники слияния светской школы с духовной), что и воспитание в духовных училищах также неудовлетворительно. Ученик с самых первых классов, еще не способный понимать высокой идеи богословской и требований пастырства, уже должен подчиниться правилам, вытекающим из этой идеи. Для блага церкви, для прочного нравственного влияния духовенства на народ нужно развивать не формализм, а свободные стремления и возбуждения, чтобы дух религии действовал не безотчетно,

фатально, а разумно и свободно. Всего этого нельзя достигнуть иначе, как совершенной раздельностью первоначального – общего воспитания от воспитания богословского – специального. Самое главное при такой раздельности это то, что в богословское училище будут поступать люди только по свободной решимости и с живым расположением к пастырскому служению. Нынешнее семинарское устройство не развивает свободных возбуждений и стремлений ученика и не дает ему общего образования. Особенно тяжела участь исключенных из семинарий, вследствие их неподготовленности к жизни и к работе.

Весь этот проект о слиянии духовных школ со светскими и об учреждении церковных училищ для преподавания специально богословских предметов для учеников уже взрослых и решивших по призванию искать пастырского служения, подвергся критике сторонников оставления духовных училищ в кругу духовном, с условием однако введения в них свойственных духу и потребностям времени преобразований и в особенности улучшения материальных средств бедствовавших наставников и всего учебного обихода. В этих критических суждениях указывалось, что, так называемые, общеобразовательные науки сами не имеют под собой прочной почвы, подчиняясь нередко разным веяниям, и иногда весьма узким, и пагубным, как например, материалистическим. Да, и самое преподавание наук в гимназиях далеко отстоит от совершенства. Оно по большей части скопировано с иноземного образца и мало укрепляет истинно-православные и русские начала в своих учениках. Разным образом и воспитательная часть не находится на высоте своего положения. Светская, казенная школа, принимая к себе воспитанника, проникает его духом служебной карьеры и приучает его видеть в перспективе чины и гражданские отличия, недостижимые в тихом быту поселян, среди которых в большинстве случаев приходится жить и действовать воспитанникам, окончившим курс в духовных училищах и предназначивших себя к пастырскому служению. Защищая отдельное существование духовно-учебных заведений, сторонники этой обособленности указывали на то, что вся основа семинарского образования представляет из себя твердое и широко соразмерное произведение, нуждающееся лишь в преобразовании, а не в ломке. Будет дурно, говорили указанные лица, если весь склад и все направление общественного мирозерцания будет определяться помимо положительных начал веры церковной, одной наукой светской, часто пристрастной и неосторожной в своих увлечениях. «Мы (продолжали эти защитники самобытности духовных училищ) были бы согласны на

слияние духовных учебных заведений со светскими, но для этого требуется одно условие: пусть светское учебное дело проявит притягательную силу, пусть светское учебное дело проявит притягательную силу, пусть оно заставит всех людей религиозного направления сочувственно думать и говорить о себе: пусть раскроется там во всем блеске и силе образовательная и воспитательная сила. Укрепите эту силу в гимназиях, истребите те плевелы, какие прежде с избытком возрастали в них, при невнимании начальства, и мы соединимся с вами» – вот что говорили эти люди, в числе которых были видные представители духовного класса¹²⁵.

Все эти суждения не потеряли своего значения и для настоящего времени, когда вопрос о преобразовании светских средних учебных заведений снова выдвинулся вперед и стал сильно занимать наше общество.

III. Духовное управление и администрация

При сильном стремлении нашего общества к преобразованиям во всем духовном ведомстве не мог не подняться вопрос о необходимости реформы в системе духовного управления и администрации. Обратив внимание на этот вопрос, наши публицисты и общественные деятели должны были заметить то ненормальное и крайне вредное явление, что у нас нет свода постановлений для церковного управления вообще, и духовные власти во всем, что прямо не определено ни каноническим правом, ни общими законами гражданскими и государственными, руководствуются на практике примерными делами, прежними решениями и указами Св. Синода¹²⁶. Нет надобности пояснять, что такое отсутствие кодификации церковных законом дает перевес личному началу пред правовым, обуславливает существование друг другу противоречащих правил, порождает забвение прав и обязанностей, временно затемненных вследствие исторических причин, и, в конце концов, способствует появлению среди светских членов церкви равнодушия к церковным делам, а среди духовных членов церкви поселяет излишнюю робость и неуверенность при исполнении своих служебных обязанностей.

Обозревая систему высшего духовного управления и усматривая, что оно сосредоточивается в руках монашеского класса (кстати сказать, не исполняемого лицами высших сословий), публицисты шестидесятых годов подняли вопрос о возможности избрания епископов не из монашества, а из белого духовенства, и пытались разрешить этот вопрос в утвердительном смысле. Высказывалось даже мнение, будто по церковным постановлениям вовсе нельзя монаху быть епископом, и указывалось, что монашество образовалось только в IV веке. В защиту такого мнения были сделаны ссылки на 5 апостольское правило, на 12 шестого вселенского собора, на 2 правила собора, бывшего в храме премудрости, и на пример греческой церкви. Наконец, со ссылкой на практику древней новгородской церкви и на примеры избрания епископов из священников, делался вывод, что «судьба русских архиереев, ни исторически, ни канонически, не связана с монашеством»¹²⁷.

Обсуждая связь современного положения православного монашества с вопросом об улучшении быта духовенства, газета «День» (в статьях помещ. в № 23, 35 и 36 за 1865 г.), между прочим, указывала, что монашество сосредоточило в своих руках и главное руководство воспитание будущих служителей церкви, и верховную правительственную

власть над лицами, посвятившими себя столь высокому служению, а посему всякое преобразование в быту православного духовенства может быть приведено к успешному окончанию, когда наперед будет предпослана ему реформа монашества. Наше монашество, по мнению названной газеты, изменило основной своей идее так же, как и восточное монашество, а именно: 1) вследствие умножения монастырских имений, 2) вследствие возведения иноков на церковно-иерархические степени и 3) вследствие представления монахам права на занятие епископских должностей. Это уклонение монашества от основной цели видоизменило весь строй монашеской жизни, которую автор рисует темными красками, заявляя в окончательном своем выводе, что монашество из подвижничества сделалось карьерой.

Эта критика современного монашеского строя привела к рассмотрению и отношений белого духовенства к представителям монашеского класса, занимающих начальственное положение относительно этого духовенства, причем авторы статей, посвященных указанному предмету, разъяснили всю ненормальность характера таких отношений. Так, И. С. Аксаков в передовой статье «Дня» за 1864 г. № 27 указывал, что отношения приходских церквей к епархиальному начальству стали похожими на отношения низших присутственных мест к начальнику губернии, отношения приходски священников к архиереям – на служебные отношения низших чиновников к высшим, с той разницей, что в гражданском ведомстве эти отношения ограничиваются областью службы, областью внешней дисциплины, а в духовном они, по самому существу духовной службы, и – в сочетании с духовным подчинением и духовной властью – далеко простираются за пределы и гражданской субординации, и начальственного гражданского авторитета. Редакция «Дня» особенно подчеркивала порабощенное положение приходского духовенства и замечала, что благочинный, консистория, секретари – все, гласно или тайно, законно или помимо закона, имеют власть, значение, по крайней мере, влияние, в назначении или смене священника, не говоря уже о ходатайстве посторонних начальств и ведомств. Много нужно выдержать испытаний и многим угодить, чтобы получить приход и удержаться в приходе; можно лишь не тревожиться мнением прихожан. Их одних не спросят. И этот порядок установился не в силу закона, а помимо закона¹²⁸.

Вместе с желанием поднять значение белого духовенства в иерархической сфере, обнаружилось также в нашей журналистике родственное по духу стремление вывести наше духовенство из той обособленности, которая появилась вследствие неблагоприятных

исторических причин и неудачных мер, принятых светским и духовным правительством. В «Русском вестнике», в октябрьской книжке за 1863 год, в статье об улучшении быта духовенства, автор старался выяснить вопрос о сословной замкнутости духовенства с канонической точки зрения и пришел к выводу, что наследственность, замечаемая в духовном сословии, противоречит учению Св. Писания и соборным постановлениям и что право церковного служения должно быть предоставлено всем членам церкви. Уже в статье «По вопросу о преобразовании духовных училищ» Белафина, помещенной в журнале «Православное Обозрение» за 1861 год (февраль, август и ноябрь), проводился взгляд держался и автор разбираемой статьи «Русского Вестника»; он указывает, что все члены церкви призваны на высокое служение алтарю, по свободному избранию их церковной общиной (ссылка на 33 правило VI вселенского собора и 10 правило Сардикийского собора). Затем он поясняет свое положение указанием, что право народа подавать голос при избрании своих пастырей издавна сохранялось в нашей церкви.

Пониженное и умаленное положение священников в сфере духовного управления и непригодность всего строя епархиальной администрации, усыплявшей нравственные силы всего духовенства, побудило лиц, сочувствовавших духовному классу, вспомнить о прежнем самоуправлении белого духовенства, которое в древней Руси составляло союзы и избирало своих поповских старост для наблюдения за церковным благочинием по округам. Этот проект о восстановлении выборного начала в духовном управлении весьма горячо поддерживался в тогдашней духовной журналистике, особенно южной, во главе которой в этом деле стоял харьковский журнал «Духовный Вестник». В «летописном листке» этого журнала за 1862 г. (т. II) высказано было пожелание о распространении выборного начала на белое духовенство. Не говоря уже об избрании благочинных самим духовенством, автор указывал, что члены консистории назначаются непременно из губернского духовенства, а уезды не имеют в консистории своих представителей, тогда как знание условий жизни известной местности и того особенного положения, которым вообще разнится сельское духовенство от городского, духовенство уездного города от духовенства губернского, может быть иногда очень полезно при разбирательстве консисторских дел. В силу этих соображений автор стоял за выборы духовенством и членом консисторий и, кроме того, полагал возможным предоставить академиям и семинариям избирать себе ректоров¹²⁹.

Почин фактического восстановления выборного начала в духовном

управлении был сделан знаменитым киевским митрополитом Евгением еще в 1827 году. Этот ученый архипастырь 29 июля 1827 года сделал предложение о выборе в Киевской епархии благочинных церковью самим духовенством, как то было в старину. В преобразовательную эпоху шестидесятых годов, когда само высшее духовное правительство было утомлено формалистикой духовных консисторий и духовных правлений, не пользовавшихся сочувствием не только сред светских людей, но и среди духовенства из-за взяточничества консисторских чиновников – было снова обращено внимание на это спасительное выборное начало, на которое с таким постоянством указывала журналистика¹³⁰. Почин был сделан также Киевским митрополитом, именно Арсением, который в 1862 году предложил подвергнуть благочинных выбору самого духовенства, и оно с громадным сочувствием и признательностью встретило это предложение. В том же году такие порядки установились и в Полтавской епархии.

В журналистике заговорили по этому вопросу еще решительнее. В ноябрьской книжке «Прав. Обзор.» за 1863 год, в статье «Об улучшении быта православного духовенства» указывалось на необходимость в изменении системы епархиального управления, в уничтожении ст. 68 уст. духов. консист. (о надзоре благочинных за монастырями) и в предоставлении духовенству права выборов на общественные должности, со ссылкой в подкрепление последнего предложения на практике церкви при апостолах (Деян. 3, 6, 56). В этой же статье выставлялось на вид, что диаконы, в случае их вдовства, только в силу обычая не допускались к высшим степеням священства. Духовенство, с своей стороны, высказывало желание, чтобы благочинные, присутствующие и секретари консисторий определялись по выборам духовенства и при том на определенное число лет («Прав. Обзор.» январь 1864 г.), и чтобы введение этих новых светлых порядков освободило духовенство от косвенных налогов при поседении церковью благочинными, при сдаче метрик в консисториях и от подводной повинности при проездах духовного начальства¹³¹.

Дело восстановления выборных порядков не ограничилось Киевской и Полтавской епархиями; вслед за ними выборы благочинных распространились и в других епархиях. Так, в промежуток времени с 1864 по 1869 годы эти порядки заведены были в епархиях: Харьковской, Саратовской, Орловской, Смоленской, Минской, Екатеринославской, Казанской и др.; повсюду духовенство было довольно этими выборами, пред началом которых служило молебны, а, по сведениям сообщенным в газете «День» (1864 год, № 13), духовенство Харьковской епархии, получив известие о таком распоряжении своего архипастыря, при встрече

друг с другом обнималось и целовалось, как в светлый праздник. Одним словом, к концу шестидесятых годов превосходство выборного порядка признавалось духовенством повсеместно¹³².

Епархиальное духовенство, будучи призвано особым присутствием (как выше было упомянуто) принять непосредственное участие в обсуждении вопроса об улучшении на счет местных источников, как собственного благосостояния, так, со времени реформы духовных училищ, и быта этих епархиальных учебных заведений, не могло бы достигнуть в таком важном и трудном деле желательных результатов без общих совещаний духовенства по этому предмету, без приведения в положительную известность всех данных о действительном состоянии и наличных средствах каждой отдельной приходской церкви. Отсюда сама собой возникла необходимость в учреждении съездов духовенства. Учреждение таких съездов открыло духовенству благоприятный случай поставить на общее обсуждение и несколько других важных вопросов, как например, о пенсии престарелым и заштатным лицам духовного сословия, об учреждении церковных школ, свечных заводов, библиотек и попечительств, и наконец о благоустройстве приходов вообще. Епархиальные преосвященные, вполне понимали всю пользу, какой можно ожидать от совокупного обсуждения духовенством разнообразных предметов, касающихся, как материального его быта, так и обязанностей пастырского служения, и начали поощрять учреждение таких съездов.

IV. Сословное положение духовенства и расширение его личных, семейных и гражданских прав

С особенной настойчивостью в литературе и журналистике начала шестидесятых годов указывалось на приниженное положение нашего духовного класса среди других сословий и на необходимость уничтожения сословной отчужденности духовенства. Этому настойчивому голосу, раздававшемуся не только в печати, но и в высших иерархических и правительственных сферах, вняло особое Присутствие, которое в числе своих задач поставило и вопрос об увеличении личных гражданских прав и преимуществ духовенства. Появилось весьма много статей и заметок относительно расширения для духовенства прав: семейных, по состоянию, по службе, по имуществу, по обязательствам и договорам и по постановлениям относительно промышленности и торговли¹³³. В этом отношении мы укажем на выдающуюся статью священника Хитрова «О правах белого православного духовенства», напечатанную в «Духовном Вестнике» за 1863 год, том. VI. По изысканию автора, некоторые права белого духовенства были подавлены строгостью, другие затемнены неопределенностью закона, иные попораны, некоторые – забыты, а прочие остаются без действия вследствие бедности духовенства. Перебирая систематически все эти права, автор предложил свои посильные соображения для восстановления, укрепления и расширения правовой сферы, касающейся нашего духовенства¹³⁴.

Вопрос о сословном положении православного духовенства, как указано было выше, получил благоприятное для него разрешение в законодательном порядке. В силу закона 1867 года последовала отмена наследственного начала в замещении церковных мест, и нужды прихода были поставлены на первый план. Эта мера, как бы предрешила в положительном смысле другой вопрос, а именно о свободном избрании приходом своих пастырей и церковников¹³⁵. В силу же закона 28 мая 1869 г. в духовном звании оставлены только лица, имеющие священный сам и занимающие причетнические должности; детям их открыт свободный доступ во все роды государственной и гражданской службы¹³⁶.

Стремление у исторической правде и к оздоровлению корней русской общественной жизни и в частности – церковной побудило большую часть духовенства и многих литературных деятелей описываемого времени высказывать особенное желание видеть возобновленным издавна принадлежавшие духовенству право на широкое участие в общественных

делах и в частности в крестьянском общественном управлении.

Еще до издания положения 1 января 1864 года о земских учреждениях такое желание выражено было в статье «Соображения об улучшении быта православного духовенства в общегражданском отношении» («Прав. Обзор.» 1863 г., т. XII). Со времени же издания положения о земских учреждениях, когда духовенству предоставлено было право участвовать в земских делах, эта реформа в нашей журналистике была встречена с подлинным сочувствием. «Петр Великий единым почерком пера уничтожил прежнее положение нашего духовенства в земстве и в государстве», замечалось в статье, помещенной в февральской книжке «Православного Обозрения» за 1864 год. Автор этой статьи видел в этом допущении духовенства к участию в общественных делах, наравне с прочими обывателями, возвращение к старинным началам, когда духовное сословие не составляло касты во вред себе и обществу и заседало, наравне с прочими сословиями, на «земских соборах». «Священник должен быть гражданином и не разниться от других относительно гражданской равноправности», заявлялось в статьях, помещенных в №№ 138 и 140 газеты «Московские Ведомости» за 1864 год. Великое дело земства не должно и не могло быть чуждым нашему духовенству; участие его в этом деле будет благотворно, так как кому же ближе известен быт народа и его потребности, как не духовенству¹³⁷.

Одна из главных задач земства (говорилось в статье «Духовенство в земском деле», напечатанной в «Дне», 1865 г. № 38) – народное образование не может быть правильно разрешено без духовенства. Этот голос светской печати, признавшей открыто эту необходимость, совпал с голосом духовной печати, всегда одобрявшим замечаемое в духовенстве стремление к устройству народных школ. «Пусть обязанность церковнослужения и народного обучения, – говорилось в статье «О первоначальном народном обучении», помещенной в Прилож. к Твор. св. отец, 1862 года, кн. II, – и в глазах правительства, и в глазах народа, и в глазах самого духовенства будут нераздельны. Нельзя только требовать, чтобы обучение народа было принимаемо на себя непосредственно священником, слишком обремененным своими многотрудными обязанностями, и потому это занятие может быть вверяемо образованным диаконам и причетникам¹³⁸. Желательно также (продолжает автор), чтобы самые церкви на будущее время устраивались не иначе, как с училищами (церкви-школы) и во всяком случае необходимо, чтобы народное образование освобождено было от излишних формальностей, отчетности, регламентации. Вопрос о народном образовании (заканчивал автор)

гораздо более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях, ибо, как не плохи будут учреждения, но когда дух народа уел, государство останется непоколебимым, а когда в народе последовало нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели». Далее, укажем на статьи «Православного Обозрения», где проводился здравый взгляд о необходимости религиозного образования народа в духе православной церкви, и, между прочим, в статье «По прочтении Высочайшего манифеста» («Прав. Обозр.», февраль, 1861 г.) высказывалось убеждение, что от влияния духовенства много зависит нравственная будущность освобождаемых крестьян; относительно же сельских школ ставилось непременным условием, чтобы они не были казенным официальным учреждением («начальство истины не видит», замечает автор), а были бы в полном смысле слова «приходскими» («Православное обозрение», 1860 г., № 2)¹³⁹.

Как известно, в шестидесятых годах впервые была высказана мысль о пользе для народа воскресных школ и чтений, а также катехизических школ. Газета «День» (1862 г., № 14) предлагала открыть воскресные школы при каждой семинарии для учения грамоте и особенно закону Божию – что впоследствии и осуществилось. В статье «О воскресных собеседованиях» («Прав. Обозр.», апрель 1862 г.) проводился тот взгляд, что живое собеседование тесно соединяет людей, заинтересованных в одном деле, и что такого общения в форме свободного сношения или собеседования прихожан со своим священником у нас до сих пор не доставало. «Представьте себе, – говорит автор этой статьи, – что каждый воскресный день, с живым участием к вопросам религии и образования, у того или другого прихожанина собираются желающие участвовать во взаимной духовной беседе». Такое живое общение, по мнению автора, подействует несомненно к образованию приходской библиотеки, а также и приходской кассы. В подкрепление своего проекта автор указывает на тот общеизвестный факт, что для наших крестьян необходима духовная пища, необходимо образование, разумно соединенное с религиозными началами.

Особенно горячие пожелания высказывались в печати относительно предоставления священникам свободы проповедничества. В журнале «Духовный Вестник» (1862 г., т. I заметка на статью «об образовании сельского простонародья», помещенная в «Страннике» за 1861 г., октябрь) в защиту свободной и широкой проповеди в храмах указывалось на примеры Василия Великого и Иоанна Златоуста, которые храмы Божии

нередко обращали в школы христианского богословия, заставляя собираться христиан в оные по несколько раз в день для одного слушания бесед. По существующим же постановлениям и обычаям у нас (говорилось в статье Никитинского «О проповедях», напеч. В газете «День» за 1863 г., № 39), ни один священник не может сказать, даже в своей церкви, никакого поучения, если оно не будет рассмотрено и одобрено специальным цензором. Автор стоит за свободу проповедничества, находит, что нынешняя проповедь вращается в схоластических формах, выбирает отвлеченные темы, скучные для народа, и высказывает убеждение, что отсутствие цензурных стеснений сделает проповедь живой речью, которая найдет доступ в народные массы и поколеблет равнодушие и холодную расчетливость средних и высших классов. В видах поднятия проповедничества проектировалось установление в городах особых должностей проповедников («Об условиях успеха церковной проповеди в народе», «Прав. Обозр.», январь 1862 г.)¹⁴⁰.

**VIII. Правительственный голос о
«самостоятельности и самодеятельности»
православных приходских обществах. –
Мнения в литературе о «приходских правах и
управлении». – «Утайка» церковно-
общественных сумм. – Циркуляр
смоленского архипастыря. – Статьи И. С.
Аксакова по церковно-приходским делам**

Большинство писателей, поднимавших вопросы о всестороннем улучшении быта духовенства и об оживлении церковно-общественных дел, сознавали, что корень всех этих важных преобразований лежит в правильной постановке «приходского» дела, так что все эти реформы в быте, управлении и в отношениях духовенства к мирянам, какую бы конструкцию ни придавать этим реформам, могут считаться (по мнению этого большинства) прочно установленными только тогда, когда «приходский строй» и «приходское управление» вступят в свои права и в свои нормальные условия жизни. Автор приведенной выше статьи о «приходе» («Русская Беседа», 1857 год) только слабыми штрихами наметил план восстановления «прихода» и обратил почти исключительное внимание на благотворительные задачи прихода, между тем как вопрос о возвышении значения наших православных приходов неминуемо сливался с вопросом о приходе, как юридическом лице, а также о правильном разграничении собственно церковно-общественного имущества от имущества духовенства и его начальства. Нашему образованному обществу впервые представилась на разрешение трудная задача, а именно: разработка понятия о «приходе», как единице церковно-общественной, и этой задаче посвятили свои силы, как правительственные люди, так и литературные деятели, помещавшие свои статьи в газетах и журналах, преимущественно в духовных журналах.

В статье «Духовенство и народное образование» («Прав. Обзор.», февраль 1862 года) ставился прямо вопрос: составляют ли церковные имущества исключительную собственность духовенства? Если нет, то принадлежат ли они всему народу, как государству, или народу, как церкви? В апрельской книжке того же журнала, в статье «Церковно-

финансовый вопрос» последовал ясный ответ, а именно: «церковной собственностью имеет право (по мнению автора) распоряжаться только церковь, а церкви не представляет вполне, ни иерархия, ни светская власть, покровительствующая церкви, ни народ – взятые в отдельности». Такое разрешение этого важного вопроса отклоняло всякую мысль о возможности соединения церковных имуществ с государственными или же с принадлежащими духовному ведомству, как таковому, и выдвигало на первый план значение прихода, как юридического лица с одной чисто гражданской стороны и как низшей церковно-общественной единицы с другой стороны, а следовательно, вело к понятию о «приходе» как о таком учреждении, которое, как местная церковь, вмещающая в себе местную иерархию, местную власть и народ, обладало правом собственности над всем церковно-приходским имуществом.

Весьма важно отметить, что эта плодотворная мысль о вышеприведенном значении прихода появилась в сознании нашего образованного общества в эпоху преобразовательную. Практическое осуществление ее в жизни, т. е. преобразование всей церковно-экономической системы, есть дело, конечно, более или менее отдаленного будущего. Для этого необходимо, чтобы в нашем православном обществе исчезло то безучастие к религиозно-церковным вопросам, которое замечается ныне, и чтобы это общество стало принимать живейшее участие в своих церковно-общественных делах, одним словом, чтобы оно восприняло ту истину, что для «Церкви Божией» устроен весь мир. Что же касается до сфер государственных и правящих, то желательно, чтобы в их сознании получило силу то положение, что система централизации, стягивающая все к одному центру, нередко при этом сдавливает и мертвит живые силы общественного организма и что при упадке жизненных сил в самом центре этому организму грозит крайнее истощение и распадение. Такое опасение, по-видимому, и побуждало некоторых государственных деятелей описываемой эпохи искать в общественной силе опоры для проведения в жизнь многих важных государственных реформ, между прочим, и в области церковно-общественной. Обратим теперь внимание на правительственные начинания, касавшиеся этой области.

Как было сказано выше, особое присутствие своей главной задачей поставило обеспечение духовенства материальными средствами, и главной заботой в этом отношении представлялась задача о том: назначить ли духовенству содержание от казны, или же оставить это содержание по-прежнему на обязанности церковной общины. Обстоятельством решающим этот вопрос, послужила записка министра внутренних дел от

10 марта 1863 года, в которой министр исходил из той мысли, «что правительство не может в одно время обеспечить всего приходского духовенства, и что дело обеспечения церквей и духовенства есть дело общественное, в котором прихожане призваны к столь же непосредственному участию, как и само правительство. Надлежало бы (замечал министр) только возбудить и поощрить самостоятельность и самодеятельность приходских обществ. Приходские священники (продолжал министр) не чиновники, получающие окладное содержание и постепенно повышаемые с должности на должность, с оклада на оклад. Между священнослужителями и приходом должно быть особого рода связь, и желательно, чтобы прихожане принимали ближайшее, добровольное участие в благолепии приходского храма и в благосостоянии приходского притча. Желательно, чтобы средства к тому имели по возможности фундушевое свойство и, следовательно, чтобы поощрялись частные пожертвования у увеличению этих средств»¹⁴¹.

Читая и перечитывая это замечательное место в записке министра внутренних дел статс-секретаря Валуева, совещавшегося ранее дачи хода этой записки с архиепископом могилевским Евсевием и статс-секретарем князем Урусовым, нельзя сомневаться, что министр имел в виду именно восстановление уклада древне-русского прихода, т. е. того «прихода», на котором незабвенные государственные деятелем, руководившие делом освобождения крестьян от крепостной зависимости, остановились, как на древнейшей исторически сложившейся административной и церковной единице разделения территории русского государства¹⁴². Также отметим здесь авторитетное мнение, высказанное по сему вопросу главноуправляющим собственной Е. И. В. канцелярии бароном Корфом в записке, представленной им 28 июля 1863 года особому присутствию. Барон Корф указал, что мысль о привлечении мирян к участию в делах церковных сама по себе не нова: законодательством уже довольно давно дало ей применение как в утверждении должности церковных старост, так и в допущении почтеннейших из прихожан к проверке церковных сумм и к некоторым другим распоряжениям по хозяйству приходов. Заметь, далее, что церковный приход издревле в государствах христианской Европы был первообразом гражданской административной единицы, главноуправляющий указывал, что у нас в древние времена села и деревни тянули к погостам; там был общий для окрестных селений храм, там же сосредоточивалось и управление; туда доставлялись налоги и сходились жители для рассуждений о своих делах. Хотя единение это ходом последующего государственного развития было нарушено, но, продолжал

барон Корф, если мы в более или менее близком времени будем вынуждены перейти от нынешней крестьянской, сословной общины к такой административной единице, которые бы обнимала окрестных жителей всякого звания, то прочно и хорошо устроенная община приходская представить самую естественную и ближайшую ступень для такого перехода. Итак, рассуждая об устройстве прихода, не должно (по мнению барона Корфа) вовсе упускать из вида роль, которую, может быть, суждено ему играть, как органу теснейшего сближения церкви и государства, сближения, в котором церковь нашла бы верный залог влияния и веса среди светского общества.

Нельзя, кажется, яснее выразить мысль о всей необходимости и пользы для русского народа – не только в одном церковном, но и в государственном отношении – восстановления прав и обязанностей «православного прихода»,

Все эти веские соображения о восстановлении самостоятельности и самодеятельности православных приходов, а также исторические данные о положении прихода в древности, не могли не побудить (как нам кажется) присутствие взять на свое разрешение целиком всю задачу оживления церковно-общественной жизни в России, а именно, в объеме восстановления прав обязанностей православного прихода, с удалением всех наслоившихся преград и препон на пути такого восстановления. Одним словом, приход надлежало усвоить его древнее значение юридического лица, которое он имел по неотменным в законодательном порядке правилам духовного регламента, и сделать его как бы «ячейкой» в государственном и общественном организме России. Для осуществления этой задачи на первых порах можно было бы (на наш взгляд) ограничиться: 1) занесением всех прихожан поименно в особую «главную приходскую книгу», существовавшую в древности и затем уничтоженную; 2) узаконением и упорядочением общих собраний прихожан для разрешения приходских дел и для установления «приходского управления» в качестве представителя «прихода»; 3) восстановлением права прихода на избрание своих священно- и церковнослужителей; 4) признанием свободно приобретаемого церковно-приходского имущества собственностью прихода, как юридического лица, с приданием этой собственности свойственного ей по каноническим и гражданским законам характера неподвижности и неотчуждаемости и с поставлением права распоряжения прихода этой собственностью под надзор высшей епархиальной власти, т. е. местного архиерея.

К этой серьезной законодательной работе об устройстве «приходского

уклада» присутствие должно было побуждаться еще и косвенными соображениями. К числу этих косвенных соображений надо отнести сделанное самим же присутствием признание полной непригодности института церковных старост. В докладе присутствия, от 16 марта 1863 года за № 2, приведена такая критика этого института, после которой ничего более не оставалось делать, как коренным образом преобразовать этот институт. Вот что по этому предмету сообщало, между прочим, присутствие: «обязанности звания церковного старосты, первоначально учрежденного по Высочайшему указу 28 февраля 1721 года, определены подробно в Высочайшее утвержденной инструкции 17 апреля 1808 года, которая, кроме самих церковных старост, предоставляет принимать некоторое участие в церковном хозяйстве вообще и почетнейшим лицам из прихожан. Но учреждения сии, подчиненные многим формальностям и всем инстанциям духовного управления, а по отчетности и ответственности их состоящие под влиянием чиновников консистории, не смотря на продолжительное существование, не довольно привлекают к себе сочувствие со стороны общества прихожан. Иногда с трудом составляется сколько-нибудь полное собрание прихожан для самого выбора церковного старосты: к ежемесячному счету церковных денег обыкновенно не является никто из прихожан, кроме чрезвычайных случаев и особенного призыва; лица действительно усердные к церкви не всегда решаются принять на себя звание церковного старосты, а привлекаемые в оное особыми видами и надеждой поощрений не могут приносить всей ожидаемой от них пользы. Такое равнодушие прихожан к делам своей церкви, очевидно, истекает из полнейшего их безучастия в хозяйственном ее управлении. Несмотря на то, что все расходы по богослужению покрываются средствами прихода, сей последний не только не имеет никакого участия в распоряжении суммами, но даже и не знает об их употреблении. Право присутствовать при ежемесячном счете церковных денег не только не может быть признано преимуществом, но даже равняется тяжкой обязанности, ибо известно, что по общему закону за целостность сумм ответственны все участвовавшие в свидетельствовании оных. После этого понятно то уклонение от счета церковных денег, которое замечается повсюду».

Казалось бы, что после такой правдивой оценки института церковных старост, присутствию не оставалось другого выхода, как вручить это важное дело «церковно-приходскому управлению», тем более, что присутствию не могло не быть известным о правильной постановке церковно-хозяйственного дела в приходах других христианских вероисповеданий в

России, каковые приходы нашим же законодательством признавались за юридические лица. Если бы присутствие остановилось на сравнении положения господствующей церкви с церквами других христианских вероисповеданий в России, то оно не могло бы не заметить всей ненормальности и тяжести условий, созданных для приобретения православными церквами недвижимых имуществ, и поспешило бы с предложением об отмене этой стеснительной формальности, которая коренным образом нарушает благосостояние православных церквей и несомненно отражается и на благосостоянии церковно-приходских общин. «Правда, присутствие, как мы подробно увидим ниже, приобретения православными церквами недвижимых имуществ, но для благоприятного его разрушения удобный момент был очевидно пропущен, тогда как это предположение в стройном целом всего преобразования православного прихода могло бы получить желательное окончание, вполне соответствовавшее достоинству и интересам господствующей церкви. Наконец, присутствие, согласившись с мнением министра внутренних дел об оставлении содержания православного духовенства на средства прихода, должно было обсудить духовные и материальные силы прихода и дать этим силам достаточный простор для того, чтобы они могли выдержать возлагаемую на них тяжесть.

Но все эти задачи не были приняты во внимание присутствием, как бы они того заслуживали. Оно, как известно, ограничилось созданием искусственных, по канцелярскому образцу учрежденных попечительств, возбудивших на первых же порах ряд недоразумений, а особенно в области церковно-хозяйственной и денежной, принесших, вместо мира и спокойствия, разлад между духовенством и мирянам, и влачащих по сие время свое бесцветное существование¹⁴³.

История учреждения в России приходских попечительств мы еще коснемся ниже, мы еще коснемся ниже, теперь же мы сделаем краткое обозрение того развития в литературе понятия о приходе, которое оно получило в то время, когда под покровом канцелярской тайны создавался устав о церковных попечительствах, обнародованный во второй половине 1864 года.

В этом отношении заслуживает внимания статья А. Н. Хвостова «Одна из мер к улучшению быта православного духовенства», помещенная в октябрьской книжке «Православного Обозрения» за 1863 год. Хотя в этой статье вопрос о приходе затрагивался главным образом со стороны имущественных его прав, но так как с практической точки зрения выяснение именно этих прав представляется существенно важным, то мы в

самом сжатом виде приведем наиглавнейшие взгляды автора на это дело.

По наблюдениям автора, в нашем сельском быту замечается одно простое требование, которое могло бы иметь решительное влияние на улучшение быта нашего духовенства, а именно, оно состоит в улучшении юридического положения наших православных приходов. Таким улучшением автор признает: предоставление каждой приходской церкви права приобретать на свое имя и на общем законном основании, как движимую, так и недвижимую собственность, и свободно распоряжаться оной, при участии лиц, избранных для сего от прихода. Правительство, принявшее на себя (после секуляризации церковной собственности) управление бывшими церковными имуществами, с обязанностью обеспечить благосостояние церкви и ее служителей, оказалось (по мнению автора) в сем последнем отношении не вполне состоятельным, и никогда не в состоянии этого делать. Лучшим доказательством своего мнения автор усматривает в правительственной известии, что духовенство не может рассчитывать на общее денежное пособие от казны. Таким образом, содержание духовенства опять, как и прежде, ложится на плечи прихода. Возвращаясь снова к церковно-имущественному вопросу, автор усматривает причину оскудения церквей в имущественном отношении – в недостатке легальной гарантии для охранения церковной собственности и затем в отсутствии правильного церковно-хозяйственного управления. Теперешнее (т. е. в шестидесятых годах, а, в сущности, и ныне) положение такого управления, по мнению автора, стесняет и охлаждает жертвователей; безопасно пожертвовать, замечает он, только вещь, а не землю или капитал¹⁴⁴. Итак, заключает свои соображения автор, потребность состоит в признании каждого православного прихода самостоятельным юридическим лицом, способным владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью, а также в устройстве правильного церковно-хозяйственного управления чрез посредство лиц, назначенных для сего из среды прихода.

Равным образом, в нашей журналистике разрабатывался вопрос о благотворительной стороне приходской деятельности. К таким статьям, с практическим направлением, надо отнести статью Головина в «Православном Обозрении», в февральской книжке за 1864 год под названием «О мерах к лучшему устройству приходской благотворительности». Почтенный автор, будучи известным деятелем по насаждению благотворительности в одном из приходов г. Москвы, высказывал то верное соображение, что приход есть маленькое общество в государстве, у которого есть общее сборное место – храм. Главнейшая

обязанности такого общества составляют дела благотворительные и просветительные. Будучи сторонником повсеместного устройства благотворительности по приходам, автор высказывает, между прочим, ту здравую мысль, что расход по содержанию благотворительных заведений делает правительственную благотворительность слишком дорого стоящей обществу; что же касается до управляющих этими заведениями, то, по справедливому замечанию автора, лица эти находятся лишь «под отчетностью», а не «под ответственностью», разумея под этим словом, очевидно, нравственную ответственность пред церковной общиной, избирающей для высокого служения в благотворительных и просветительных своих учреждениях таких лиц, которые не могут, в этом служении не по найму, ограничиваться формальным отношением к вверенному им делу. Противопоставляя благотворительность приходскую – личной, автор относительно последней указывает на невольную ее безразборчивость, делающую ее, как бы, слепой, и поэтому она во многих случаях действует вредно, поощряя промышленное нищенство. В связи с этим мнением автор полагает, что прихожане, действуя сообща, должны и могут позаботиться о предупреждении случаев впадения своих ближних в бедность, и такое развитие приходской жизни может наступить тогда, когда вся подобная деятельность равномерно упадет и на церковный совет, и на самих прихожан, призванных в виду общего блага, все до единого, к самостоятельности и взаимной помощи. Кроме учреждения больниц и богоделен, автор ратует и за учреждение по приходам школ и библиотек, причем проектирует устройство в этих библиотеках воскресных чтений для народа¹⁴⁵.

Мысль о «приходском управлении» также весьма сильно привлекала к себе общественное внимание. В этом отношении заслуживает упоминания проект священника Остромысленского, развитый им в статье «О средствах к воспитанию детей духовного и христианского звания», напечатанной в т. I журнала «Странник» за 1864 год. В этом проекте устава церковного управления в §1, говорится: «церковное управление делится на приходское (сельское и городское) и епархиальное»; §2: «в каждой сельской церкви (или приходе) должен быть церковный приходской совет – из одного, или двух священников, из сельского – где есть – помещика, сельского старосты, и по одному с каждой сотни прихожанину (по общему выбору) и из церковного старосты. Кроме того, в каждой деревне, отстоящей от села на трехверстное и большое расстояние, должен быть особый член, или сотрудник совета. В больших приходах, т. е. начиная от 450 – 500 душ, автор проектирует назначение двух

священников (и более) с тем, чтобы один из них брал на себя обучение детей в школе. В §4 значится, что церковный совет заведует и управляет учебными, нравственными и хозяйственными делами сельской церкви. По части учебной совет вводит обязательное обучение в школе; по части хозяйственной совет производит все церковный покупки, постройки и поправки и он же проверяет ежемесячно церковные суммы и ежегодно церковное имущество, и, наконец, устраивает лавки для продажи икон, свечей, книг и проч. В §14 значится, что совет прилагает особое попечение о сиротах, вдовах, больных, увечных, престарелых, как духовного, так и крестьянского звания; при этом автор добавляет, что один из причетников мог бы быть сельским врачом, а одна из прихожанок сельской акушеркой и сестрой милосердия.

Наконец, приведем еще наводящие на размышление «рассуждения» о Страхова, напечатанные в «Нижегородских губернских ведомостях» за 1865 г., № 5. Есть у нас (пишет автор) сословие дворянское, духовное, купеческое, мещанское, крестьянское. Эти сословия для охранения материальных своих интересов составляют из себя отдельные общества, а интересы земства соединяют их и в одно целое. Но общества православного, церковного, священного одной мыслью и желанием послужить нуждам и пользам православной церкви и веры, у нас нет. Для удовлетворения житейским потребностям, для взаимного вспомоществования в промыслах, для объединения в мыслях и интересах не духовных, у нас учреждаются дворянские и коммерческие банки и клубы; но для служения нуждам и пользам церкви и веры, вообще для удовлетворения религиозным потребностям у нас нет никаких социальных учреждений. В отношении к вере и церкви у нас каждый живет особняком, и одному нет никакого дела до другого, как будто благосостояние церкви не полегит общему попечению. Представителями местного православного общества должны бы служить православные приходы; но и приходы наши не имеют характера церковной общины. Еде в хозяйстве храмов есть кое-какое участие прихода, но нужды прихода, вера и нравственность приходских лиц, везде стоят вне всякого общественного надзора и влияния. Большею частью и пастыри церкви замыкаются друг от друга в своих приходах; от этого они становятся нередко во взаимной несогласие, даже противоречие».

В то время, когда в литературе обстоятельно выяснялась потребность в призвании за нашим православным приходом прав юридического лица и выдвигалась задача об упорядочении имущественной стороны в церковно-общественных делах, и когда на отдаленной окраине (в приамурской

области) восстановлена была законом автономия прихода, и к мнению о пользе такой автономии для всей России примкнул Св. Синод в целом своем составе, а также некоторые влиятельные светские сановники, в среде особого присутствия, наперекор сему, изготавлялся закон о приходских попечительствах, в силу которого всякое участие сих попечительств в управлении церковными суммами и имуществом было установлено, даже в смысле контроля за оными, что признавал столь необходимым митрополит Филарет. Но, как было указано выше, некоторые подробности об изготавлении этого закона и о практических его последствиях мы приведем в следующей главе, а теперь обратим внимание на немаловажное событие, обнаружившее всю неприглядность и все несовершенство существовавшей системы управления церковными имуществами и капиталами. Уже в журнале присутствия от 16 марта 1863 г., № 2, как мы видели выше, указано было на формализм, излишнюю опеку со стороны духовного ведомства и на отсутствие гарантии в существующей форме ведения церковного хозяйства, но из вышедшего в 1864 года циркуляра смоленского епископа Антония вся эта неприглядная картина выступила еще рельефнее и заставила многих отзывчивых людей еще внимательнее отнестись к проекту о восстановлении прав прихода и об учреждении приходского управления.

Для выяснения значения упомянутого циркуляра заметим, что, как всем было известно, в большинстве сельских церквей единственный источник церковных доходов составлял свечной сбор, ибо кошелек и другой сбор были слишком ничтожны. Между тем, весь свечной доход (достигавший в 1863 г. по официальным данным суммы 1.040,000 руб.) по требованию высшего начальства следовало отсылать для поддержания духовных училищ, а так как монастыри, точно так же, как и многие богатые соборы и церкви придворного и военного ведомств, не обязаны были представлять в Синод свечных сборов, то эта тяжелая повинность лежала главным образом на бедных приходских церквях. Православное общество, средствами которого единственно и собирались церковные доходы, положительно не знало о количестве этих сумм, которыми владело и распоряжалось духовное ведомство, и вся финансовая сторона общецерковного хозяйства была закрыта непроницаемой тайной, так что в обществе ходили даже слухи, что в Синоде лежат без движения миллионы, и эти слухи происходили от того, что мало кто знал о том, что на собранные деньги от церквей в действительности содержатся духовные учебные заведения. Кроме того, надо иметь в виду и то обстоятельство, что и вся недвижимая собственность церквей, приобретение которой, как

известно, обставлено было особыми затруднениями, находилась по закону (св. зак. т. IX, стр. 323, приложение 7) в прямом заведывании не лиц, пользовавшихся ею, а того же духовного начальства.

Весь этот строй управления и расходования церковно-общественных средств привел к весьма печальному результату. В большинстве приходских церквей притч оных вместе со старостами, принадлежавшими к среднему и даже низшему сословию, считали себя принужденными к «утайке» свечных сумм, чтобы таким способом обеспечить покрытие многочисленных церковных нужд «про черный день». Нет нужды объяснять, что такое сокрытие «незаприходованных» сумм порождало кучу злоупотреблений, от которых не были свободны даже столичные приходские церкви. Эти «утайки» не составляли секрета для общества, но все-таки их не предавали гласности, и прихожане (как напр. в Полтавской епархии в 1864 году), тяготясь этим злом, иногда направляли в Синод прошения о допущении их к постоянному наблюдению и проверке свечной выручки чрез особых выборных лиц. В то время, когда эти законнейшие домогательства прихожан оставались без последствий, раздалось официальное и гласное признание этой «утайки» со стороны смоленского архипастыря¹⁴⁶.

Желая улучшить учебную часть духовных училищ своей епархии, содержавшихся на свечные деньги, смоленский епископ Антоний в январе 1864 года обратился с окружным посланием ко всему духовенству своей епархии с убедительной просьбой: не образовывать негласных, секретных сумм, употреблявшихся без всякого контроля, и не утаивать церковно-свечных доходов, а показывать их правдиво и высылать сполна начальству, которое позаботится на эти средства устроить материальную часть духовно-учебных заведений, обнищавших во всей России¹⁴⁷.

Это официальное оповещение об утайке произвело тягостное впечатление во всем православном обществе и побудило ревнителя русской чести и правды, убежденного сторонника самостоятельности и самодеятельности прихода И. С. Аксакова высказывать горячее желание об избавлении на будущее время церквей от необходимости показывать неправду в отчетах и скрывать самые законные расходы от своего духовного начальства. В своей замечательной передовой статье в «День» (1864 года, № 27) Аксаков совершенно правильно указывал, что церковно-приходские общины в старину были довольно самостоятельны в делах церковно-приходского управления: избирали священников и притч и сами контролировали чрез избранных ими доверенных лиц доходы и расходы приходских церквей, выстроенных и содержимых обыкновенно на

«мирские» средства. По древнему обычаю и по смыслу канонических правил (говорилось в № 28 газеты «День» за тот же 1864 год), под воздействием которых слагался и самый быт новопросвещенного христианской верой русского народа, «приход» имеет не только церковно-административное, но и церковно-общественное, бытовое значение; он не есть только низшая, последняя ступень в общей лестнице иерархического управления, но и первое сосредоточие общества верующих, собравшихся около своего местного алтаря, первое выражение церковно-общественной жизни; он не только церковно-административная единица, но и церковная община – один из тех малых центров, в которых распределилось общество всей церковной области, не утрачивая чрез это нисколько своего единства, – выражением которого служат, или служили прежде, как центральное, высшее иерархическое управление, так и поместные сборы.

Сравнивая этот старинный уклад церковно-приходской жизни с нынешним, автор «Заметки о порядке замещения мест священно-церковнослужителей» (№ 26 газеты «День» за 1864 год) находил, что ныне церкви, вообще говоря, богаты, а благотворительных учреждений и школ при церквях почти и не существует, – содержать духовные училища и семинарии нечем, – в отчетах показывается неправда, водятся секретные суммы и секретные расходы. Учреждение старост не достигает своей цели вследствие бездействия общей приходской жизни, вследствие утраты приходом значения церковно-общественного центра. А между тем еще лет 35 тому назад (т. е. в 1830 году) «заручные» и выборы священнослужителей прихожанами практиковались во многих епархиях. Особенно горячо ратует автор за восстановление права прихода избирать своих священнослужителей; по этому предмету он замечает, что архиерей при оценке представляемых приходами кандидатов мог бы опираться на совет из выборных священников своей епархии. При таком порядке в постановлении священника действительно участвовали бы, согласно законам нашей Церкви, и народ, выбирающий себе пастыря, и клир, выбирающий себе собрата, и архиерей, выбирающий священника во вверенную ему епархию, и тройственное «аксиос» при посвящении стало бы действительно выражать тройственное утверждение – народом, архиереем и клиром¹⁴⁸.

При избрании самими приходами самими своих священников обеспечение их материальными средствами будет естественно лежать на самих приходах. Только вспоможение приходам беднейшим и – главное – обеспечение вдов и сирот духовенства должно составлять обязанность всей русской церкви.

Также о плохом состоянии церковного хозяйства говорил И. С. Аксаков (№ 28 «Дня», 1864 г.). Теперь, замечал он, приходские священники находятся в совершенной зависимости от церковных старост, которым, в ограждение себя от всякого нареkania, они предоставляют полный простор в распоряжении церковными суммами, а старосты, не имея над собой контроля общества и находясь под ведением духовного начальства, не имеющего надлежащих способов к контролю, оперируют церковными суммами, как хотят, и нередко, выдавая эти суммы за свои и приобретая какие-либо предметы для церкви, получают за такие мнимые пожертвования медали и другие награды. Однако, в защиту старост, Аксаков приводит тот факт, что при существующей системе управления церковным хозяйством без секретной суммы приходской церкви нельзя и существовать. Обдумывая способы оживления церковной жизни, Аксаков указывает, что контроль над церковными суммами безусловно должен быть отдан прихожанам, на общем приходском собрании. Всякое жертвование дает жертвователю право интересоваться употреблением жертвуемого; всякое нарушение этого интереса делает людей равнодушными к повторению жертвования.

В заключение Аксаков проектирует: 1) восстановление значения приходских общин, в смысле хозяйства и контроля церковных сумм и с упразднением того порядка содержания семинарий, который дал повод к циркуляру епископа Антония; 2) допущение епархиальной автономии в делах духовно-учебного управления, т. е. представление каждой епархии ведать, содержать и совершенствовать свои училища, семинарии и проч. с участием мирян и епархиального духовенства и 3) установление приходских собраний и общих собраний мирян и духовенства всей епархии – в лице избранных от приходских общин.

Рассуждения Аксакова о восстановлении значения приходских общин не остались одинокими. Совершенно одинаково высказался один из церковных старост («День» 1864 г., № 37). Журнал «Дух Христианина» признал, что мысли Аксакова имеют довольно твердую почву, и, наконец, само правительство (т. е. комитет о преобразовании духовных училищ), как известно, высказалось за епархиальную автономию в деле постановки духовно-учебных заведений¹⁴⁹. Кроме того, отметим статью «о постепенном ухудшении быта православного духовенства» свящ. Баратынского, напечатанную в «Духовном Вестнике» за 1865 год, апрель. Автор горячо стоит за восстановление и поднятие внутренней жизни приходов, но при этом указывает, что такое возрождение немислимо без того, чтобы прежде не подняли жизни приходского пастыря. В том же

журнале, за тот же год (т. XII), в статье: «современное положение вопроса об улучшении материального быта православного духовенства» указывалось на необходимость дать нашему духовенству и церковным старостам более самостоятельности в их действиях, освободив их от тех ни к чему, кроме стеснений, не ведущих формальностей, от того отжившего уже свой век и потерявшего свое значение благочиннического и консисторского контроля, который существует ныне и совершенно стесняет деятельность духовенства и старост; автор статьи именно понимает: представление приходо-расходных церковных книг, а также годовых ведомостей о приходе и расходе церковных сумм и о свечном доходе и отчетов – благочинным, духовным правлениям и консисториям для ревизии. Мера эта, замечает при этом автор, в свое время была совершенно необходима, как и опека над малолетними. Каждая приходская церковь, по убеждению автора, принадлежит приходской общине, которая ее строила, поддерживала, украшала, а потому эта церковь в своих доходах не должна давать никому отчета, кроме прихожан; действия же благочинных должны состоять из высшего надзора за проверкой прихожанами этих доходов. Такой порядок вполне будет сообразован с духом Евангелия и весьма будет благоприятствовать интересам церкви, так как участие народа в делах церкви возбудит личную деятельность каждого мирянина.

IX. Учреждение братств и приходских попечительств. – Несовершенство закона о приходских попечительствах. – Приглашение И. С. Аксакова, обращенное ко всему православному обществу. – Две выдающихся статьи о приходских попечительствах

Никогда еще в России не высказывалось образованным обществом такого напряженного желания подвергнуть коренному преобразованию всю сферу церковно-общественных дел, как это обнаружилось в шестидесятых годах. Подобные стремления к улучшению общественного быта готовятся веками, и все, жаждущие такого улучшения, понимали важность наступившего момента или высказать свои посильные соображения о направлении предстоящей реформы, ее принципах и объеме, причем у многих авторов проглядывала одна общая и плодотворная мысль, что созидание «церкви» совершается целой «церковью», и что на это великое дело призваны все – и духовные, и миряне, богатые и бедные, знатные и простые. На эти горячие запросы правительство ответило, как известно, изданием в 1864 году двух законов о братствах и приходских попечительствах. В статье «Начало возрождения церковно-приходской жизни в России» (напечатанной в журнале «Русский Вестник», февраль и март 1900 года), мы изложили ход этого дела в законодательных сферах и представили посильную критику этих двух законов¹⁵⁰.

Не задаваясь целью подробного изложения того, как и где учреждались братства и приходские попечительства в России, после издания о них закона 1864 года, мы по отношению братств заметим, что распространение их, облек чаемое древней известностью этих учреждений, шло довольно успешно на первых порах, особенно в юго-западном крае¹⁵¹. Восстановились братства и в древних центрах своего зарождения, именно в Киеве и Вильне. Весьма торжественно открыты были: 15 июля 1864 года в Киеве – Свято-Владимирское братство и 6 августа 1865 года в Вильне – Свято-Духовное братство, причем последнее, заменившее собой проектированное «западно-русское братство»,

получило и все денежные суммы, собранные чрез редакцию газеты «День»¹⁵². На первых порах своей деятельности Киевское братство проявило свою жизнеспособность и понимание всей целесообразности защиты общественного блага путем дружного содействия. Совет этого братства, видя, с одной стороны, крайне стесненное материальное положение наставников духовно-учебных заведений 10 августа 1865 года решил обратиться на это внимание начальника юго-западных губерний и просит его ходатайства пред Государем Императором о возможном улучшении стесненного быта полезных деятелей в видах возвышения русского дела в крае. Члены духовно-учебной корпорации с радостью приветствовали это внимание к их делу представителей братств, имевшего в своем составе многих уважаемых и почтенных членов русской администрации. В первый раз труженики духовной науки встретили поддержку среди такого учреждения, которое не имело сословного характера, и утешались тем, что за них поднимается голос общества¹⁵³.

Появление законов о братствах и попечительствах было встречено в нашей журналистике сдержанно. «Приходские попечительства открыть не трудно, – писал свящ. Баратынский в 1865 году («Духов. Вест.», апрель, «О постепенном ухудшении быта православного духовенства»), – но трудно вдохнуть в них жизнь при том преобладании государственного начала, какое внесено в современную русскую действительность русской историей. Там, где инициатива принадлежит во всем внешней власти, а самая жизнь скудна органическим творчеством, там задача учреждений, подобных приходским попечительствам, становится вдове труднее, чем в странах, где общественная жизнь более или менее самостоятельна, как на западе. Учреждение приходских попечительств (замечает далее названный автор) может развить чувство усердия в прихожанах только тогда, когда им будет предоставлено право иметь голос во всех делах приходского храма». В журнале «Дух Христианина» указывалось, что главной причиной несостоятельности приходских попечительств в настоящее время является обособленность духовенства от прочих сословий, которые вряд ли поспешат своим содействием к улучшению материального положения духовенства¹⁵⁴.

Обозревая ход учреждения приходских попечительств в России, мы заметим, что распоряжения епархиальных начальств по приведению в исполнение «Положения о приходских попечительствах» были неодинаковы, и эта разность обуславливалась тем, что попечительства предположено было открывать постепенно, по мере удобств и возможности. Одни епархиальные начальства, объявивши это положение,

предоставили дело самому духовенству (как, напр., в Вологодской епархии); другие ограничились на первый раз требованием от духовенства соображений касательно удобства и возможности открытия попечительств (как, например, во Владимирской епархии). Иные епархиальные начальства поняли учреждения приходских попечительств, как дело обязательное и требующее повсеместного исполнения, как, например, в Каменец-Подольской и Иркутской епархии объясняется тем, что открытие там попечительств весьма облегчалось сохранением следов древних братств почти при каждой церкви, городской или сельской. В Харьковской епархии предписано было в приходах, где не было надежды на удовлетворительный исход сего дела, воздержаться открытием приходских попечительств до более благоприятных обстоятельств. Конечно, были и такие начальства. Которые не ограничивались общими и формальными предписаниями и приглашали причты и прихожан к немедленному открытию попечительств (как, например, в Полтавской, Смоленской и в особенности в Орловской епархиях)¹⁵⁵.

В «Современном обозрении» журнала «Православное Обозрение» за апрель 1867 года, хотя и указывалось, что к этому времени приходские попечительства открыты уже в очень многих епархиях, но вместе с тем добавлялось, что на первых порах эти новые учреждения во многих местах вызвали разные недоразумения и даже столкновения, неблагоприятные успеху дела¹⁵⁶. К числу таких недоразумений автором этой статьи отнесены притязания причтов ставить на первом плане вопрос о материальном улучшении своего быта и тем возбуждать в прихожанах подозрение в излишнем попечении о своих собственных интересах. Опуская мелочные столкновения, возникшие в некоторых местах при выборах, мы отметим два характерных явления, а именно: стремление многих попечительств, и притом в разных епархиях, к расширению своих прав по отношению к церковно-приходскому имуществу и к выяснению юридического своего положения по отношению к правительству и духовному начальству, и выражение некоторыми попечительствами потребности, присущей исстари русским людям, в учреждении братского суда (вспомним древнюю юридическую норму «братчина судит, как судьи»). В этом последнем отношении мы в виде примера приведем следующий случай: в Смоленской губернии, Духовщинского уезда, приходское попечительство села Радьнь, по общему согласию прихожан, решилось взыскивать денежные штрафы, от 5 коп. до 1 рубля и более, смотря по обстоятельствам, за пороки, не преследуемые гражданским начальством, но бесчестящие христианина, именно: за нехождение в храм

Божий без уважительных причин, за пьянство, сквернословие, за ссоры и драки, особенно мужей с женами, за безнравственные игры и за жестокое обращение с домашними животными¹⁵⁷. Но, конечно, гораздо важнее обратить внимание на первое из указанных выше явлений.

Контроль над общественными доходами и имуществами, каковыми по преимуществу являются церковные доходы и имущества, представлялся церковным общинам, возродившимся в форме попечительств, настолько естественным, что иные попечительства, как только устроились, так тотчас же и приступили к проверке церковной отчетности и к контролю над церковным имуществом и доходами. Так, например, одно попечительство Полтавской епархии внесло в программу своей деятельности, между прочим, следующий пункт: «поверить приходо-расходные церковные книги и наличную, как кошелековую, так и свечную сумму, осмотреть церковную утварь и прочее церковное имущество, и если представится необходимость в исправлении недостатков, или приобретении чего-либо вновь, то удовлетворить эти потребности неотложно из капитала попечительства»¹⁵⁸. Но все такие естественные и для дела полезные стремления попечительств к контролю и к свободному распоряжению церковно-приходским имуществом были останавливаемы неизменными резолюциями епархиальных начальств такого рода: «церковный доход, как и все существующее при церкви имущество, должны быть неприкосновенными (как будто установление правильного и хорошего контроля, в котором так настоятельно нуждались наши церкви, могло в чем-либо нарушить эту неприкосновенность; напротив того, с учреждением только такого контроля могла бы исчезнуть позорная «утайка»), и состоя под непосредственным наблюдением местного причта и церковного старосты (какое наблюдение самим высшим правительством было признано негодным) и на их ответственности (являющейся пустым звуком в действительности, особенно по сравнению с ответственностью целого общества), распоряжению попечительства не подлежат и могут быть употребляемы на существенные нужды церкви не иначе, как по особому разрешению на то епархиального начальства (как будто при существовании общественного контроля такое разрешение устранялось).

Насколько такая настоятельная потребность в проверке церковного имущества и доходов ощущалась почти повсеместно, можно усмотреть также из того официально заявленного факта, что с самого начала введения в действие положения о приходских попечительствах не переставали поступать в Св. Синод и к обер-прокурору Св. Синода

прошения и ходатайства многих попечительств и некоторых губернских земских собраний о разрешении в положительном смысле возникавших на практике недоумений относительно прав попечительств по контролю церковных капиталов, по заведыванию церковными имуществами и по другим предметам церковно-приходского ведения, причем, например, Пензенское губернское земское собрание ходатайствовало о предоставлении всех церковных сумм в распоряжение попечительств¹⁵⁹. Но все эти прошения и ходатайства были оставляемы без последствий, и, к сожалению, приходится отметить, что жизненная сила приходских попечительств была этими распоряжениями в корне подорвана, и они обречены на бесцветное существование. Именно, обер-прокурор Св. Синода во всеподданнейшем своем отчете за 1868 год, касаясь деятельности приходских попечительств, докладывал, что для некоторых из этих учреждений потребовалось разъяснение одной неправильности в их действовании, обнаружившейся в стремлении, вопреки положения 1864 года, распоряжаться церковными доходами и даже контролировать их употребление. Для устранения этого незаконного вмешательства Св. Синод поручил епархиальным преосвященным объявить по епархиях, что попечительства, на точном основании закона 1864 года, имеют право распоряжаться только теми суммами, которые собраны чрез их посредство, и что всякое их вмешательство в распоряжение церковными имуществами противно церковным канонам¹⁶⁰. Насколько, однако, все эти желания православных мирян относительно заведывания и контроля церковными имуществами и доходами мало противоречили церковным канонам и в глазах Св. Синода, видно из того факта, что с ведения Св. Синода и особого при нем присутствия, а также с одобрения литовского митрополита, были введены утвержденные генералом от инфантерии М. Н. Муравьевым 12 июля 1864 года правила для церковных советов всего северо-западного края (шесть губерний), по каковым правилам все таковые желания были безусловно удовлетворены¹⁶¹. Именно, совет являлся в этом крае коллективным представителем прихода, и ему предоставлялись все права по заведыванию и распоряжению церковным имуществом, принадлежавшие прежде причтам и церковным старостам. В виду такого полномочия советы тотчас по их откровении должны были поверить и принять все суммы и все церковное имущество, переходящее в их заведывание, и даже свечные суммы не были изъяты от такой общественной проверки¹⁶².

Еще непонятнее кажется это настойчивое недопущение приходских попечительств до проверки церковного имущества и доходов, когда в

принципе и по закону контроль над ними церковной общины не только не отрицается, но даже требуется и вменяется в обязанность, причем самим же присутствием существующая форма этого контроля (через церковного старосту) признана была негодной, так как приводила к грустному для всего православного общества последствию, а именно, к «утайке» церковно-общественного достояния по соглашению причта со старостой.

Несомненное признание со стороны закона необходимости такого контроля церковной общины давало полное право И. С. Аксакову обратиться с нижеследующим приглашением к православному обществу, которое не лишено возможности и теперь выполнить это приглашение. Выставив все невыгодные стороны существующей системы управления церковными имуществами и доходами, Аксаков в своей статье (см. «День» за 1864 г., № 27 и 28) говорит: «в заключение позволим себе предложить тем читателям, которые согласны с этой нашей статьей, попытаться привести немедленно в исполнение 9 и 10 §§ инструкции церковным старостам. Не найдутся ли они удобным теперь же, в урочные дни, назначенные этими параграфами, предложить священно и церковнослужителям и церковным старостам своих приходских церквей, произвести освидетельствование сумм, поверку книг, статей прихода и расхода в своем присутствии, и затем не потрудятся ли они сообщить сведения о результатах этой их первой попытки – к нам в редакцию для напечатания в нашей газете». На основании §§ 41, 42, 43, 44, 45 и 46 новой инструкции церковным старостам, утвержденной 12 июня 1890 года, такую проверку церковного имущества и доходов, на которую приглашал Аксаков, еще легче произвести нынешним представителям от прихода, а потому в настоящее время устранение приходских попечительств, состоящих из тех же представителей-прихожан от проверки и распоряжения этим имуществом и доходами потеряло уже всякий смысл, а равно потеряла цену и совершенно излишняя и подчас вредящая интересам прихода опека над административно-хозяйственными делами церковью со стороны консисторий, принимающих чисто формальное представительство пред властями и на суде по этим делам. Наконец, укажем, что в отдельных случаях сами преосвященные уважали ходатайства попечительств об обращении части из церковной суммы на такие потребности прихода (например, устройство домов для причта, на школу), которые не могли быть удовлетворены средствами попечительств. Были случаи, что попечительствам поручалось проверять церковные суммы. Так, преосвященный камчатский поручал такую проверку попечительствам в приморской области по затруднительности в той

области проезда для благочинных, производящих проверку в других епархиях¹⁶³.

Очевидно, что слабость развития приходских попечительств зависит от недозволения закона 1864 года этим попечительствам принимать ближайшее участие в заведовании и распоряжении церковно-общественными имуществами и доходами. Призвание же за ними этого права неминуемо повлечет к восстановлению «прихода», как юридического лица, и только это восстановление поставить на твердую почву церковно-общественную деятельность в России¹⁶⁴.

Ограничив объем своей статьи пятнадцатилетним периодом (1855 – 1870 г.), мы не ставим себе задачей выяснить все причины малопродуктивности и бессилия приходско-попечительской деятельности, осуществляющейся в течение последних 35 лет и требующей общего обзора за весь этот последний период времени на основании верных статистических данных для того, чтобы выводы о ней были основательны и убедительны. В заключение же нашего обзора об учреждении этих попечительств мы приведем два мнения лиц, близко ознакомившихся с характером и деятельностью их, а именно, мнение профессора киевской духовной академии Мальшевского, смотрящего несколько оптимистически, как на самое положение о приходских попечительствах, так и на деятельность их в промежуток времени с 1864 по 1878 годы, и мнение автора статьи «Вопрос о церковно-приходских попечительствах» (напечатана в журнале «Беседа» за 1872 г., т. XII), находящего коренные недостатки, как в законе о попечительствах, так и в деятельности их.

Профессор Мальшевский в своей статье «О церковно-приходских попечительствах» (Киев, 1878 г.) приведя любопытную справку о положении «прихода» в древне-христианской церкви, утвержденном каноническими правилами, и о широком участии мирян в делах церковных не только на востоке, но и у нас в древней России, указывал, что «развитие религиозной самодеятельности» в целом круге религиозно-общественных или церковных интересов и дел может с гораздо большим удобством и плодотворностью совершаться в готовых, повсюду существующих кругах церковной союзности, называемых церковными приходскими и имеющих органы для такой деятельности в церковно-приходских советах и попечительствах». По мнению проф. Малашевского, состав приходского общества, в положении о попечительствах 1864 года, определяется в точном древне-церковном смысле «парикии», т. е. общества христиан всякого звания и состояния, живущих по близости, в пределах прихода, ходящих в одну и ту же церковь, имеющих одного и

того же духовного пастыря. Участие в молитвенных собраниях одной и той же церкви есть единственная основа, как принадлежности их к церковно-приходскому обществу, так и права на участие в общих церковно-попечительских собраниях. В связи с кругом дел попечительства стоит также характерное определение личного состава попечительства. Как представительства приходского общества, как органа его религиозно-общественной самодеятельности, а потому и председатель попечительства избирается прихожанами из среды их, так что им может быть (также по избиранию) и приходской священник, который во всяком случае есть неперемный член попечительства. Не высказывая своего взгляда о наиболее осязательной стороне канонических отношений нового учреждения к церкви, а именно, со стороны отношений его к существующему церковному имуществу, проф. Мальшевский относится сочувственно к поставлению попечительств в ближайшее ведение епархиального начальства. Он полагает, что вопросы, явления, интересы, связанные с новым учреждением, могут давать поводы к пастырско-учительским воззваниям или посланиям, обычным в древней церкви, могут давать поводы архипастырям обращаться к приходским обществам, в лице их представителей, по вызову от них самих, с словом ободрения и наставления, не только касательно внешнего благоустройства их, но и нравственной дисциплины, вообще христианско-общественной их жизни.

Представив краткие сведения об открытии попечительств и сделав небольшой обзор их деятельности приблизительно за десять лет, профессор Мальшевский заметя, что по обеспечению духовенства попечительства сделали немного и что пожертвования наиболее поступают в те попечительства, где председателями являются не священники, высказывает надежду, что попечительства выработают в будущем начала сердечной и разумной христиански-общественной благотворительности, и добавляет, что взгляд на ответственность целого общества за нищету, живущую в среде его, как за зло общественное, и на обязанность общества не допускать у себя этого зла – лежит в первобытных религиозно-общественных воззрениях русского народа. Делами благотворительности (говорить далее автор), по мысли «положения», завершается круг дел, лежащих на попечительствах. Но движимые самобытными, издавна идущими внушениями религиозно-общественного сознания, органом которого они служат, попечительства с первой же поры своего возникновения открыли себе еще одну область деятельности – это область общественного, религиозно-нравственного самовоспитания в духе христианства, и в связи с тем, религиозно-

общественной дисциплины, столь сильной некогда в древних христианских обществах, знакомой и нашим древним общинам и братствам (автор понимает: нравственный надзор за сочленами, нравственный суд и добровольное самообложение). В конце профессор Мальшевский говорит, что он, по обозрению деятельности попечительств, далек от скептицизма, с каким нередко отзывались и отзываются у нас об этих учреждениях, и полагает, что успех дела во многом будет зависеть от того, насколько образованные классы проникнутся духом учреждения и примкнуть чрез него к народу, насколько поднимается нравственное, руководительное влияние в нем духовных пастырей.

В статье «Вопрос о церковно-приходских попечительствах» («Беседа», 1872 г., т. XII) автор, прежде чем приступить к изложению своих взглядов на положение церковно-приходских попечительств, делает такое верное замечание: «нужно мало-мальски только знать историю своего народа, чтобы признать несомненным фактом, что вера и церковь были самым могущественным мотивом в жизни народной, что во имя религии совершались не только дела благотворительности, но даже великие подвиги гражданские и политические; во имя веры народ не раз отстаивал свое отечество от внешних врагов; в своей вере русский народ не раз находил утешение и энергию в самые трудные минуты своей политической жизни... И после этого еще поворачивается язык говорить, что от того плохо идут попечительства, что русское общество не желает в своей благотворительной деятельности становиться под сень своей церкви!.. Итак (спрашивает автор), отчего же плохо идут наши церковные попечительства?»

Устройство приходских попечительств положение предоставляет епархиальному архиерею при ближайшем содействии местного духовенства; высший надзор, контроль над попечительствами и разрешение всякого рода недоумений предоставлены также епархиальной власти; словом, попечительства вполне подчинены этой власти. Вот здесь то (по мнению автора) и обнаруживается как нельзя более неправильная и недостаточно широкая постановка вопроса о попечительствах. Ни для кого не тайна, что наше епархиальное управление, – и даже, пожалуй, более, чем всякое другое – имеет характер канцелярский, бюрократический, который без сомнения весьма невыгодно отзывается на церковной и вообще религиозной жизни нашего отечества, сковывая в мертвую, приказную форму живое, внутреннее, и, по преимуществу, свободное служение Богу.

Но помимо этого существенного недостатка надо заметить (говорит

автор), что и само духовенство отнеслось на первых порах небрежно и поверхностно к учреждению попечительств. Оно было им невыгодно. Попечительство, давая возможность мирянам-прихожанам принимать ближайшее участие в делах церковных, могло до некоторой степени контролировать и деятельность самого духовенства, его отношения к прихожанам, исполнительность к службе, взимание платы за требы, которое иногда очень походит на вымогательство и т. д.

Но самым сильным ударом для попечительств, который должен окончательно уничтожить их, – это (по мнению автора) распоряжение духовного начальства, изданное в 1869 году. Это распоряжение разъясняло, что в ведение попечительств должны поступать только средства и суммы, пожертвованные прихожанами особо и специально в попечительство; все же остальные церковные суммы по-прежнему остаются в полном распоряжении местного духовенства; до них попечительству нет никакого дела. Находя, что между этим распоряжением и учреждением попечительства есть внутреннее противоречие, автор замечает, что источник, как для церковных доходов, так и для попечительств – один; это пожертвования прихожан, а потому нет в сущности никакого резона одним и тем же лицам и для одних и тех же целей заводить две кассы – и из них главную, более верную и богатую, отдавать в чужое заведывание и распоряжение. Если прихожане все свои пожертвования в пользу храма и прихода направлять в попечительскую кассу, то доходы собственно церковные должны упасть до крайнего *minimum*'а. В обратном случае – попечительства будут излишними.

Сделав верное замечание, что во всяком общественном деле важна не столько внешняя его сторона, внешняя его организация, сколько внутренние его мотивы, так сказать, живая его душа, автор находил церковно-приходские попечительства, в настоящем их виде и при нынешних условиях – явлением довольно странным. Цель их – благоустройство храма и причта и благотворительность. Но ведь (говорит автор) об этом же самом должен заботиться, и действительно заботится, и теперешний приход: он поддерживает и украшает свой храм, содержит духовенство и благотворит по возможности, – к чему же особое попечительство?

Все эти соображения привели автора к такому заключению, что для привлечения общественного сочувствия к делу благотворительности, на пользу и во имя церкви, нет надобности придумывать и создавать новые учреждения и комбинации, нет надобности заводить разнокалиберные *status in statu*; у нас есть (по указанию автора) для этого уже готовая,

давнишня, вековая, можно сказать, и самая простая организация, приход, или церковная община, группирующаяся около известной церкви. «Как не хитрите, – говорит автор, – что ни толкуйте, но эта община – единственный источник и фонд церковных доходов. Если же сочувствие и помощь этой общины на пользу церкви и духовенства и на предметы общественной благотворительности не достаточны, то ясно, что это зависит от неправильной организации, от неправильных отношений прихода к своей церкви и духовенству. Значит, чтобы помочь делу, надобно дать этой общине надлежащую организацию, а не довольствоваться полумерами – в роде настоящих церковно-приходских попечительств».

В этом месте своего исследования автор вдается в критику нынешнего положения прихода и замечает, что приход наш в настоящем своем виде не составляет одного целого. Активная роль в управлении и распоряжении делами церковными, не исключая даже и чисто хозяйственных, принадлежит духовенству; от прихода же принимают только «пожертвования», которые и расходуются духовенством по своему усмотрению. Такие бюрократические и чисто чиновничьи отношения духовенства к приходу и к церковному имуществу в частности, само собой разумеется, не могут возбуждать прихожан к широкой благотворительности на предметы, входящие в программу деятельности попечительства. У кого же, в самом деле (спрашивает автор), будет охота отдавать свои деньги в руки другого, когда сам жертвователю не только не распоряжается ими, но даже не знает хорошенько, куда они деваются?

Само положение духовенства в приходе совершенно ненормально – по мнению автора. Приходский священник ныне едва ли больше, как только чиновник, присланный начальством для отправления известной службы, с той только разницей от других чиновников, что круг его обязанностей шире их и не так точно определен, и ему не положено за это никакого определенного содержания, как другим, а он должен сам выпрашивать его у тех, кому служит. Кастичность духовенства совершенно отделила его от остального общества, отняла у него и возможность и охоту заниматься общими интересами, лишила его в свою очередь общественной симпатии, внесла неподвижность, застой, мертвенность и схоластику в жизнь самого духовенства, в проповедь и духовную науку. Если ли нашему народу, привыкшему к бедности и нужде и редко видящему вокруг себя довольно выше того, каким пользуется духовенство, повод заботиться о возвышении его материального довольства.

Подводя итог своим соображениям о современном положении православного прихода, автор находит в нем раздробленность и разрозненность элементов его составляющих, и эти элементы мало того, что разрознены, они даже враждебны между собой. Одна часть прихода – прихожане – должны играть чисто пассивную роль: давать, жертвовать и не принимать никакого активного участия в делах церковно-приходских; а другая часть – духовенство, пастырство – собирать, принимать и заправлять всеми церковно-приходскими делами, не только без контроля, но и без ведома прихода. Очевидно, что части эти не органически соединены между собой, а сшиты насильственно и, как говорится, на живую нитку. Отсюда происходит между ними разделение – и внешнее и внутреннее, разделение и слабость средств и сил материальных, а также духовных и полная деморализация, как и всегда бывает в подобных случаях; отсюда происходит умаление всякого движения и развития нашей религиозно-церковной жизни, формализм, бессодержательная обрядность, косность и неподвижность вполне естественные и необходимые последствия такого порядка дел.

Для того, чтобы внести в эту темную и мертвую среду свет и жизнь, очевидно, необходимо соединить разрозненные и механически составленные части такого трупца, что зовется приходом, в один живой и стройный организм, т. е. образовать из него свободную, самостоятельную церковную общину в полном смысле этого слова, в которой всякий, принадлежащий к ней, был бы активным и самостоятельным членом и мог бы принимать личное и живое участие в религиозно-церковной жизни прихода, во всей совокупности, не исключая, не только содержания и контроля над духовенством, но и самого даже назначения его на места.

В своей последней части исследования, и самой важной, автор высказывает свои соображения о преобразовании теперешнего прихода и находит, что оно в настоящее время не представляет особенных затруднений. В наше время особенно богато мотивами, побуждающими развивать общинную жизнь, – говорит автор. Прежде всего данная народу воля, восстановление и устройство крестьянской общины, давшей народу возможность самостоятельно управляться в своих мирских делах, представляет уже готовую форму и готовый материал для новой организации прихода. Даже для большего удобства можно бы сделать так, чтобы приходская община по возможности совпадала с сельской. Наконец, образование церковно-приходской общины представляет еще то удобство, что это единственное общество людей без различия состояний и сословий; в ней только могут быть устранены те рознь и разделение, внесенные в

нашу жизнь историей, которые так много теперь мешают свободному развитию общественной жизни.

Идея прихода, как совершенно свободной, самостоятельной церковной общины, совершенно согласна с духом православной церкви, и организация такой общины будет восстановлением вполне законным и желательным того порядка, который существовал в древней церкви. По идеалу, очень ясно начертанному в священных книга новозаветных, церковь должна составлять один живой и деятельный организм, в жизни которого не должно быть мертвых и безжизненных членов, а все должны быть живы и действовать на пользу церкви (1Кор. 12:25–27). Дальнейшая истории церкви также представляет неоспоримые свидетельства и ясные факты самого близкого нравственного единства между духовенством и обществом, между иерархией церковной и мирянами, и самого живого и деятельного участия мирян в делах церковных. В подкрепление своего положения о таких нравственных отношениях между духовенством и обществом автор между прочим ссылается на прекрасную характеристику этих отношений, сделанную одним из отцов церкви (Исидором Пелусиотом). «Епископы и пресвитеры первенствующей церкви (говорит он в письме 306; Твор. св. от., рус. пер., 1860, кн. 2, стр. 248) более сохраняли, нежели попирали общее равенство всех христиан, признавая, что их служение подлежит ответственности, а не власть не судимая, отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконие – домостроительная распорядительность, а не безотчетное властвование».

Далее, автор указывает, что преобразование прихода в свободную и самоуправляющуюся общину сопровождалось бы неисчислимыми благими последствиями для всех – и прежде всего в материальном отношении. Усердие, искренняя забота наших прихожан о благоустройстве храмов Божиих увеличилось бы гораздо больше, если бы заведывание и распоряжение приходскими суммами предоставлено было самой приходской общине. Но приходская благотворительность при таком положении дела, конечно, не ограничивалась бы только благоустройством одного храма: она, без сомнения, щедро распространилась бы тогда и на общественные собственно нужды приходской общины – на школы, богадельни и т. п. Хотя об устройстве подобных заведений заботятся теперь и земство, и правительство, но имеем все основания думать (прибавляет автор), что общество с большей охотой сюда бы именно направило свою благотворительную деятельность и всем другим органам в этом случае предпочло бы церковную общину, ибо все жертвы и приношения, идущие в распоряжение приходской общины, будут

находиться в исключительном и совершенно самостоятельном ее заведывании, будут составлять полную ее собственность и потому пойдут прямо на ее нужды и потребности. Церковно-приходская община представляет наиболее нейтральную почву, где менее всего могут сталкиваться сословные интересы – что, как известно, составляет весьма серьезное препятствие для правильного развития земского дела.

При такой реформе прихода и улучшении быта духовенства и даже его материальное обеспечение было бы поставлено на твердых и прочных основаниях. Нужно главное всего, чтобы должности священно-служительские замещались с большей серьезностью и внимательностью, чем оно делается теперь – и непременно при участии прихожан. Нужно чтобы переводы и перемещения священника из одного прихода в другой были как можно реже и только по особенно уважительным причинам, ибо нельзя упускать из вида, что и бедному приходу, точно также, как и богатому, нужен достойный и добрый пастырь. При таких условиях между клиром и приходом установилась бы тесная и живая связь; пастырь стоял бы тогда на соответствующей его служению высоте и был бы великой и благотворной силой, живым агентом в духовной жизни своего прихода. Тогда священник не был бы для прихожан тяжестью, и содержание его не было бы для них бременем и вынужденным побором. Что для человека дорого, что ему нужно, на то он не бывает скуп.

Но значение и польза преобразования настоящего прихода в свободную общину далеко не исчерпываются только материальной стороной, да это еще и не самое главное дело. Свободная и самостоятельная приходская община лучше всего содействовала бы оживлению и развитию религиозных интересов и вообще религиозной жизни в обществе, чего теперь, к сожалению, нет. Только идеал жизни, выставленный христианством, может призвать человека к постоянной и упорной работе – и прежде всего над самим собой; только он может оживлять и направлять все силы человеческого духа и возбуждать их к высоким нравственным подвигам. Очевидно отсюда, как важно и благотворно для общества, чтоб этот идеал был ясен сознанию каждого, чтоб он постоянно оживлялся и был присущ жизни и деятельности каждого. А между тем общество наше религиозную область всю без остатка отдает на долю духовенства, считая ее специальным его делом, а само ограничивается в этом случае только исполнением внешних обрядов религии, имеющих отношение к его гражданской жизни и издавна освященных обычаем, как будто религия есть нечто постороннее для него и не касающееся его.

Для правильного хода религиозной жизни и нормального положения церкви (по мнению автора) необходимо, чтобы верующие, кроме личного духовного подвига, кроме личного удовлетворения своих религиозных потребностей при посредстве церкви, принимали живое и деятельное общественное участие в интересах и делах своей церкви. А это возможно только при единственном условии преобразования нашего теперешнего, разношерстного прихода, составленного из различных элементов, в свободную общину на началах самоуправления. При этом автор спешит оговориться, что он вовсе не смотрит на церковную общину как на какую-то панацею – всеисцеляющую нас от всевозможных зол и недостатков в нашей церковной жизни. Он смотрит на нее только как на начало и первое необходимое условие правильного развития и течения этой жизни. Чем больше всего поддерживается (продолжает автор) наш раскол, особенно поповщинская его половина? Автору думается, что сила раскола – в общинной организации его последователей, в том, что в нем само общество имеет прямое и непосредственное участие и влияние на все дела церковные, не исключая и назначение пастырей, – что в расколе, следовательно, предоставлена большая свобода для выражения религиозного чувства. Поэтому и в отношении к расколу общинное устройство прихода было бы, с одной стороны, лучшим противодействием раскольничьей пропаганде в среде народа, а с другой – могущественным средством для привлечения раскольников к православию. Настоящее положение нашей церкви отрицает, впрочем, не одних только раскольников, но и горячо ищущих с нами церковного единения – старокатоликов.

Опираясь на великий исторический пример наших западно-русских братств, в основе которых лежала идея живого, свободного и деятельного участия всякого верующего в делах своей веры и церкви, и припоминая великие реформы царствования императора Александра II, автор в заключение говорит, что преобразование прихода всем строем и развитием нашей теперешней общественной жизни.

Ужели же (воскликает он) среди всех этих реформ только церковной жизни, жизни по самому существу своему наиболее свободной, не коснется этот дух времени, оживляющий сухие и мертвые кости, дух жизни свободной и самостоятельной, – ужели с нее только не будут сняты те бюрократические оковы, которые исторические обстоятельства наложили на нее, вместе с другими сторонами и областями русской жизни?

«По нашему мнению, – так заключает свое исследование автор, –

лучшим средством для возбуждения истинной религиозности и лучшим противодействием всем нареканиям на веру и церковь была бы церковная реформа в смысле допущения более близкого участия в делах церкви всех членов ее, не исключая и мирян. И настает крайняя надобность в этой реформе, потому что при быстром развитии самоуправления и общественной жизни вообще теперешние порядки церковные, как не соответствующие этому обычному характеру жизни, будут казаться все более и более нормальными, все менее и менее симпатичными – недоверие к церковному управлению, а отсюда и к самой церкви будет естественно все более и более усиливаться, церковь же станет особняком и вне движения общественной жизни. А легко потерять общественное доверие и симпатию, но трудно бывает их восстановить. Для последнего нужны особенно благоприятные обстоятельства. И те люди, которые всему в религии, даже чисто внешним и чисто временным историческим обрядам и учреждениям церковным, хотят придать характер догматической неизменности и упорно противятся всяким, даже самым незначительным реформам церковным, оказывают дурную услугу своей церкви: они губят самый живой родник религиозной жизни, уничтожают и извращают самый могущественный и возвышенный мотив человеческой жизни».

Суждения, высказанные обоими приведенными выше авторами относительно положения приходских попечительств в России, основываются не на одних теоретических только началах, а на многолетнем опыте, так как со времени написания первой статьи прошло уже около 14 лет с момента введения положения об этих попечительствах в действие, а ко времени написания второй статьи – около 8 лет. При этом надлежит заметить, что суждения автора второй статьи о малополезности приходских попечительств для церковной жизни все более упрочиваются в нашей литературе, так как подкрепляются фактами, удостоверяющими из года в год о бесцветной деятельности этих попечительств, не удовлетворивших ни духовенство, ни мирян.

Х. Статья Д. Ф. Самарина «Приход». – Сокращение приходов. – Ходатайство Московского губернского земского собрания в 1880 году о признании за приходами прав юридического лица. – Ответ св. Синода. – Синодальный циркуляр 20 апреля 1900 года. – Неудавшаяся попытка к укреплению за православными церквами права на свободное приобретение недвижимой собственности. – Заключение

В заключение нашего краткого обзора литературы шестидесятых годов по церковно-общественным вопросам укажем на выдающиеся статьи Д. Ф. Самарина, под заглавием «Приход», помещенные в газете И. С. Аксакова «Москва» за 1867 год в №№ 101, 103, 105, 107, 108, 151 и 153.

Заявив, что положение приходских общин у нас является вполне жалким и безгласным, Д. Ф. Самарин указывал, что в старину, однако, эти общины были довольно самостоятельными в делах церковно-приходского управления; они избирали священников и прочих членов причта и, за уплатой известного оклада в пользу высших иерархических властей, самостоятельно распоряжались церковным доходами. К сожалению, эти приходские единицы не успели сплотиться в юридически определенные и организованные общины и были подавлены в своем дальнейшем развитии. В доказательство такой самостоятельности приходских общин и той борьбы за свое существование, которую они выдерживали в первой половине XVIII века, автор между прочим ссылается на известное дело псковских приходов с местной епархиальной властью, насильственно отнимавшей у этих приходов принадлежавшее им с давних времен право распоряжения церковно-приходским имуществом¹⁶⁵. В течение того же XVIII века Синод, по данным приводимым автором, стал сосредоточивать в руках духовного начальства заведывание церковно-приходскими сборами и высшая иерархия – несмотря на принципиальное разрешение спора по сему предмету Сенатом от 6 июля 1733 года в пользу смешенного заведывания церковным хозяйством, как духовенством, так и мирянами –

стала открыто отрицать право собственности отдельных приходских церквей на их имущество и доходы. Таким образом, по понятию высшего духовного начальства, все пожертвованное (недвижимость и капиталы) на тот или другой храм становится собственностью не того храма или прихода, а всей вообще церкви, а посему все такие имущества и доходы приходские не могут быть в заведовании приходских обществ, а состоят в ведении духовного начальства. Этот взгляд был практически осуществлен в известном законе 26 июня 1808 года, в силу которого частные «экономические» суммы приходских церквей (около 6 миллионов) были у них отняты, а свечной сбор был целиком изъят из числа приходских доходов с назначением его на содержание духовных училищ. Изъятие это было равносильно оставлению приходских церквей почти без всяких средств и в некоторых местностях России, по заявлению автора, помещики в качестве представителей приходских общин пытались дать отпор вышеуказанным распоряжениям, особенно касавшимся отобрания церковных капиталов. Таким образом, автор относит к первому десятилетию XIX века замену самоуправления приходских общин – церковно-административным бюрократическим строем.

Такое упразднение местных церковных средств и сказанная замена управления ими, привели, по мнению Д. Ф. Самарина, ко многим грустным явлениям, в числе которых он на первом плане ставит «утайку церковных средств», справедливо им названной «терпимым святотатством». Заметив, что при господстве крепостного права нельзя было дать приходской общине правильной организации, автор выражает надежду, что с отменой этого права и с признанием за созданными по закону 1864 года приходскими попечительствами их значения свободных общественных учреждений, явится возможность воссоздать православный приход – как юридическое лицо, имеющее ему свойственную и признанную законом организацию. Приведя еще в начале своей статьи историческую справку, что церковь у нас никогда не поглощалась клиром, Д. Ф. Самарин замечает, что целое церкви зависит от устойчивости и живой самодеятельности тесно с ней связанных (на подобие членов тела) мелких единиц, т. е. правильно организованных приходов.

Несколько позднее, именно в 1873 году, Д. Ф. Самарин выступил горячим защитником приходских прав вследствие умаления их правительственным мероприятием 1869 года о сокращении приходов и состоящих при них причтов («Сокращение приходов и обеспечение духовенства», Москва, 1973 г.).

Еще в самом начале деятельности особого присутствия, не только в

журналистике, но и в губернских присутствиях поднялся вопрос о сокращении приходов и состоящих при них причтов, в виду неравномерного распределения приходов во многих епархиях, а также и выработке нормы прихода, как по пространству, так и по численности населения¹⁶⁶. Все эти теоретические предложения делались с целью улучшения материального положения духовенства, и в этих видах предполагалось упразднить малые, а потому и бедные, приходы, и присоединить их к другим приходам, которые от такого присоединения должны усилиться и получить возможность дать духовенству приличное содержание. Мысль эта хотя и родилась по похвальным побуждениям, но сама по себе она не глубокая, так как изобличала в авторах плохое знание природы прихода, рождающегося из недр религиозно-общественных потребностей данной церковной общины, а потому не могущего подчиняться бюрократической регламентации. Кроме того, надо заметить, что при осуществлении этой мысли на практике, она, очевидно, требовала принесения в жертву как интересов многочисленного причта, оставшегося за штатом вследствие такого сокращения, так и интересов прихожан, которые по понятным причинам могли стремиться к удержанию самостоятельности своей приходской общины, а главное, к сохранению самостоятельности своего храма для отправления в нем богослужения. Наконец, нельзя не указать, что это предложение об увеличении средств духовенства в новообразованных обширных приходах, чрез слияние с малыми приходами, могло повлечь за собой существенный разлад в православном обществе. Именно, авторы упомянутого предложения мало обратили внимания на самый важный вопрос в этом деле, т. е. совпадает ли такая реформа с желаниями и потребностями тех прихожан, к которым причислялись прихожане упраздненных приходов? Между тем решение этого вопроса в положительном смысле являлось самым важным обстоятельством для успеха такой реформы, так как прихожане являются главными плательщиками в пользу духовенства.

Особое присутствие, однако, отнеслось к этим предложениям о сокращении приходов сочувственно. Получая заявления от некоторых причтов, епархиальных начальств и губернских присутствий, об измелъчании во многих местностях приходов свыше меры и о нахождении в других приходах по два и по три комплекта причтов без особой к тому надобности, особое присутствие, постановлением от 16 апреля 1869 года, возложило пересмотр состава приходов и причтов, в целях сокращения маломощных, и составление нового росписания приходов и числа священно и церковнослужителей на губернские присутствия по

обеспечению духовенства. При этом, однако, следует обратить внимание на крайнюю осторожность и предусмотрительность проявленные присутствием в этом важном деле. Именно присутствие выразило понимание, что для соединения малолюдных приходов нельзя предначертать каких-либо общих правил, ни на основании густоты населения, ни на основании расстояния между церквями или других тому подобных интересов предполагаемой меры уменьшения числа приходов и причтов также и лицам светских сословий, эта мера должна быть осуществлена при непременно участии мирян. Руководствуясь этими соображениями, особое присутствие предписало губернским присутствиям иметь в виду все местные препятствия к соединению приходов и особенно потребности и желания прихожан, и указывало, что приписка какой-либо церкви или закрытие причта не иначе может состояться, как по всестороннему обсуждению возможности и необходимости этой меры первоначально в местном губернском присутствии, а потом в главном присутствии, и наконец считало не лишним присовокупить, что оставление нового росписания приходских церквей и причтов вовсе не предполагает удаления от мест кого-либо из наличных священно и церковнослужителей, ибо при утверждении росписаний будут, конечно, постановлены особые правила о порядке и постепенности введения оных в действие. В ограждение же упомянутых выше интересов мирян, особое присутствие рекомендовало приглашать в заседания губернских присутствий по этому делу кроме постоянных членов также и известных опытностью, знанием местных условий, или особым нравственным влиянием на общество светских и духовных лиц¹⁶⁷.

Таким образом, особое присутствие, преподав эти общие начала, возложило осуществление всей этой реформы на местные органы, от тактичности и успешности действий которых и зависело правильное и целесообразное применение этих начал на практике. Вся эта работа была выполнена в последующее десятилетие, а потому оценка ее не входит в круг предметом, подлежащих обсуждению в настоящем исследовании, обнимающем период времени с 1860 по 1870 годы, и мы ограничимся здесь лишь приведением соображений по поводу этой реформы Д. Ф. Самарина, который в указанной выше брошюре рассматривает эту реформу с точки зрения интересов православного прихода¹⁶⁸.

Почти четыре года прошло (писал Д. Ф. Самарин в 1873 г.) уже с тех пор, как было обнародовано постановление главного присутствия от 16 апреля 1869 года о сокращении приходов и состоящих при них причтов. В это время уже все успели достаточно приглядеться к этой

правительственной мере, так что теперь представляется возможность беспристрастно оценить ее. Большая часть духовных и светских журналов отнеслась с сочувствием к ней и старалась уяснить читателям своим всю благодетельность предпринятой реформы. Но в то время, как в некоторых журналах воспевался хвалебный гимн этой реформе, в народе и в обществе слагался на нее другой взгляд. На благочиннических съездах, составлявших предварительные соображения о том, как привести эту меру в исполнение, народ с удивлением узнал, что предполагается приступить к сокращению приходов и для этого закрыть некоторые церкви. На этих съездах произошло первое столкновение между официальными защитниками и проводниками этой меры (благочинными и духовенством) и прихожанами, отстаивающими свои приходские храмы. Прения эти не только не убедили народ, а даже породили в нем всеобщее неудовольствие, так что «Правительственный Вестник» (№ 229 от 22 октября 1869 года) счел нужным напечатать статью, имевшую целью успокоить встревоженное общественное мнение¹⁶⁹.

Но в настоящее время (пишет автор) приходится, к сожалению, разочароваться в этой надежде. Губернские присутствия по делам православного духовенства, как оказывается, намерены произвести и отчасти производят сокращение приходов в таких размерах, которые далеко оставляют за собой пределы, указанные в официальной статье «Православного Вестника».

Приведя эту справку, Д. Ф. Самарин в первой части своего исследования делает веское замечание, общего характера, а именно, что меры проектированные присутствием о сокращении приходов и причтов затрагивают в сущности один общий вопрос об организации прихода, а потому нельзя выделить из этого общего вопроса один частный вопрос, хотя бы об улучшении материального быта духовенства, и предлагать отдельное решение его без всякого соотношения с другими вопросами, с которыми он стоит в неразрывной связи.

При закрытии прихода коренным вопросом является вопрос о том, как поступить с церковной землей и с имуществом упраздняемой церкви. По законам земля церковная при упразднении прихода не возвращается прихожанам, а передается той церкви, которой приписывается упраздняемый приход; точно также поступает и со всем имуществом упраздняемой церкви¹⁷⁰. Поэтому закрытие приходов (замечает Д. Ф. Самарин), вопреки желанию прихожан, равносильно экспроприации приходского имущества. Для избегания такой явной несправедливости (если по высшим общецерковным и государственным соображениям

какой-либо приход надо упразднить, даже вопреки желанию прихожан) чувствуется потребность признать неотъемлемое право собственности каждой отдельной приходской церкви на принадлежащее ей имущество. Мы же с своей стороны прибавим, что еще большая потребность чувствуется в укреплении за приходом права собственности на капитал, вложенный прихожанами в казенное место в силу неотмененного закона 1818 года (П. С. З. XXXV, 27,405), при составлении нового прихода для обеспечения материального довольства причта, каковой капитал, при сокращении этого причта, очевидно должен быть возвращен приходу, так как он не перешел в собственность ни церкви, ни причта, имевшего лишь право пользования процентами с этого капитала.

Так как положение 16 апреля 1869 года признавало, что прихожане могут иметь особенную привязанность к храму и сами изыщут достаточные средства для содержания причта (как то устанавливал и закон 1818 года), и в частности для штатного диакона, а потому и дозволяло оставлять самостоятельными предназначенные к закрытию приходские церкви, в случае упомянутого изыскания средств для ее причта, то само собой возникал другой немаловажный вопрос, а именно о праве представления прихожанам кандидата на священнические и церковнослужительские места, ибо само собой разумеется, что этот вопрос тесно связан с вопросом об обеспечении причта исключительно на счет прихожан, разрешенным правительством в смысле сохранения прихода при условии обеспечения причта.

Все эти вопросы – о праве выбора прихожанами членов причта, и о праве собственности приходской церкви на принадлежащее ей имуществом, и о праве распоряжения прихожанами сим имуществом – возникали неудержимым образом при введении в действие положения 16 апреля 1869 г. о сокращении приходов и причтов, и, не получая надлежащего разрешения, возбуждали тревогу в целом православном обществе. Без разрешения этих вопросов одна эта мера о сокращении приходов и причтов ставила, по замечанию Д. Ф. Самарина, духовенство в несправедливое отношение к народу и к тому делу, на служение которому оно призвано. Духовенству приходилось угрожать закрытием церквей, а народу отстаивать свои церкви. Невольно удивлялся народ, когда видел в своей среде благочинного, являвшегося не с словом убеждения о построении новой или о возобновлении существующей церкви, а в качестве исполнителя определения об упразднении и закрытии церквей, издавна существовавших.

Далее, Д. Ф. Самарин замечает, что духовенство должно быть

обеспечено – это не подлежит сомнению, – но едва ли самые горячие защитники этого обеспечения решаться сказать (прибавляет он), что духовенство должно быть обеспечиваемо в ущерб удовлетворения религиозной потребности народа. Предлагать закрытие церквей для улучшения быта духовенства – значит предлагать улучшение материального его быта ценой лишения народа такой потребности, какой он не может быть лишен, поэтому сокращение приходов само по себе, как средство только к улучшению материального быта духовенства, весьма легко может повлечь отпадение значительной части народа из православия в раскол.

Во второй части своей статьи Д. Ф. Самарин, признавая принципом – обеспечение духовенства прихожанами на их собственные средства, и изъятием из этого правила – обеспечение духовенства на счет казны, замечал, что если находят возможным возложить повинность содержания духовенства на бедные, малолюдные приходы (при добровольном соглашении на то прихожан), то тем возможнее распространить эту меру и на приходы богатые, многолюдные – и что будет ли обеспечено духовенство от казны, или непосредственно самими прихожанами, средство для этого обеспечения дает, как в том, так и в другом случае – народ. Исходя из этого принципа, Д. Ф. Самарин думает, что, возлагая на прихожан обязанность обеспечить причт, следует одновременно с этим признать и право собственности каждой отдельной церкви на все без исключения поступающие в нее суммы и предоставить приходским попечительствам (как представителям прихода) право заведывать этими суммами и расходовать их как на церковь, так и на причт¹⁷¹.

В заключении Д. Ф. Самарин высказывает твердое положение: 1) о необходимости признания за приходом права представлять местному епископу кандидатов на должности священника и других членов причта и 2) о необходимости дозволения совершать дарственные, купчие и другие акты на имя приходов, и для этого признать приход за юридическое лицо. «Нам известно, – пишет Самарин, – один случай, вероятно не исключительный, что приходу хотели пожертвовать дом, но дар не мог состояться, потому что нельзя было совершить акта на имя прихода».

С своей стороны заметим, что в наших церковных и гражданских законах есть достаточно материала для того, чтобы признавать приход за юридическое лицо, а потому, на наш взгляд, такое признание должно последовать не в законодательном, а в судебно-административном порядке. В подтверждение правильности такого взгляда мы сошлемся, между прочим, на определение св. Синода от 18 июля (8 августа) 1884 года

за № 1514. Вопрос о признании сельских и городских приходов за юридические лица с предоставлением права избирать достойных людей на должность священников, приобретать в собственность церковное имущество и заведывать оным, был возбужден в конце 1880 года Московским губернским земским собранием. Это собрание, исходя из того важного соображения, что правильная благотворительная деятельность, в широком общегосударственном ее значении, может проявляться в православном обществе только тогда, когда будет признано за православными приходами присущий им характер юридических лиц с известными правами общественными и имущественными, постановило ходатайствовать пред высшим правительством о таком признании за приходами прав юридических лиц.

Это ходатайство было опротестовано Московским губернатором, но Правительствующий Сенат, указом от 14 февраля 1883 года за № 2867, предписал губернатору ходатайство губернского земского собрания по сказанному предмету представить высшему правительству установленным порядком.

Св. Синод, хотя ходатайство это оставил без удовлетворения, но вместе с тем отнюдь не высказался против признания за православными приходами прав юридических лиц. Обсудив соображения названного губернского земского собрания, св. Синод нашел, что нет достаточных оснований к предположенным собранием изменениям в устройстве приходов, но при этом высказал такие пожелания, которые должны быть приняты в руководство на будущее время. Так св. Синод считает «приход» за особую церковно-общественную единицу и полагает, что признание за приходами и в гражданском отношении прав юридических лиц, породило бы только право прихода укреплять за собой недвижимое имущество и ограждать их целостность в суде. В этом отношении св. Синод считает более неизменной единицей – церковь, нежели приход и высказывается за укрепление недвижимой собственности за церковью. Но тут, как кажется, кроется явное недоразумение, ибо в общем смысле слова «приход», сосредоточиваясь около своего храма, включает в себе, кроме всех мирян-прихожан, и все местное духовенство, а потому и составляет «местную церковь», и только понятый в узком смысле, то есть как общество мирян-прихожан, может быть противопоставлен понятию «церкви». Но вместе с тем, св. Синод высказал существенное положение, что имущество каждой приходской церкви признается неотъемлемой ее собственностью, а относительно употребления и заведывания этим имуществом, указал, что по особому Высочайшему повелению в духовном ведомстве составлен и

находится на рассмотрении Св. Синода проект правил, которыми, между прочим, предусмотрено отвести известную долю участия в заведывании доходами и расходами церкви и представителям от прихожан. Что же касается до избрания прихожанами своих священников и церковнослужителей, то Св. Синод пояснил, что право прихожан, в смысле заявления ими епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо своим духовным наставником, или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица, не было отменяемо, и как показывают восходящие в св. Синод дела нередко осуществляется и в настоящее время¹⁷².

Этими данными мы закончим наше исследование о литературе, законоположениях, а также и об административных распоряжениях, относящихся до «прихода» и выразим наше твердое убеждение в том, что проект о полном восстановлении прав и обязанностей «православных приходов» вряд ли встретит препятствие в высших синодальных сферах, если только эти сферы усмотрят и убедятся в том, что наше общество серьезно желает заниматься церковно-общественными делами и что в нем появилось дружное стремление к возрождению церковно-общественной жизни, пришедшей в вялое и бесцветное существование по вине, главным образом, самого общества, апатично относящегося к своим церковно-общественным правам и обязанностям. Порукой в том, что наше убеждение является достаточно основанным, может, между прочим, служить и сравнительно новый циркуляр св. Синода от 20 апреля 1890 года за № 6. В этом циркуляре Св. Синод указывает на необходимость точного установления границ православных приходов в столичных и губернских городах и пояснял, что понятие о приходе как о церковно-общественном учреждении, необходимо соединено с представлением об определенной местности, с обитающим в границах ее населением, желание которого относительно принадлежности его именно к тому, а не к другому приходу, должно быть принято во внимание при производстве этого разграничения территории приходов.

Теперь нам остается коснуться одного важного мероприятия особого присутствия, которое к большому сожалению, не получило должного осуществления в описываемую эпоху.

Имущественное положение православных церквей составляло самое больное место в сфере церковно-гражданского законодательства, и особое присутствие, занятое главным образом заботами об улучшении материального быта нашего духовенства, не могло не обратить внимания и на этот важный вопрос.

По журналу своему, Высочайшее утвержденному 17 июня 1863 года, присутствие обращалось к преосвященным с просьбой, чтобы независимо от представления общих сведений о всех нуждающихся наиболее настоятельных и о местных способах к их удовлетворению.

Преосвященные, на основании отзывов духовенства, указывая, что устройство домов для причтов составляет первую и важнейшую потребность духовенства и что постепенное образование в приходах приносящей доход недвижимой церковной собственности могло бы улучшить материальное положение духовенства и значительно уменьшить потребность в пожертвованиях на это со стороны государственной казны, между прочим, в числе облегчительных мер, к достижению вышеприведенных предположений на первом плане указывали не необходимость нижеследующей меры:

«Предоставить церквам приобретать в собственность недвижимые имущества, как покупкой, так и дарственными способами, на общем основании, не испрашивая на укрепления их особого при каждом случае Высочайшего соизволения»¹⁷³.

В существующих правилах о порядке укрепления за церквами недвижимых имуществ духовенство указывало на следующие неудобства: в отношении дарственных способов приобретения – в том, что частью на основании прямого закона (св. зак. т. X, ч. I, ст. 984 и 985¹⁷⁴), а еще более из предосторожности, что бы не вводить Августейшего имени Государя Императора в дело, которое почему-либо могло и не состояться, епархиальные начальства не прежде входят в Синод с представлениями об исходатайствовании Высочайшего соизволения на укрепление за церквами подобных имуществ, как по получении от разных губернских и уездных присутственных мест формальных удостоверений о не имении к тому препятствий, и, что при таких условиях духовенство, особенно сельское, в опасении хождения по присутственным местам при неудобствах для него продолжительных отлучек в города и при непривычке являться в канцелярии, не редко само отклоняет жертвователя от приношения в пользу церкви, или на содержание причта, недвижимой собственности. В отношении же покупки имуществ – неудобства заключаются в том, что церквами могут быть приобретаемы только незначительные по ценности имущества, которые обыкновенно назначаются в продажу только владельцами, имеющими надобность в наличных деньгах, и что по этой причине, при неизбежном промедлении значительного времени на испрошение через Синода Высочайшего соизволения на укрепление, церквами могут быть покупаемы имущества только по возвышенным,

против частных покупателей, ценам.

Присутствие, по соображениям вышеизложенных предположений, нашло:

Узаконения, коими ограничено было, а потом и вовсе отменено приобретение вновь духовными установлениями недвижимых имуществ, относились только к архиерейским домам и монастырям и истекали из убеждения правительства в необходимости, с одной стороны, положить предел чрезмерному увеличению монастырских вотчин, а с другой – поддержать дух подвижничества, начинавший ослабевать от привлечения а обители соединенной с богатством роскоши¹⁷⁵.

Только в текущем столетии, после разрешения вновь архиерейским домам и монастырям приобретать имущества, но не иначе, как с особого на каждый случай Высочайшего соизволения, тот же порядок Высочайше утвержденным 4 января 1819 года (П. С. З. № 27622) положением комитета министров, распространен на приобретение недвижимых имуществ также и церквами. Но очевидно, что ни одно из означенных побуждений к изданию ограничительных постановлений относительно монастырей не может иметь применения к приходским церквам. Славные памятью своих основателей, или находящиеся в них святыней, каковы Троице-Сергиева лавра и некоторые другие монастыри, составляя принадлежность не одного какого-либо местного общества, по целой России, могли привлекать к себе пожертвования в недвижимых имуществами или в денежных на приобретение их суммах из всех местностей государства и, таким образом, приобретать богатства, превышавшие, может быть, иногда меру действительной потребности. Но в пользу приходских церквей и их причтов могут поступать приношения или от храмоздателей, или от прихожан и только в редких случаях от посторонних. Подобные пожертвования, как бы ни были значительны по состоянию жертвователей, ни в каком случае не могут, ни составить более того, сколько нужно для обеспечения существования храма и приличного содержания причта, ни нарушить должного отношения церковного достояния к общей массе недвижимых имуществ. Поэтому по мнению присутствия не встречается никакого препятствия предоставить приходским церквам приобретать и укреплять за собой недвижимые имущества дарственными способами без особого разрешения, а в случае приобретения имущества покупкой испрашивать дозволения епархиального начальства только на употребление церковных сумм для покупки имущества на основании существующих по духовному ведомству правил.

На основании вышеупомянутых соображений особое присутствие

между прочим полагало: 1) представить православным приходским церквам приобретать в собственность недвижимые имущества: а) дарственными способами на общем с частными лицами основании, не испрашивая не укрепление их особого разрешения начальства и б) покупкой, на счет церковных сумм, с разрешения епархиального преосвященного, по предварительном соображении в духовной консистории выгод таковой покупки и возможности употребления на нее церковных сумм¹⁷⁶.

7 января 1870 года обер-прокурор Св. Синода гр. Толстой сообщил главноуправляющему II отделением собственной Е. И. В. канцелярии и министру финансов всю эту работу присутствия на заключение. Главноуправляющий основываясь на ст. 309, т. IX зак. о сост. находил, что не может встретиться никаких возражений к беспрепятственному приобретению имуществ православными церквами. 17 февраля 1873 года последовало Высочайшее соизволение на внесение всех изложенных выше предположений присутствия в государственный совет. Однако все это дело не получило желательного разрешения, и стеснительная форма приобретения православными церквами имуществ оставлена в прежнем виде¹⁷⁷.

Этими сведениями мы закончим наше исследование о пробуждении в шестидесятых годах общественного внимания к церковным делам. Такое пробуждение совершилось, как было указано выше, отчасти под влиянием политических и общественных событий того времени, а также вследствие известных уже нам правительственных мероприятий, а отчасти под влиянием тех теоретических рассуждений, которые были высказаны в сочинениях, написанных на эту тему. Мы видели, что разрешению церковно-общественных вопросов посвящали свои силы и выдающиеся государственные люди, литераторы, ученые и публицисты, а также скромные, но вместе с тем внимательные наблюдатели общественных явлений, как из лиц светских, так и из духовных. Высказывались по этим вопросам и некоторые из высших иерархов.

Сводя все изложенные выше мнения, заметки и соображения разных лиц к нескольким определенным положениям, наиболее характеризующим общие пожелания нашего образованного общества в отношении улучшения быта православного духовенства и оживления церковно-общественной жизни, а вследствие сего и поднятия религиозно-нравственного развития всего народа, мы усматриваем что эти пожелания выражались:

- 1) в признании православных приходов юридическими лицами,

каковыми являются инославные русские приходы (лютеранские, реформатские и отчасти католические) и даже единоверческие;

2) в усвоении вследствие сего православными приходами права заведывания и распоряжения местными церковно-общественными суммами и капиталами, и права свободного приобретения на имя прихода движимого и недвижимого имущества;

3) в устройстве лучшей, сравнительно с существующей в приходских попечительствах, организации законного представительства прихода правительством, обществом и на суде для законной защиты приходских прав и интересов, а также приходской собственности;

4) в упорядочении существующего исстари у православных приходов права избрания своих священно и церковнослужителей и права ходатайства пред высшей епархиальной властью о назначении таких кандидатов в приходы;

5) в содержании всех членов притча обычно на средства прихода;

6) в признании за православными приходами не только значения низшей церковной, но и низшей земской единицы;

7) в закреплении за православным духовенством достаточно широких прав – семейных, сословных, служебных и имущественных – и в предоставлении этому духовенству достойного его сана образования, широкого самоуправления в собственных его делах, и суда на твердых канонических основаниях;

8) в издании общего свода церковно-общественных законов.

Все эти пожелания являются вполне закономерными, а потому и осуществимыми. В описываемую эпоху их нельзя было вполне удовлетворить путем необходимых преобразований вследствие слабого подъема в русском народе, большая часть которого в то время только что вышла из крепостной зависимости и по своим интересам резко отличалась от образованных классов общества.

Прочные и широкие преобразования в церковно-общественной сфере могут осуществиться только тогда, когда возвышенное понятие «о Церкви» прояснится в сознании не отдельных избранных и богословски-образованных лиц, а в сознании целого общества, подготовленного надлежащим воспитанием и образованием. Глубокие мысли, высказанные Хомяковым и другими о первенствующем значении для общества, когда оно поймет, что «идея Церкви» – это самое высшее, что изобрела для нас мысль божественная, чего восхотела для нас любовь Божия¹⁷⁸, что владычественная идея Церкви первенствует над идеей мироздания и ставит пред мирозданием цель, куда оно должно идти и возвышаться».

Величайшая идея о Церкви, покрывая собой все философские вопросы и сомнения, одна способна разрешить антиномии разума, так как все эти вопросы и сомнения по существу своему являются лишь умозрениями, а идея Церкви содержит в себе реальный и утешительный для возбужденной совести и сомневающегося разума факт существования Церкви, изглаживающий даже страшное для человечества значение смерти, ибо мы все – присутствующие на земле и отошедшие – живы во Христе. Но недостаточно воспринять эту идею только разумом; необходимо сообразовать с ней свою волю, т. е. согласовать с теми нравственными требованиями, которые она в себе заключает, свои поступки, весь строй своей жизни. Для людей высоконравственных и высокообразованных восприятие идеи Церкви и согласование с ней своей жизни – является подвигом, для них доступным; но для людей, не обладающих этими выдающимися нравственными и умственными качествами (а таковых – большинство), необходимо предварительная долгая подготовка, которую они с малых лет не столько могут получить в общеобразовательных школах, ни даже в семье, – сколько в приходе, где должна господствовать христианская дисциплина, где преимущественно можно получить христианское воспитание, принимая участие в церковно-общественной деятельности, доступной для всякого возраста, пола и состояния. В центр прихода, в его храм, стекаются люди для присутствия при богослужении, для общественной молитвы, и нет места на земле, где бы с такой полнотой мог совершиться высокий подъем духа в людях, как в храме. Сколько молитве в храмах возносится людьми, страждущими от материальных невзгод и горюющими скорбями земными! Возможно ли для истинных христиан ограничиться одним присутствием на богослужении и затем разойтись чуждыми друг другу? На это «мирское соединение» они благословляются самим Богом, и потому естественным и необходимым окончанием воскресных и праздничных молитвенных соединений христиан в храмах является «приходское собрание» (в самом здании храма, или вне его), на котором должны быть предложены и разрешены дела благотворительные в обширном смысле слова, а так как во исполнение завета Христова участь детей христианских обществ должна быть выдвинута на первый план, то самой главной заботой такого собрания является забота о «детских нуждах», материальных и духовных. Может ли такое церковное собрание для осуществления своих благих целей не иметь своего собственного церковно-приходского имущества, собираемого по преимуществу в церкви, и может ли оно обойтись без законного своего представительства? «Церковное собрание» требует и

того, и другого, и обойтись без своего «церковно-общинного» имущества и без своего «совета» не может. Успешность деятельности «церковного собрания, совета, старост» обуславливается активным участием всех христиан в приходе, и это «участие всех» и составляет ту школу нравственности, где люди совершенствуются в христианских добродетелях, без которых все наше светское образование мертво и бесполезно. Вот почему все наши усилия разума и воли должны быть направлены к возрождению «православного прихода», и это возрождение возвестит нам зарю новой церковной жизни, когда остальные в ней преобразования легко будет осуществить.

Труды того же автора

1) Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб, 1885 г.

2) Невольничество у Мадьяр. СПб, 1888 г. (Брошюра на средства С.-Петербургского славянского благотворительного общества переведена на французский язык под заглавием «L'esclavage au centre de l'Europe, St. Petersbourg, 1889).

3) Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении православных церковных братств, 1893 г. Печатано по распоряжению г. обер-прокурора Св. Синода.

4) Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в восточной России до XVIII века и в западной России – до XVII века. Сергиев посад, 1897 год.

5) Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России. Москва, 1898 г. (с картой).

6) Упадок православного прихода (XVIII – XIX века). Историческая справка. Москва, 1899 г.

7) Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. Москва, 1900 г.

8) Братства, очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1900 г.

9) Православные приходы в Финляндии. СПб, 1901 г.

Примечания

¹ - «Записки и дневник» А. В. Никитенко, т. II.

² - «Жизнь и труды М. П. Погодина» соч. Н. Барсукова, т. XIV, стр. 11, 12, 15, 27, 30, 34, 43, 46, 48, 50, 51, 203, 211, 214, 345, 455. «Дневник» графа П. А. Валуева, 20 октября и 17 ноября 1855 года; «Русская Старина», май 1891 года, стр. 340 и 341. См. обвинение в беспорядках и злоупотреблениях разных военачальников в «Московских Ведомостях» от 6 марта 1856 года, № 28 (офиц. отдел). См. также об этом в письмах преосв. Иннокентия, епископа камчатского, собр. Барсукова, письмо от 25 апреля 1856 года, кн. II, стр. 172. О следственной комиссии по злоупотреблениям в интендантстве см. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 307. См. также письмо Погодина, помещенное в журнале «Мир Божий», июнь 1900, библиографический отдел, стр. 96.

³ - «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 121.

⁴ - См. собственноручную надпись императора Александра II на отчет министра внутренних дел за первый год царствования: «читал с большим любопытством Благодарю в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые, с Божьей помощью и при общем усердии, с каждым годом будут исправляться». «Рус. биограф. Словарь», т. I, биография Александра II, стр. 522 (также стр. 536, 538).

⁵ - «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 299, а также 49, 50, 204, 214, «Дневник» гр. Валуева, «Русская Старина», май 1891 г., стр. 343 и 346 (записки Мордвинова), июнь, стр. 618 и 614 (записка Беклемишева). См. о записках по крестьянскому делу (в особенности: Кавелина, Самарина, Кошелева) в «Русском биографич. словаре», т. I, биография императора Александра II, стр. 525; (также записка С. Ланского, стр. 523). См. там же сведения об адресе Государю Императору нескольких депутатов крестьянских комиссий, стр. 552.

⁶ - «Жизнь и труды М. П. Погодина», стр. 25 – 28 (т. XIV).

⁷ - «Русская старина» 1896 г., т. 86, стр. 688 – 642: «о современной политической и внутренней жизни России». См. также письмо Дмитриева: «Жизнь и труды М. П. Погодина», стр. 29 (т. XIV).

⁸ - «Русская Старина», 1891 г., май, стр. 349 – 359: «Дума русского».

⁹ - «Русская старина», 1891 года, май, стр. 359 – 360 и 1896 года февраль. См. сведения в «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 115, 117, 118, 285, 315. «Записки и дневник А. В. Никитенко», т. II, стр. 26, Приказ и

циркуляр были напечатаны в «Морском Сборнике» и перепечатаны в «Русском Архиве» 1883 г., № 5, стр. 201. См. также «Дневник» гр. Валуева, 9 – 10 декабря 1855 г., «Русская Старина», май, 1891 г., стр. 344 – 345. См. мнение того же великого князя о необходимости гласности «Письма к митр. Филарету митр. Григория», изд. Львова, 1900 г., стр. 107. Автор упомянутой «Думы», указав еще на весь вред централизации в управлении, возлагающей непосильную работу на высших правителей, и потому сдаваемую на произвол канцелярий, и совершенно ограничивающей не в пользу дела необходимую самостоятельность местных начальств, считал своим долгом выгородить деятельность одного морского министерства, которое управляемое твердою рукой генерал-адмирала, показало при составлении морского устава, каким порядком надлежит обслуживать проекты законов и в «Морском Сборнике» подавало пример, как надлежит понимать цензуру.

¹⁰ - «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 210. «Записки и дневник Никитенко», т. II; он писал: «настает пора положить предел этому страшному гонению мысли, этому произволу невежд, которые делали из цензуры съезжую и обращались с мыслями, как с ворами и пьяницами».

¹¹ - «Северная Пчела» 21 марта 1856 г., № 65.

¹² - «Северная Пчела» 19 апреля 1856 г. № 87.

¹³ - «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 552.

¹⁴ - «Письма преосв. Иннокентия», изд. Барсукова, кн. II, письмо от 25 апреля 1856 года.

¹⁵ - «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 141, 217.

¹⁶ - «Русская Старина» 1891 года, июнь, стр. 612. «Жизнь и труды Погодина», стр. 19 (т. XIV). Высочайшее повеление 18 окт. 1858 года о применении к раскольникам мер терпимости и снисходительности.

¹⁷ - «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 14.

¹⁸ - Ibid., стр. 59.

¹⁹ - «Православный Собеседник» за 1855 год, стр. 154 – 164.

²⁰ - «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 93, 97, 142.

²¹ - В крестьянском манифесте (19 февраля 1861 года) находятся следующее правдивое указание «самый благотворительный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона». «Северная Пчела», 6 марта 1861 г., № 51.

²² - «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 347.

²³ - Ibid, стр. 48 и 49; см. также стр. 101, 203, 318.

²⁴ - Любимов, «М. Н. Катков и его историческая заслуга по документам и личным воспоминаниям». СПб, 1889 г., стр. 80.

²⁵ - «Русский Архив», 1888 год, книга вторая, стр. 175 – 203. См. также Письма митр. Филарета к А. Н. Муравьеву (Киев, 1869 г.), стр. 509 и послед.

²⁶ - Собр. мнен. и отзыв митр. Филарета, т. IV, стр. 448.

²⁷ - За сорок лет переписки у А. Н. Муравьева сохранилось до 500 писем московского святителя; см. «Письма духовн. и светск. Лиц к митр. Филарету», изд. А. Н. Львова, стр. 257.

²⁸ - См. «Собр. мнен. и отзыв. митр. Филарета», т. IV, стр. 213, 225, 227. Срав. след. письма А. Н. Муравьева к митр. Филарету: в письме от 12 марта 1857 г. Муравьев распространяется о произволе обер-прокурора, терпимом только безгласием архиереев; в письме от 22 марта т. г. Муравьев высказывает, что 30-летнее трудное поприще минувшего царствования сделало митрополита слишком осторожным и, наконец, в письме от 17 апреля т. г. Муравьев касается неудовлетворительности консисторских порядков и проектирует зависимость консисторских секретарей от епархиального архиерея; см. Письма духов. и свет. Лиц к митр. Филарету, изд. А. Н. Львова, стр. 279 – 286. Весьма любопытно мнение митр. Филарета о нормальном составе Св. Синода, от 2 апреля 1857 г., и критика состава синодального присутствия, подписавшего прибавление к Духов. Реглам. (Собр. мнен. и отзыв. Митр. Филарета, т. IV, стр. 233). Также интересно высказанное митр. Филаретом в письме протопр. Бажанову (окт. 1857 г., *ibid* стр. 448) следующее мнение: «Петр Великий прельстился проектом Лейбница о коллегиях, в том числе и о духовной коллегии, которую у протестанта перенял Петр, но которую Провидение Божие и церковный дух обратили в Св. Синод».

²⁹ - «Письма преосв. Иннокентия», изд. Барсукова, книга II, стр. 195.

³⁰ - «Письма преосв. Иннокентия», изд. Барсукова, книга II, стр. 172, 178, 185, 193, 195, 197, 202, 206, 211, 223, 224, 231, 243. Сравн. также письма преосв. Иннокентия к А. Н. Муравьеву, напечат. в Прибавл. к Твор. св. отц. за 1889 год; письма: от 17 ноября 1855 г., от 31 янв. 1857 г., 3 февр. 1858 г., 30 марта 1858 г., 16 апр. и 17 окт. 1859 г., 19 янв. 1863 г. «Русский Архив», 1889 г., № 5 и 6.

³¹ - Митрополит Григорий, живо и глубоко сознавая нужду в преобразования духовных училищ, занялся начертанием правил нового для них порядка и внес свою записку по этому предмету в Синод. Эта записка

даже не была доложена Синоду, и сам обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой взял на себя инициативу сношений с епархиальными архиереями и ректорами семинарий по этому вопросу.

³² - «Русский Архив», 1892 г, кн. II, стр. 200 и послед. №№ 9 – 14, 16, 17, 20 – 23, 26 – 30, 35, 38 – 40.

³³ - Указанное сочинение епископа Агафангела, под заглавием «Высшая администрация русской Церкви», сохранилось в копии между рукописями, пожертвованными митрополитом Исидором в библиотеку С.-Петербургской духовной академии. В этом сочинении епископ Агафангел, подобно А. П. Муравьеву, указывал на полное порабощение Синода светской властью.)См. «Сборник» (рукоп.) из бумаг митрополита Исидора, «Акад. Биб.», № 60). В том же сборнике находится сочинение названного епископа: «В чем должно состоять высшее, вполне каноническое управление отечественной церкви», (проект переустройства Св. Синода в Св. Правительствующий постоянный всероссийский собор). В этом же сборнике находится копия с упомянутой выше записки П. Н. Батюшкова «о сельском православном духовенстве западных губерний», в которой автор, между прочим, развивает свой взгляд о необходимости учреждения при церквях «приходских советов». Письма митр. Филарета, изд. арх. тверск. Саввою, № 66, 95. См. также суждения преосв. Никодима о синодальных порядках при графе Протасове: «О Филарете, митр. московск. моя память» преосв. Никодима, стр. 39, 53, 69, 86; «Чтения Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1877 г., книга II.

³⁴ - «Русск. Вестн.», май, 1859 г., «Соврен. Летоп.», стр. 44. См. заметки о влиянии на общество этой книги в «Дневнике» А. В. Никитенко, т. II, стр. 99, 100, 107, а также в письмах А. Муравьева к митр. Филарету «Письма духовн. и светск. лиц», изд. Львовым, 1900 г., стр. 289, 290, 296 и 297; из этих писем видно, что автором

³⁵ - О существовании такого опасения упоминалось также в слове об освобождении крестьян, произнесенном в Казани 19 февраля селян сельских пастырей встречало много затруднений («Правосл. Собеседн.», 1859 г., т. I). См. также три статьи проф. Предтеченского «В защиту русского духовенства» 1863 года, «Кто взвесит все обстоятельства (замечает в одном месте автор), в каких духовенство было еще недавно поставлено к помещикам и другим начальствующим лицам, не исключая бурмистров, старость и даже писарей, тот затруднится бросить камень осуждения в приходских священников. Тесно им было отовсюду. Вся жизнь их проходила среди запуганных крестьян».

³⁶ - Обвинения русского духовенства в кастовой замкнутости появились и в газете «Le Nord», от 10 мая 1862 года, и эти нападки побудили Сушкова написать защитительную статью, которая появилась в «Le Nord» 1 – 8 июня 1862 г. Сочинение: «L'Eglise russe à t-elle fait quelque chose pour l'affranchissement des ruscysans en Russie» (составлено русским и издано в Женеве в 1861 г.) написано в защиту деятельности русского духовенства на пользу народа. Из более ранних сочинений упомянем еще о книге Гагарина: «Станет ли Россия католической», и ответ мирянина на эту книгу (С. Барановского, изд. в Берлине), а также о книге того же Гагарина: «Староверцы, русская церковь и папа», в которой автор пытается доказать, что наша церковь не сохранила своей древней независимости; см. «Правосл. Собеседн.» 1860 г., т. I и «Russische Studien zur Theologie und Geschichtes von Moriz Kruhl, II Heft, Munster 1857 г. Весьма интересный взгляд на значение русского духовенства выражен в изданной на французском языке книге Гагарина. «De l'enseignement de la Theologie dans l'Eglise russe», Paris, 1856 г.; автор говорит, что самым важным вопросом в России является вопрос об образовании и воспитании священников. «Donnez à la Russie un clergé digne de sa haute mission, et la Russie se place sans effort aux premiers rangs des nations chrétiennes. L'avenir de la Russie dépend de ce qui sera le clergé». Сравни также полемические сочинения А. С. Хомякова (Полн. собр. сочин., изд. второе, т. II). См. также сочинение Шедо-Ферроти «La tolérance et le schisme rehgieux eu Russie», глава XVIII, «О необходимых улучшениях в быту православного духовенства».

³⁷ - См. замечательный протест в 1742 г. против текста синодальной присяги ростовского митрополита Арсения Мацевича, который, будучи назначен членом Синода, не принял этой присяги и уехал в Ростов. Особенно любопытна поправка, сделанная митрополитом, текста этой присяги; см. статью Чистовича в газете «День» за 1862 г., № 25, а также «дело об Арсении Мацевиче» в «Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1862 г., кн. 2 и 3 (смесь).

³⁸ - Относительно подробностей этой полемики см., между прочим, в июне и августе книжки журн. «Правосл. Обозр.» за 1861 год. См. перевод на русский язык статьи из «Allgemeine Kirchnzeitung» (Darmstadt, 1862 г., № 82) в журнале «Духовная Беседа» за 1862 г., т. XVII. См. заметки английских духовн. журналов в «Христ. Чтен.», 1863 г., № 141, ч. I, стр. 393 и № 142, ч. II, стр. 277. Отец Васильев в марте 1862 года принужден был отправить письмо к архиеп. лионскому Бональду, который продолжал

утверждать о главенстве в русской Церкви государя (перевод этого письма в июльской и сентябрьской книжк. журн. «Странник» за 1862 г.). Сравни мысли А. С. Хомякова против главенства русского государя в православной Церкви, изложенные в его брошюре. «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Полн. собр. сочин. т. II, стр. 34 – 37. Потребность переносить за границу статьи полемического характера была в то время так велика, что появившаяся в журн. «Странник» янв. 1860 г., статья архимандрита Феодора «О православии в отношении к современности» была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге (см. «Сын Отечества», 1892 г., « 54, «Обществ. Дела»).

³⁹ - Типы семинаристов и эпизоды из бурсацкой жизни, находящиеся в сочинениях Нарезнаго (роман «Бурсак»), Решетникова «Между людьми», Помяловского «Очерки бурсы», слишком хорошо известны нашему обществу. Из мемуаров укажем на вышедшее в Москве в 1860 году сочинение Измайлова «Взгляд на собственную прошедшую жизнь». Записки Ростиславова, Добрынина, печатавшаяся как видно из обер-прокурорского отчета за 1860 г. (стр. 56), князь Урусов, директор духовно-учебного управления, производя ревизию пяти семинарий и посещая квартиры семинаристов, сам удостоверился в нищете, лишениях, которым обречены были беднейшие из воспитанников. Самые наставники от ограниченности получаемого содержания терпели бедность и не имели средств пользоваться всеми учеными пособиями для усовершенствования себя в преподаваемых ими предметах. Взятничестве, зверстве и др. недостатках смотрителей и учителей духовных училищ см. «Описание сельского духовенства», «Первоначальное и семинарское образование», стр 3 – 51.

⁴⁰ - Особенного интереса эти полемические статьи в настоящее время не представляют, и мы укажем только на некоторые, возбудившие более всего внимания: 1) «Отечественные Записки» 1858 года май, «Современная хроника России», 2) «Русский Вестник» 1858 г. февраль, книжка 2-я, «Воспоминания о Кудрявцеве»; 3) «Земледельческая Газета» 1857 г., № 39 статья Критского «О распространении грамотности между крестьянами»; 4) та же газета за 1858 г., № 27, статья Остафьева «Два слова о распространении грамотности», 5) та же газета, за тот же год, № 69, статья Чихачева «Откровенность старца»; 6) «Журнал для земледельцев» за 1858 г., № 10, статья Остафьева по поводу предыдущей статьи; 7) «Русский Педагогический Вестник» за 1857 г., № 4 и 5, статья

Забелина «История жизни и воспитания одного подьячего»; 8) «Московские Ведомости» 1859 г., № 168, статья Шестакова «Педагогические письма»; 9) «Русская Газета» за 1855 г., №№ 10, 13, 14, 15, 43. В духовных журналах печатались статьи в защиту духовенства так, например, в журнале «Духовная Беседа» за 1858 г. т. XIV № 50, появилась статья Шаврова «Духовное звание в России». В том же журнале за 1859 г. т. VI, № 17, напечатана статья священника Грекова «Духовное звание в России», голос сельского священника. В журнале «Православный Собеседник» за 1859 г. ч. 1 появилась статья «Общество и духовенство». Смотри также статью Гилярова-Платонова «Из письма в редакцию» (напечатана в «Журнале землевладельца» 1858 г., № 11, смесь, стр. 45 – 48 и в «Собрании сочинений» 1899 г. т. 1, стр. 242), в которой автор возражает против доводов вышеуказанных статей Остафьева и Чихачева.

⁴¹ - Ярким обращением такого отрицательного направления в литературе может служить полемика журнала «Современник» за 1860 и 1861 годы (статьи Антоновича и Чернышевского) с журналами: «Труды Киевской Духовной Академии» статьи Юркевича и «Русский Вестник» (в защиту статей последнего) за те же годы. См. также статью Певницкого «Нигилисты» в «Трудах Киевской Духовной Академии», 1862 г., т. 1, и того же автора, в том же журнале, за 1866 г., август «Тяжелое нареkanie». См. еще «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. 1, стр. 184.

⁴² - Весьма характерно замечание митрополита Филарета, высказанное им по поводу рассмотрения в Государственном Совете вопроса о современных идеях, проводимых в газетах и журналах (Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. IV, стр. 343, 27 августа 1858 года). Митрополит Филарета писал: «многие недоразумения нынешнего времени происходят от того, что частное превращают в общее. Один священник оказался недостойным, и говорят, что нехорошо духовенство. Редакторы одной газеты и двух-трех светских журналов издали статьи с мыслями, неблагоприятными для религии и нравственности, и ревнители говорят, светская литература есть языческая. Правда, зараза распространена далее одной газеты и трех журналов, но когда сии только имеются в виду для улики, то легко виноватым возражать против обвинителей, что здесь заключается от частного к целому, и обижается благонамеренная литература, которая еще не исчезла. Надо указывать явные вины того или другого журнала и противопоставлять им точные обвинения, тогда вернее можно достигнуть того, чтобы виноватого

уняли, а сие может быть полезно и к укрощению других».

⁴³ - См. статью Кояловича «Где наши силы» в газете «День», 1863 года, № 3.

⁴⁴ - См. «Записки и дневник А. В. Никитенко», т. II, стр. 327 – 220, а также «Северную Почту», 1862 г., № 119, и «Наше Время», 1862 г., № 122, «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. 1, стр. 60, 68, 96. «Рус. биографическ. Слов.», т. 1, биография императора Александра II, стр. 564, 585.

⁴⁵ - Определением Св. Синода от 18 марта 1863 года установлено ежегодно 11 мая праздновать память св. Кирилла и Мефодия. См. письмо обер-прокурора Ахматова к митрополиту Филарету, от 3 апреля 1862 года; «Письма» изд. Львовым, 1900 г., стр. 580. См. об участии в этом деле государыни императрицы Марии Александровны; письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Ахматову от 12 апреля 1862 года «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. 1, стр. 212 – 245 и 374 – 379.

⁴⁶ - См. приложение к журналу «Странник», 1862 г., май, а также «хронику» в том же журнале за 1861 г., т. 1.

⁴⁷ - До 1861 года приходских школ было очень немного, а в начале 1862 года в 48 епархиях их уже было более 20 тысяч с 3½-стами тысяч учащихся; см. «Киевские Епархиальные Ведомости», 1862 г., № 18. См. «Христианское Чтение», 1862 г. март; «Современную хронику» журнала «Странник» за 1860 год: «содействие духовенства народному образованию». См. также книгу, изд. в 1866 году «Начальные народные училища и участие в них православного духовенства». См. мнение бывшего министра Народного Просвещения в 1861 году гр. Путятинна (письмо его к митрополиту Филарету, от 21 июля 1861 года; «Письма» изд. Львовым, 1900 г., стр. 561), а также графа Строгонова (*ibid*, стр. 576). Наконец, укажем на книгу Благовидова «Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II».

⁴⁸ - «Духовная Беседа», 1859 г., т. VIII, № 41. Дело о построении церквей в Западном крае сосредоточено с 1857 года в министерстве Внутренних Дел у заведовавшего этой постройкой И. Н. Батюшкова, с деятельностью которого по распространению братства мы познакомимся ниже. В 1860 году в Петербурге разрабатывались предположения об учреждении благотворительного общества из духовных и светских лиц для распространения религиозно-нравственного образования между

малолетними ремесленниками, и для достижения этой высокой цели предполагалось употребить два главных нравственных способа; во-первых, учреждение воскресных классов или школ при церквях, во-вторых, нравственный бдительный надзор за точным исполнением благих мер и за успехами христианского воспитания детей, причем преподавателями должны быть священники приходских или домовых церквей, добровольно принимавшие на себя эту обязанность (См. «Странник», 1860 г., т. II, «Хроника» и «С.-Петербургские Ведомости», 1859 г., №№ 12, 34 и 39).

⁴⁹ - О пожертвованиях Ворошилова, Милютиной, Толстой (в Москве). Воронина, Сушинской и купечества (в Петербурге) и Расторгуева (в Харькове), см. «Дух Христианства», 1863 г., сентябрь, «современное образование»; «Странник» 1862 г., и «Дух Христианина», 1864 г., февраль «известия».

⁵⁰ - «Дух христианина», 1864 г., февраль, «известия».

⁵¹ - «Духовный Вестник» 1862 г., т. 1, «летоп. лист», «Православное Обозрение», 1861 г., октябрь, «Заметки», стр. 285 – 286.

⁵² - См. например, «Сын Отечества», 1862 г., № 35, статья А. Х.

⁵³ - Самым старым журналом было «Христианское Чтение», основанное в Петербурге в 1821 году, при С.-Петербургской духовной академии; затем следовали: «Воскресное Чтение», издаваемое с 1837 года при Киевской духовной академии, «Приложения к творениям Св. отец», изд. с 1848 года при Московской духовной академии, «Православный Собеседник», изд. с 1855 г. при Казанской духовной академии, и «Духовная Беседа», возникшая в 1858 г. при С.-Петербургской духовной семинарии. Весьма талантливый обзор духовной журналистики начала шестидесятых годов сделан В. В. Никольским в журн. «Дух Христ.», сент. и ноябрь 1861 года. В это же время стали возникать и «Епархиальные Ведомости», поместившие на своих страницах в первое время довольно много дельных статей местных деятелей. Начало этим ведомостям положено было архиепископом Димитриев (по прогр. архиеп. Херс. Иннокентия) для Херсонской епархии и архиепископом Ярославским Нилом для Ярославской епархии в 1860 году. См. «Руководство для сельских пастырей», 1860 г., № 29: «Замечания о ход. епархиальных ведомостей».

⁵⁴ - При двукратном сокращении числа монастырей, некоторые из них, например, были обращены в казармы и другие вовсе нецерковные здания.

⁵⁵ - Нужно сравнить только содержание профессоров и учителей в

духовных академиях и семинариях с содержанием университетских профессоров и гимназических учителей, содержание православных духовно-учебных заведений вообще с содержанием подобных заведений католических, жалование православных священников при полках и жалование лютеранских пасторов на тех же самых должностях. Стоит обратить внимание и на то, что законоучителю везде полагается жалование меньшее, чем прочит наставникам в том же заведении и проч.

⁵⁶ - «Отечественные Записки», 1862 г., т. 143, «Современная хроника России».

⁵⁷ - А также и в светском журнале «Русский Вестник» в № 30 «Современной Летописи».

⁵⁸ - Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Св. Синода Ахматову, от 25 сентября 1862 года, «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета к епископу Савве от 30 марта 1862 г. следующего содержания: «возвращаю статью о первоначальном обучении народа. Простите, что умедлил. Можете внести ее в наше издание». «Письма митрополита Филарета», изд. археп. Тверским Саввой 1888 г., стр. 177. Эта статья в нескольких экземплярах была переслана митрополитом Филаретом к обер-прокурору Ахматову, (ibid. стр. 129, ч. II).

⁵⁹ - Однако митрополит Филарет все-таки указал, что в Саратове на содержание ученика римско-католической семинарии расходуется 75 рублей в год, а в том же городе на содержание ученика православной семинарии 32 руб. Жалования римско-католическому епископу в Саратове в год, 4,489 руб., православному епископу там же 700 руб.

⁶⁰ - См. т. II. Полн. собр. сочин. Хомякова, стр. 399 – 400, 8-ое письмо Пальмеру.

⁶¹ - См. статью «К вопросу об улучшениях в быте духовенства», «Правосл. Обозр.», январь 1862 года. Примечательно также понятие о приходе, высказанное автором ст. «Современные вопросы о братствах и приходских советах» в журн. «Христ. Чтение» за 1863 г., ч. I, т. 141. Автор, между прочим, говорит: «у нас до последнего времени один храм составлял связующий центр между прихожанами. Приходы наши составлялись, можно сказать, механически и для большей части прихожан принадлежат к тому или другой части города; никаких нравственных связующих целей и стремлений не было в нашей приходской практике. Идеал христианского прихода есть идеал общины, члены которой связаны между собой узами христианской любви, и любви, назидают друг друга, достаточные помогают бедным, умные и честные вразумляют неразумных

и уклоняющихся от долга веры и чести».

⁶² - Том III. смесь. стр. 90. В том же журнале помещена статья (1857 г., том IV, стр. 148) того же автора «Квартал». В этой статье автор, усматривая плачевное состояние общественной нравственности в городах и отсутствие связей между обывателями городских участков (кварталов), развивает свой проект об учреждении общественного самоуправления чрез выборных от обывателей квартала для дел, касающихся общественной нравственности (помощь истинно бедным и предоставление им работы), безопасности и здоровья. Статья «Приход» была перепечатана в газете «День», в 1864 году, в № 30.

⁶³ - Весьма интересно сопоставить эти возгласы писателя-мирянина с пожеланиями, высказанными духовным оратором в своем «Слове о духовном просвещении России», произнесенном в Казанской духовной академии 8 ноября 1858 года («Правосл. Собеседн.» 1858 года, т. III). Названный оратор между прочим говорил: «теперь Россия на заре своего возрождения. Итак, света и света, света духовного, вот чего требует религиозная жизнь русского народа по всем степеням ее».

⁶⁴ - Это воззрение сходится с мыслями Гоголя, высказанными им в письме в А. П. Толстому «О церкви и духовности» (1846 г.).

⁶⁵ - В пункт. 26 правил сказано: священники представляют совету о церковных и своих нуждах, но в рассуждении об удовлетворении последних не участвуют.

⁶⁶ - Установить разного рода пособия для духовенства и обеспечив его, таким образом, материально, правительство совершенно последовательно не признало права духовенства принимать от прихожан вознаграждения за исполнение какой бы то ни было духовной требы, кроме молебнов, панихид и поднятия святых икон на дом.

⁶⁷ - В 1861 году комитетом, учрежденным при Св. Синоде по предмету обеспечения духовенства западных епархий, был также составлен проект правил для открытия советов при тамошних церквях (в 9 губерниях). Эти правила составлены применительно к основным правилам для приамурского края, при сем в пункте «ж» относительно ведения и распространения приходскими советами церковными доходами и расходами повторяется статья 29 приамурских правил.

⁶⁸ - Подлинный протокол повторяется статья 29 приамурских правил. Новгор. и С.-Петербург., Филофеем, еписк. Тверским, Дмитрием, еписк. Херсонским, Елпидифором, еписк. Вятским и протопресвитерами: Бажановым и Кутисеничем.

⁶⁹ - Относительно распоряжения советами церковным имуществом мит. Филарет заметил только нижеследующее: «статья 29 (приамурских правил) вверяет приходскому совету ведение свечного и кошелькового сбора и отчетность. Посему понадобится совету канцелярии и, может быть, бухгалтерия. Надобно оставить церковное хозяйственное писмоводство в руках причта и церковного старосты, как везде. Совет пусть проверяет это ежемесячно и в конце года. «Собр. мнен. и отз. м. Филарета», т. V, ч. I, стр. 286 – 298.

⁷⁰ - Дело Св. Синода по Сибирскому комитету, № 68 сдаточной описи и № 1817 архивн. описи 1858 – 1863 гг. См. переписку митрополита Филарета с обер-прокурором Ахматовым в «Собрании мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр. 286 – 302.

⁷¹ - Арх. Св. Синода, бумаги митрополита Филарета, № 93.

⁷² - Весьма важно иметь в виду, что 24 января 1863 года Высочайше повелено: при передаче церквей и духовенства южных поселений в непосредственное заведывание епархиального начальства, суммы, принадлежащие церквам, оставить в ведении сельских церковных советов («Странник», 1863 г., февр., хроника). 28 января 1868 г. церковные советы в приходах бывших пахотных солдат преобразованы в приходские попечительства (см. Церк. лет. «Духовной Беседы» за 1868 год).

⁷³ - Именно митрополит Филарет заявил: «по 10 правилу ведению церковных советов подлежат все суммы церковные и, как показывают сношения с Киевской и Херсонской епархиям, в числе прочих и свечные. Сим также нарушается Высочайшее утвержденное постановление о свечном сборе в пользу духовенства и особенно духовных училищ».

⁷⁴ - Арх. Св. Синода, бумаги митрополита Филарета, № 93 и «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр. 286 – 302.

⁷⁵ - «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр. 231 – 238, 214 – 320.

⁷⁶ - «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. III, стр. 416.

⁷⁷ - «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр. 231 и послед.

⁷⁸ - Письма митрополита Филарета к А. Н. Муравьеву (Киев, 1869 г., стр. 567).

⁷⁹ - «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета», т. III, стр.

98.

⁸⁰ - В 1800 году московские старообрядцы при прошении подали митрополиту Платону пункты об устройении им церкви и о снабжении их правильными священниками. Как известно, все эти пункты в существенных чертах были признаны митрополитом «приемлемыми», причем он выразился, что «приобретение мира церковного есть важнее всего». Затем, пункты эти были Высочайше утверждены 27 октября 1800 года. Впоследствии в указе, от 5 апреля 1845 года, Св. Синод определил «подтвердить всем епархиальным начальствам, чтобы они наблюдали непременно и со всей точностью за исполнением Высочайше утвержденных в 1800 году правил митрополита Платона, чтобы посему ни в богослужении единоверцев, и в церковно-хозяйственном порядке, ни вообще в обычаях, церковью дозволяемых, не допускалось никакого им стеснения и не делалось никаких нововведений, чтобы в делах единоверческих церквей не было допускаемо никакого участия ни духовных консисторий, ни других духовных начальств, кроме одного преосвященного, и чтобы все таковые дела преосвященный решал сам, для исполнения же своих распоряжений и для ближайшего надзора за единоверческим духовенством и паствою назначал благочинного из среды того же духовенства»,

⁸¹ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. I, стр. 151, 186, 340.

⁸² - Собр. мнен. и отзыв. Митр. Филарета, т. V, стр. 382 и 231. Митрополит Филарет указывает также, что лица высших сословий не принимают должности церковных старост. Хотя в другом месте при разборе доклада особого присутствия, от 16 марта 1863 г. за № 2, митрополит Филарет и говорит, что на учреждение старост брошена тень осуждения напрасно, но очевидно, что московский владыка здесь защищал институт церковных старост только от чрезмерной критики Присутствия. См. Арх. Св. Синода. Бумаги митр. Филарета, № 98, и собр. мнен. и отзыв. митр. Филарета, т. V, ч. I, стр. 462 и послед.

⁸³ - Здесь мы только скажем, что, к сожалению, при начертании правил о приходских попечительствах даже такое допущение контроля приходского управления над церковными имуществами и суммами, которое находил полезным митрополит Филарет, было отклонено, и попечительства были совершенно устранены, как от заведывания и распоряжения этим имуществом и деньгами, так и от контроля над ними.

⁸⁴ - «Сельское благоустройство», 1858 г., № 9, «Некоторые черты

будущего сельского управления», князя Черкасского. «Журнал земледельцев», 1858 г., № 10, «Об устройстве крестьян Сапожковского уезда».

⁸⁵ - Скребицкий «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», Бон на Рейне, 1861 – 1862 гг.

⁸⁶ - О смелости проекта отца Гумилевского можно судить по письму баронессы Раден к К. Д. Кавелину, от 11 марта 1864 года. В этом письме баронесса Раден, между прочим, пишет: «в настоящее время графиню Антонину Блудову озабочивает учреждение братства (в Остроге) для поддержания в западных губерниях русского и православного элемента. Следует ли прибавлять, что он преодолела тысячи затруднений, начиная с названия «братства», которое представляется опасным, и кончая малейшими подробностями устройства». «Из жизни К. Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862 – 1864 годах», «Русская Мысль», апрель 1900 г. См. также «официальные возражения против предположений об учреждении в начале 60-х годов в С.-Петербурге братства при Исаакиевском соборе», рукоп. сборн. митр. Исидора, № 60.

⁸⁷ - Весьма интересно сопоставить мнения, высказанные в статье «Заметки приходского священника» Лебедева, в журнале «Душеполезное Чтение» за 1861 год. Автор, между прочим, говорит, что священник может сделать очень многое в своем приходе, когда сами прихожане или, по крайней мере, влиятельные из них, не останутся равнодушными к цели и обязанностям его служения и будут содействовать ему своим уважением у его правам, своим вниманием и сочувствием к его законным и разумным требованиям и внушениям. А это все в полной мере возможно только в том случае, когда истинное христианское образование распространится во всех классах общества и проникнет в нашу плоть и кровь.

⁸⁸ - В «Киевских Епархиальных Ведомостях» (1862 г. № 1 + 6) указывалось, что св. Кирилл и Мефодий были именно народными учителями, и поэтому предлагалось сделать 11 мая днем празднования для сельских школ. Подобный проект развивался также в газете «День».

⁸⁹ - В февральской книжке «Душеполезного Чтения» за 1862 год напечатана была статья священника Сперанского «О древней и современной нам христианской благотворительности», в которой проводилась с замечательной ясностью и полной удобоприложимостью мысль об учреждении в православных приходах попечительных советов о приходских бедных. Эта статья, между прочим, и навела священника Ключарева на мысль и воодушевила прихожан Казанской церкви (в

Москве) учредить такой совет при названной церкви (см. мартовскую книжку того же журнала за 1862 год).

⁹⁰ - Сам митрополит Филарет был сторонником развития братских учреждений на приходской почве, как в этом, между прочим убеждают назидательные мысли его об учреждении «веропроповеднического братства» для образования проповедников, причем почетными попечителями такого братства он допускал как духовных, так и светских особ; см. донесение митрополита Св. Синоду от 17 мая 1860 года. Собрание мнений и отзывов, т. IV, стр. 533. См. также статью «Деятельность митрополита Московского Филарета в холеру 1830 – 1831 года». И. Корсунского «Прибавление к творениям св. отец», ч. 39, 1887 года.

⁹¹ - «15 сентября 1862 года исполнилось столетие Благовещенской церкви, получившей первое освящение от новоявленного угодника Божия святителя Тихона Задонского», писали в своем прошении священнослужители этой церкви. В ознаменование этого торжественного события они, по согласию с прихожанами, и постановили учредить благотворительное общество.

⁹² - См. подробности в журнале «Дух Христианина», сентябрь, 1863 года, «современное обозрение», также «Душеполезное Чтение», апрель 1863 года, т. II, «летоп. листок». Отметим также, что в начале шестидесятых годов в Москве устроилось «братолюбивое общество» с целью доставлять бедным людям дешевые квартиры («Душеполезное Чтение», январь 1863 года, «известия»).

⁹³ - Подробности об этом замечательном «приходском братстве» можно почерпнуть из летописи, веденной отцом Гумилевским и напечатанной в журнале «Дух Христианин» за 1862, 1863, 1864 и 1865 годы (в особенности см. май – июнь 1864 г. и март – май 1865 г.). Деятельность священника Гумилевского может служить примером того, что в состоянии сделать приходской священник, когда он находится в тесном духовном единении со своим приходом. Отец Александр Васильевич Гумилевский скончался 20 мая 1869 года, 38 лет от роду. В небольшом некрологе, помещенном в журнале «Христианское Чтение» 1869 года, ч. I, между прочим, говорится: «он первый поднял вопрос о выборном начале в духовенстве», и его голос нашел себе сочувствие прежде всех в митрополите Киевском Арсении; он первый также печатно заговорил об учреждении у нас братстве и свое слово первый же сам подтвердил делом, учредив «Христорождественское братство» в

Петербурге; по его примеру учреждены во многих местах другие братства и даже приходские попечительства; он первый потом печатно осмелился восстать против злоупотреблений в наших училищах (третные явки) и в духовных консисториях. См. биографические подробности об Александре Васильевиче Гумилевском в книге Н. А. Скороботова «Приходский священник А. В. Гумилевский», 1871 г.

⁹⁴ - См. «Дух Христианина», декабрь 1861 г., июнь 1862 г.; «Духовная Беседа», «церковная летопись», ноябрь и декабрь 1861 г., июнь 1862 г.; «Христианское Чтение», 1863 г., ч. 1, № 141, «современные вопросы о братских и приходских советах».

⁹⁵ - «Православное Обозрение», апрель – июль, 1861 года.

⁹⁶ - Весьма интересная статья Крыжановского «Очерки быта малороссийского сельского духовенства в XVIII веке» помещена в журнале «Руководство для сельских пастырей», 1861 г., №№ 39, 49 и 51. В этой статье автор приводит сведения об автономии малороссийских приходов в древности.

⁹⁷ - Об открытии в 1863 году «братств Черниговской епархии» см. «Черниговские епархиальные известия» за тот же год, № 9.

⁹⁸ - «Странник», ноябрь 1863 г., «хроника», и 1864 г. август, «хроника».

⁹⁹ - Сведения о существовании древних братств у нас на юге, именно в Подольской губернии, Ольгопольского уезда, дошли до Батюшкова от местного священника еще в 1859 году.

¹⁰⁰ - Списки братства помещены в №№ 46 и 52 газеты «День» за 1863 год и в № 5 и 8 за 1864 год.

¹⁰¹ - Воззвание о пожертвовании на церкви Минской губернии было сделано Кояловичем в 1864 году. См. также статью Амосова «Путевые заметки» в «Духовном Вестнике» 1863 года о желательности восстановления братств. Те же мысли в статье Уманца: «О некоторых улучшениях в духовном ведомстве», «Отечественные Записки», 1862 г., № 143. Здесь мы кстати приведем, что и в светской литературе обращено было внимание на историческое происхождение братских учреждений; упомянем о статье Соловьева: «Братчины» («Русская Беседа», 1856 г., кн. VI) и А. Попова «Пирьы и братчины» (в Арх. ист. и юридич. свед. Калачева, т. II, стр. 30). См. также «Духовный Вестник», 1862 г., т. II.

¹⁰² - См. «труды Киевской Духовной Академии», 1863 г., т. II, заметка «О предоставлении священнику полного участия в «мирских» интересах и

права ходатайства по «мирским» делам».

¹⁰³ - По мысли князя Ширинского-Шихматова «прямое непосредственное участие общества в собственных своих делах (церковных_ будет иметь благотворные последствия: интересы церкви и школы войдут тогда в жизнь народа».

¹⁰⁴ - «Душеполезное Чтение», 1863 г., декабрь, «известия».

¹⁰⁵ - «Письма митрополита Филарета», изд. епископа Саввы, т. II, стр. 247.

¹⁰⁶ - См. газету «День», 1863 г., № 19, «Воззвание к Русским из Западно-русского края» и № 28 «Из Вильны».

¹⁰⁷ - Еще 24 янв. 1856 г. ст. секр. Танеев внес по высочайшему повелению в комитет министров всеподданнейшую записку киевского генерал-губернатора князя Васильчикова, заключающую обзор положения всего края, и в статье о православной церкви и духовенстве Государь отчеркнул слова: «в тамошнем крае необходимо возвысить духовенство морально и материально» и надписал: «обратить на этот важный предмет особое внимание». Имея в виду соображения киевского генерал-губернатора об улучшении быта духовенства юго-западного края, министр внутренних дел высказал в 1861 году предположение, что православная церковь и православное духовенство не займусь в западном крае места, соответствующего их достоинству, до тех пор, пока в самом сосредоточении государства это же самое духовенство останется в том положении и на том уровне, на котором оно ныне находится. Дела присут. по дел. прав. духов. № 2.

¹⁰⁸ - Из письма митр. Филарета к об.-прок. Ахматову видно, что мнение о пользе введения членов духовенства в государственный совет разделяли: митр. Киевский Арсений и епископ полтавский Иоанн. См. письма митр. Филарета, изд. епископа Саввы, ч. II, стр. 138.

¹⁰⁹ - Собр. мнен. и отзыв. митр. Филарета, т. V, ч. 1, стр. 172 – 181.

¹¹⁰ - Ц. С. З., № 39481.

¹¹¹ - Собр. мнен. и отзыв. митр. Филарета, т. V, стр. 172, 179, 359. В письме к об. прок. Св. Син. Ахматову, от 8 мая 1863 г., митрополит писал: «на нас возлагают дела, одно другого менее удобные к разумению и исполнению. Вверяют попечение об улучшении быта духовенства. Но где средства? Указываемые средства обещают много труда и мало плода».

«Русск. арх.», 1890 года, № 11, стр. 353 и послед.

¹¹² - Собран. мнен. и отзыв митропол. Филарета, т. V, стр. 359 и 360.

¹¹³ - Письма киевс. Митроп. Арсения Москвина к архиеписк. костромскому Платону. «Рус. арх.» 1892 года, кн. II, стр. 200 и послед. См. письма за № 9 – 18, 23, 27, 28, 29, 30, 35, 38 – 40.

¹¹⁴ - Письма к митр. Филарету, изд. Львова, 1900 г., стр. 298. Как известно, обер-прокурор Св. Синода Ахматов, боясь возбуждения в обществе неосуществимых надежд, также не хотел «чтобы высочайшая воля об учреждении комитета была обнаружена».

¹¹⁵ - См. биографию импер. Александра II в Рус. биограф. слов. Под рубрикой «церковь», стр. 734. См. критические отзывы о действиях присутствия в газете «День», 1863 г., № 4, 17 и 1864 г. № 7.

¹¹⁶ - По вопросу о материальном обеспечении православного духовенства накопился ценный материал в синодальном архиве, состоящий из донесений местных преосвященных и губернских присутствий. В этих донесениях содержатся подробные сведения о состоянии наших православных приходов, обычаев, регулирующих отношения духовенства к прихожанам, и высказывается нередко мысль о необходимости возбуждения общественной инициативы в церковно-приходских делах. Так, например, в донесении Вятского губернского присутствия, между прочим, упоминается о следующем обычае, существующем в Вятской епархии: «прихожанин, дающий руну, считает вообще дома духовенства таким местом, где он, приезжая в село, имеет право во всякое время остановиться и требовать себе пищи, питья; и это совершенно неизбежно для духовенства в тех селах, где, кроме домов духовенства, нет других домов обывательских, а таких сел в Вятской епархии весьма много. Таким образом значительная часть сборов расходуется духовенством на самих прихожан. В донесении Вятского преосвященного Агафангела (Соловьева) содержатся важные указания о лучшем обеспечении в России со стороны казны римско-католического и даже магометанского духовенства, нежели православного («Дело присутствия по соображениям об улучшении быта духовенства епархии Вятской», № 28).

¹¹⁷ - «день» – 1862 г., № 45 и 50; 1863 г., № 13, 17, 19 и 27 «Москов. Ведом.» 1863 г., № 17, 116, 130; 1864 г. № 30. См. также «Голос» 1863 г., № 105, 150, 275, 327. «С.-Петербур. Вед.» 1863 г., № 135 и 1864 г. № 100; «Современный листок» 1863 г., № 2, 9, 14, 33; 1864 г., № 41, 42, 68, 71; 1865 г. № 56 и др. Из статей свет. журналистов по вопросу об улучшении быта духовенства укажем на статьи «Русск. Вестн.» 1863 г., т. XLVII, стр. 479 – 481, и т. XLVIII, стр. 503 – 506, «Отечест. Записки» 1862 г., № 7 и 8.

«О некоторых улучш. в духовн. ведомстве». Из статей духовных журналистов, кроме «Прав. обозрение», по этому вопросу укажем: 1) «Воскресн. Чтение» 1863 г., № 20 и 21, «Наше духовенство как сословие в отношении к прочим сословиям общества»; 2) «Дух Христ.» 1863 г. (февраль) «К вопросу об улучшении быта правосл. духовенства» Ткачева; июнь «Письма о духовенстве» свящ. Свирелина (стоит за жалование священникам от правительства и от прихода); ноябрь «Косвенные средства для улучш. матер. быта прав. духовенства», свящ. Покровского; 3) «Руководство для сельских пастырей» 1863 г., №№ 11, 16, 17, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 32 («Русское бело духовенство как сословие»); 1864 . №№ 1, 2, 5, 13; 4) «Странник» 1863 г., т. I. «О способах содержания духовенства» (свящ. Матвеевского) и в т. III свящ. Остромысленского «Обозрение источников и средств у улучшен. быта сельского духовенства (сент.); 1865 г. т. IV, «Мысли об улучшении быта духовенства» арх. Анатолия; 5) «Духовн. Вестник» 1862 г., т. III, «К вопросу об улучшениях в быту духовенства» свящ. Лащенко; 1863 г., т. V, «Заметки по вопросу об улучш. в быте духовенства» свящ. Феодоровича; «Откуда можно заимствовать суммы для жалованья духовенству» свящ. Чижевского; т. VI, «К вопросу об улучш. матер. быта приходского духовенства» свящ. Агнивцева, 1864 г., т. VII, «Вопрос об улучш. быта духовенства» свящ. Красовского. По поводу статей свящ. Чижевского, т. VIII, «Несколько слов по предмету улучш. быта духовенства» 1865 г., т. X, «По вопросу об улучш. быта духовенства»; т. XI, «К вопросу о содержании приходского духовенства» свящ. Красовского; т. XII, «Современное положение вопроса об улучш. матер. быта правосл. духовенства»; 6) «Христ. Чтение» 1864 г., № 144, «К вопросу об улучш. быта правосл. духовенства». В епархиальных ведомостях за время 1863 и 1864 годов помещено весьма много статей по вопросу о материальном обеспечении православного духовенства. Отметим некоторые из них. Калужские епарх. вед. 1863 г., № 4, 12, 14 («О содержании духовенства от сборов за требы»). «Киевская епарх. вед.» – 1863 г., № 7, 8, 10, 14, 19, «Об улучшении быта духовенства», где представлены статистические данные, что в России одно лицо духовного сословия приходится на 85 человек, а один священник на 1365 человек. В № 23 помещена статья «О содержании городского духовенства», 1864 г., № 16; 1865 г. № 3 «О движении и развитии с 1864 года вопроса об улучшении быта духовенства». «Подольские епарх. вед.» 1863 г., № 10, 12, 14, 16, 17, «Об обеспечении материального быта духовенства», 1864 г. № 5, 7, 11. «Полтавские епарх. вед.» 1863 г., № 10 и 11 «Об улучш. быта духовенства», где автор высказывал мнение о пользе

для духовенства владения именно землей, ценность которой постоянно возрастает. В № 14 помещена статья «Голос из села о средствах к улучшению быта духовенства». «Тульские епарх. вед.» 1863 г., № 8, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, «Заметки об улучшении быта духовенства», см. также № 10 «Черниговские епарх. вед.» 1864 г., № 7 «О фундушевых средствах обеспечения духовенства».

¹¹⁸ - Надо заметить, что вообще в статьях Аксаковского «Дня» проводилось то начало, что развитие духовной жизни нашего народа должно быть свободно, по долгу совести, в духе православной церкви, которая должна пользоваться присущей ей независимостью». «Пора перестать думать (писали в газете «День» в 1863 г., № 31), что светскому обществу нет никакого дела до духовенства, а духовенству – до светского общества. Нельзя считать духовные интересы чем-то совершенно чуждым людям светским и нельзя им ограничивать свои отношения одной формальной стороной. Несомненно, что общество, чуждающееся религиозных интересов развивается крайне односторонним образом, живет не полной жизнью и все более и более погружается в заботы об одном материальном благосостоянии» («День» 1865 г., № 51 и 52). «Наш русский мыслящий класс» (говорилось в замечательной статье «Дня» за 1865 г., № 1, «О движении религиозной мысли образованного класса в России») «еще не жил вполне сознательно религиозной жизнью. У нас, в светском обществе, образованные люди разделяются или не безотчетно преданных православию, или на безусловных отрицателей с полным безучастием к религиозным вопросам. Религиозное невежество наших образованных классов поразительно, только в религиозной сфере наш образованный класс остается неразвитым по-прежнему; в одной этой области историческими обстоятельствами задержано его развитие. В религиозной области наш простой народ трудился один. Надо потрудиться теперь образованному классу».

¹¹⁹ - Эти мысли разделялись, между прочим, журналами: «Христ. Чтен.» (1869 г. № 155 «Соврем. Обзор.» и «Дух. Христ.» 1863 г., ноябрь «Духовная журналистика»).

¹²⁰ - «С.-Петербург. Ведом.», 1865 г., № 234. Весьма характерные укоры сделаны одним русским лютеранином в журнале «Радуга» (1865 г., март) русскому обществу по поводу нищенского содержания православного духовенства. «У нас, лютеран, главная забота составляет, чтобы не нуждались наши духовные, и мы никогда вообразить себе не можем, чтобы они могли дойти до такого скорбного состояния, как духовенство

православное». Далее он указывал, что православные одни в целом свете отличаются неуважением к своему духовенству. О бедности русского духовенства по сравнению с материальным достатком духовенства других вероисповеданий, см. стат. Щербины «Народная грамотность», № 6 «Рус. Вест.», 1853 год.

¹²¹ - «Сев. Почта», 1865 г., №221; «Дух. Христ.», 1865 г., август, «Совр. обзор.».

¹²² - Дело об учреждении комитета для рассмотрения проекта о преобразовании духовно-учебных заведений. Арх. св. синода 1860 г.

¹²³ - «Заметки» в Труд. Киев. Дух. Акад., 1863 г., июнь.

¹²⁴ - За такое разделение богословских и общеобразовательных наук, за слияние духовной школы со светской и за учреждение специальных богословских курсов, особенно ратовали светские журналы и во главе их газета «День» и журнал «Русский Вестник»; см., например, статьи «Дня» за 1863 год, №№ 8, 12, 17, 19, 20, 46, 1865 г. № 1, 28, 40. «Русский Вестник» 1863 год, октябрь «Об улучшении быта духовенства»; см. замечания редакции этого журнала, стр. 475. Литература по этому вопросу весьма обширна. Мы укажем на некоторые сочинения: 1) «По вопросу о преобразовании духовных училищ» Белавина, «Прав. Обзор.», февраль 1861 года (тоже, август и ноябрь); 2) «Мысли по случаю современных толков о духовных семинариях и духовенстве», «Странник», 1861 года, т. 1; 3) «О преобразовании духовных училищ» Шестакова, «Русская речь», 1861 год, № 25; 4) «К толкам о семинарском образовании» Певницкого, «Труд Киев. Дух. Ак.», 1861 года, т. II; 5) «О низших духовных училищах» Елеонского, «Дух. Христ.», 1862 года, сент. и ноябрь; 6) «По поводу вышедшей за границей книги “Об устройстве дух. училищ из России”, «Прав. Обзор.», 1862 г., ноябрь; 7) «О недостатках семинарских испытаний» Покровского, «Дух. Христ.», май 1862 – 1863 г.; 8) «Воскресен. Чтен.», 1863 год, № 22 – 25; 9) Статья Янковского «Литов. епарх. вед.», 1863 год, № 9 и 15; 10) «Прав. Обзор.» 1863 г., № 8 («Семинаристы-чиновники»); 11) «С.-Петер. Вед.» 1863 год, № 186 и 1865 (17 июля); 12) «О преобраз. дух. учеб. Заведений», «Прав. Обзор.», 1865 год, январь. Упомянем также о появившемся в 1862 г. в Лейпциге, на русском языке, сочинении: «об устройстве духовных училищ в России». Сочинение это включает в себе критику духовных училищ и управления ими, т. II, стр. 210 и послед.

¹²⁵ - «Труд киев. дух. акад.» 1864 год, октябрь, «Что могут ожидать в будущем наши духовно-учебные заведения»; 1865 г. ноябрь,

«Необходимое объяснение». Вместе с этим спором о назначении духовных и светских училищ поднимался другой важный вопрос, а именно о расширении курса богословских наук в наших университетах, в видах распространения прочного и серьезного религиозно-нравственного образования в нашем обществе.

¹²⁶ - Весьма интересно знать, что намерение составить свод церковных узаконений уже выражено было в 1827 году (как писал митрополит Филарет 9 августа 1827 года), «но другие занятия комиссии духовных училищ не позволили доньше исполниться сему предприятию со многими трудностями сопряженному» (Собр. мнен. и отзыв. митр. Филарета, Т. IV, стр. 221).

¹²⁷ - См. например, статью в газете «День», 1862 г., № 30. Также см. статью «О безбрачии и монашестве к избранию в сан епископа» в «Прав. Обзор.» 1862 года; статью «О монашестве епископов», арх. Иоана в жур. «Прав. Собес.», 1863 г., № 4 – 6, и статью «О сани епископом в отношении к монашеству в церкви восточной» в «Приб. к твор. св. отец» за 1862 г., т. III. В этой статье приводится целый перечень Константинопольских иерархов, которые в течение V – VII веков, до начала иконоборства, возводились на константинопольский престол из клира константинопольского и не обязывались к жизни безбрачной или к пострижению в монашество (стр. 345 – 353); в конце исследования однако высказывается, что нельзя признать справедливым мнение о возможности возведения в сан епископа из не монашествующих. Особенно сильная критика монашеского строя помещена в сочинении, изданном в 1866 г. в Лейпциге «О православном белом и черном духовенстве в России», см. т. I, стр. 85, 470 и т. II, стр. 541, 638.

¹²⁸ - См. «День» 1863 г. № 27 «По вопросу об улучшении быта духовенства». См. за тот же год № 17 «Разоблачения консисторских порядков»; в особенности № 40, статью Никитского об отношении между духовенством и его начальниками; в этой статье, между прочим, осуждаются земные поклоны духовенства пред высшими начальствующими лицами. См. статьи того же автора в газете «День», 1864 г., № 19 – 20. В статье Троицкого «К вопросу об улучшениях в быте духовенства» («Прав. Обзор.», янв. 1862 г.) также указывалось на то, что во многих епархиях при замещении церковно-служительских должностей имеют большое значение стороннее ходатайство, связи и протекции. См. также критику церковной администрации и указание на вред полного подчинения белого духовенства черному в ст. Уманца, в «Отеч. Зап.», 1863

г., т. 143. Догматическое законодательство неизменно, но способ управления епархией может и должен изменяться сообразно состоянию управляемого общества. Изменение это тем более необходимо, что вопрос об администрации нашего белого духовенства касается не одних только священников, но и всего православного населения, всех классов нашего общества. Автор предлагает обновление состава консисторий посредством избрания в члены особенно заслуженных и почитаемых священников, причем полагает необходимым для сего периодические съезды местного духовенства и мирян. Несколько позднее, а именно в 1875 году, в «Сборн. государств. Знаний» (т. II) под редакцией Безобразова, помещена статья проф. протоиер. Горчакова «Научная постановка церковно-судного права», и в ней, между прочим, автор, определяя, что органы церковного суда в делах личной нравственно-религиозной жизни суть епископы и священники, заявлял, что епископы не должны иметь власти в этом отношении больше священников, и сообразно сему проектировал упразднение непосредственного архиерейского суда над священнослужителями, о чем гласит ст. 165 уст. Дух. консисторий. См. критические заметки об епархиальном управлении по отношению к белому духовенству в книге «О правосл. бел. и черн. духов. в России» (Лейпциг, 1866 г.) т. I, стр. 517, т. II, стр. 576.

¹²⁹ - См. в том же журнале (1862 г., т. III) статью «По поводу некоторых журнальных толков». В этой статье появилось обстоятельное возражение на мысль, что введение выборного начала в церковной администрации, будто бы не согласно с духом христианского учения. Название главного храма «собором» происходит именно от этого «союза» священников с целью самоуправления. В особенности любопытно мнение одного из архипастырей, высказанное им в статье «О выборном начале в приложении к благочинным» (в «Чтен. общ. любит. духов. просвещ.» 1868 г., кн. V). Автор признает, что выборное начало глубоко лежит в самом духе и основе церкви Христовой и было в приложении к делу в самые первые времена ее. См. также интересную брошюру священника Михаила Морощкина «Выборное начало в духовенстве» (СПб, 1870). Изучение синодального архива Особого Присутствия укажет, что не только журналисты, но и многие епархиальные начальства свидетельствовали о непригодности всего строя епархиальных начальств, о непригодности всего строя епархиальной администрации, о придавленности вследствие сего духовенства, зараженного пороками лицемерия, боязливости и апатичности.

¹³⁰ - Скучное жалованье консисторских чиновников, доходившее до суммы 100 – 300 руб. в год, было увеличено штатами утвержденными 25 марта 1869 года (П. С. З., № 46899).

¹³¹ - См. также статьи: свящ. Свирелина «О выборном начале в духовенстве», «Дух. Христ.» 1863 год, июль («выборное начало для нашего возвышения и влияния на общество, – говорил автор, – должно быть поставлено во главе всего»); свящ. Феодоровского «Заметки об улучшении быта духовенства», «Дух. Вест.» 1863 г., т. V; тот же журнал за 1864 год, февраль «Журналистика». См. также «Руководство для сельских пастырей», 1863 г., № 3. Особенно любопытно описание первого сборника в Минской епархии Мальшевского в «Труд. Киев. дух. акад.» 1866 г., март. Акт благочиннического собора Минской губ., Речицкого уезда, 17 декабря 1863 года. «Собор такого рода не случайное явление, вызванное местными обстоятельствами; это без сомнения плод давних не вовсе истребленных преданий, результат иных, мало знакомых нам условий жизни. Двенадцать сельских священников брагинского благочиния собрались в присутствии благочинного вкуче и приступили к обсуждению предметов, касающихся дел веры, православной церкви и отечества, записывали свои решения в протокол и приняли его в руководство на будущее время. Мы не можем и представить себе, чтобы несколько священников великорусской епархии осмелились без разрешения начальства съехаться с какой бы то ни было благой целью».

¹³² - См. «Прав. Обзор.» апрель 1869 года и статью «О выборном начале в приложении к благочинным». «Чтен. в Москов. Общ. любит. дух. просвещ.» 1868 г., книга V. В отчете обер-прокурора Св. Синода за 1866 год указывалось, что предварительный выбор на благочиннические места предоставлен самому духовенству в 11 епархиях.

¹³³ - Уже одно то обстоятельство бросалось в глаза, что православное духовенство в своих гражданских правах стояло ниже протестантского и даже магометанского духовенства, пользовавшегося – первое привилегией личного дворянства, а второе – почетного гражданства, когда этих прав не имело духовенство «господствующей церкви».

¹³⁴ - См. также «Современный Листок» 1868 года, № 59; «Киев. епарх. вед.», № 7; «Калуж. епарх. вед.» 1864 года, №№ 10, 11, 12 («О гражданских правах духовенства»); «Черниг. епарх. вед.» 1864 года, № 5.

¹³⁵ - П. С. З. 1867 г., № 44610.

¹³⁶ - П. С. З. 1869 г., № 46974.

¹³⁷ - По этому вопросу см. статьи: священ. Феодоровского «Заметки»

в «Духов. Вест.» за 1863 г., т. V, в который автор ратовал за допущение священников с правом голоса в общинные сельские и городские сходы; Хвостова «Несколько соображений о предстоящем духовенству участии в земских делах», «Прав. Обзор», апрель 1864 года; свящ. Баратинского «О новом устройстве земства», «Духов. Вест.», январь 1864 года; «Вопрос об улучшении быта духовенства в связи с земскими учреждениями», «Руков. для сельск. паст.» 1864 г., №№ 19 – 21; «К тому, что было говорено об общественном положении духовенства», тот же журнал, за тот год, № 14, 16, 22; «Духовенство и земство», «Дух Христ.» 1765 г., сентябрь; «Современ. Листок» 1863 г., № 39 и 1864 г. № 14 и 15; «Сын Отечест.», 1864 г. № 67; «Костр. губ. вед.» 1864 г., № 42, неоф. Часть; «Голос» 1864 г. № 124; «Калуж. епарх. вед.» 1864 г. № 11 – 12; «Чернигов. епарх. вед.» 1864 г. № 5.

¹³⁸ - Свящ. Думитрашко в стат. «Несколько слов о причетниках» («Дух. Вест.», 1863 г., т. IV) также замечал, что священник никогда не будет и может быть обязательным наставником в школе.

¹³⁹ - Литература по этому предмету весьма обширна. Мы укажем только на некоторые статьи: 1) «Странник» 1861 г., т. I «О необходимом условии истинного образования русского народа»; 2) «Где взять учителей для сельских школ», Беляева, в газете «День» 1861 г., № 9; по проекту автора, кончившие курс в семинариях прежде поступления в священники и диаконы должны два-три года послужить в дьячках и пономарях, с неперемной обязанностью быть народными учителями; см. Также № 14, 15, 18, 20 и 22; 3) «Жизнь и школа», «Труд Киев. дух акад.» 1862 г., т. I; 4) «Движение в духовенстве по делу народного образования» в «Современной Летописи», 1862 г., № 38; 5) «Об участии духовенства в деле народного образования» свящ. Рождественского в «Чтен. общ. любит. духов. просвещ.», 1863 г.; 6) «Духовенство и народное образование» в «Прав. Обзор.» 1862 г., № 2. См. также сочин. Благовидова об отношении духовенства к народному образованию.

¹⁴⁰ - По этому вопросу см. статьи. 1) «Духов. Беседа» 1863 г., т. XIX, № 38. 2) «Москов. Вед.» 1863 г. № 180 (письмо приходского священника). 3) «Дух Христ.», 1861 г., декабрь, свящ. Свирелин «О церковной проповеди». 4) «День» 1863 г., № 30 (говорилось о необходимости сравнить наше православное духовенство в правах и преимуществах с римско-католическим духовенством, по крайней мере в отношении к проповедничеству; см. тоже № 38 за 1865 год. См. также статью священника Баратынского «О постепенном ухууд. быта прав. духов.»

(«Духов. Вестн.» 1865 г., апрель).

¹⁴¹ - Архив Высоч. утв. присут. по дел. прав. духов., 1863 г., № 17. В приведенной выше записке также указывалось, что есть такие повинности (напр., пособия при церковной постройке, подвоз топлива), которые могли бы существовать в приходе, если бы только высшие классы населения подавали пример участия в них низшим и если бы закон надлежащим образом определил обязанности прихода этим статьям.

¹⁴² - Общ. Полож. о крест., ст. 43 и 44.

¹⁴³ - См. некоторые подробности о действиях присутствия в ст. «Начало возрождения цер. прих. жизни в России», напеч. В «Рус. Вест.», янв. и март 1900 г.

¹⁴⁴ - Духовные журналы уже не раз заявляли, что прихожане охотно жертвуют на приходскую благотворительность, когда призываются к деятельному участию в этом деле, и становятся слишком хладнокровными к нему, когда участие их в этом деле хотят ограничить одними лишь пожертвованиями (см. «Дух Христианина», ноябрь 1863 г., «Наша духовная журналистика»).

¹⁴⁵ - Весьма сходные мысли и положения можно встретить в стат. священ. Рождественского «О приходской благотворительности» в «Правосл. Обозрении», июнь 1862 г.; между прочим, автор рекомендует общение и взаимопомощь между приходами.

¹⁴⁶ - См. его письмо к м. Филарету от 19 февр. 1866 г Письма, изд. Львова, 1900, стр. 470.

¹⁴⁷ - Сравни также приглашение митрополита Филарета настоятелям Московских церквей и старостам церковным в 1864 году, «Прав. Обозр.», июль 1864 года. Свечного сбора с московской епархии (наиболее богатой) показывалось официально меньше, чем в других более бедных епархиях. Это воззвание к «совести» очень характерно.

¹⁴⁸ - По каноническому правилу Феофила Александрийского, гласящему, что рукоположение должно совершаться среди церкви, в присутствии народа и при возглашении епископа, дабы мог народ свидетельствовать (Прав. 17).

¹⁴⁹ - «Дух Христианина», февраль 1865 года, «Журнальное обозрение».

¹⁵⁰ - Особенный интерес представляют замечания митр. Филарета на проект положения о попечительствах; см. Собр. мнен. м. Фил., V, т. I, стр. 462 и послед.

¹⁵¹ - См. «Заметки» «Прав. обозр.» (в отд. разн. извест.), в янв. и июн. книжках 1865 года (в от. «современ. обозрение»).

¹⁵² - См. «Дух Христ.», июль 1865 г., «внут. изв.», и «Странник», 1864 г., т. III. Об учреждении в г. Остроге, в 1865 году, Кирилло-Мефодиевского братства, с сохранением в его уставе древне-братских обычаев, сообщено было в выше; см. также «Дух. Вест.» 1865 г., т. XII и «Дух Христ.» июнь 1865 год и «Странник», июль 1866 г. (о пожерт. Особ царск. фам.).

¹⁵³ - Это заявление братства было принято неблагоприятно газетой «Голос» (1865 год, № 283); органом, по общей молве, министерства народного просвещения. По мнению газеты – средства государственного казначейства не могут быть источником возвышения окладов учителям духовно-учебных заведений. На это мнение последовал обстоятельный и любопытный ответ в «Труд. Киев. Дух. Акад.», ноябрь 1865 года, «Необходимое объяснение!

¹⁵⁴ - «Дух Христ.», август 1865 г., «Совре. обозр.». Укажем здесь, как в журналистике была понята разница между братствами и попечительствами. Так, в «Совр. Обозр.» журнала «Православ. Обзор.» за июнь 1865 года, автор статьи «Церковные братства и церковные советы» так определяет эту разницу: «попечительство – строго и точно на юридических основаниях организует целую приходскую общину, всех членов прихода поставляет в такие или иные обязательные отношения и направляет всю общину к благотворительным целям; начала, на которых образуются братства (а также советы) имеют по преимуществу нравственный характер, причем братства в большинстве случаев не ограничивают свою деятельность местными пределами данного прихода.

¹⁵⁵ - «Прав. Обзор.» февраль и май 1865 г. (в отделе заметок); «Орлов. Епарх. вед.» 1865 г., № 3; стат. о церковных попечительствах.

¹⁵⁶ - В отчете об.-прокурора за 1867 год указывалось, что учреждение приходских попечительств шло медленно в епархиях: владимирской, костромской, тамбовской, пензенской и воронежской, а в рижской совсем их не было. К 1870 году приходских попечительств числилось в 54 епархиях и Груз. экз. 6002, а к 1880 году в 55 епархиях и Груз. экзарх. – 11528; см. приложение к отчету об.-прокурор. Св. Синода за 1870 и 1880 годы.

¹⁵⁷ - «Прав. Обзор.», март 1866 год, заметки, стр. 137. О нравственном воздействии попечительств на прихожан см. отчет об.-прокурор. Св. Син. за 1870 г., стр. 131, где приводятся примеры из епархий: Смоленской, Тульской и Полтавской. Приведем еще один случай: в апреле 1865 г.

возник попечительный совет в селе Карчкодоме, Любим. у., Яросл. губ.; зная обычай, существовавший в приходе, посылать мальчиков в Петербург и Ригу в услужение по трактирам, ресторациям, харчевням и нахождение их без всякого присмотра и руководства, совет озаботился приисканием особых лиц в этих городах для наблюдения и попечительства за этими мальчиками. Движ. и совр. полож. вопроса об улучшении быта прав. духовен., «Рук. для сельских пастырей» № 10, 1866 год.

¹⁵⁸ - «Прав. Обзор.» апрель 1867 год, заметки, стр. 124; см. также о широких предположениях Новоспасского приходского попечительства (Смоленской губ.) стр. 128. См. о противодействиях к открытию приходских попечительств в Калужской епархии, «Дух. Вест.», 1866 г. февраль, стр. 303.

¹⁵⁹ - См. церков. лет. журнал «Духов. Беседы» от 30 ноября 1868 года, а также «Духовн. Вестн.» 1866 г., т. XV, сентябрь, стр. 113 – 115. Впоследствии продолжались такие же ходатайства земств о передаче доходов и расходов церкви и прихода в ведение приходских попечительств для усиления средств на благотворительность вообще; напр., такое ходат. поступило в 1882 году от Весьегонского уезд. земск. собр. (твер. губ.). Дело присутствия, 175.

¹⁶⁰ - См. «Прав. Обзор.», февраль 1870 г.; из отчета об.-прок. Св. Синода за 1868 года. Насколько Св. Синод, в середине 60-х годов, не допускал возможности проявления самостоятельности православного прихода в центральных местностях России видно из следующего факта, занесенного на страницы «церков. летописи», жур. «Духов. Беседа» за 1867 г. (стр. 748). Именно там обозначено, что Св. Синод, находя, что попечительства ни по цели, ни по составу своему не имеют значения самостоятельных, т. е. особых для прихода и приходской церкви установлений, запретил иметь попечительствам особые печати.

¹⁶¹ - См. Доклад Высоч. утв. присут. по делам прав. духов от 15 февраля 1865 года, № 11.

¹⁶² - Профессор киевской духовной академии Малышевский в своей статье «О церковно-приходских попечительствах» (Киев, 1878 г.), подвергая оценке эти правила, высказывает, что в характере этих учреждений, т. е. церковных советов для северо-западного края усматривалось некоторое недоверие к прежнему значению причтов в заведывании церковными имуществами и церковными доходами. Установился, говорит он, весьма властный контроль над ними по этому делу – в лице учреждения независимого от церковного ведомства, а почти

исключительно от гражданского. И как не быть такому недоверию (заметим мы), когда, напр., в статье «Распоряжение пензенского епархиального начальства об увеличении взноса прибыльной суммы от продажи свеч в церквях» (см. «Прав. Обзор.» окт. 1865 г., заметки, стр. 59) на основании тщательной проверки утверждалось, что в церквях пензенской епархии в течение года продавалось свечей не на 994 пуд. 4 ф., как показывалось в церковных книгах, а по меньшей мере 3.000 пуд., т. е. втрое больше. Следовательно, и прибыльной суммы от продажи свечей в церквях пензенской епархии должна бы представлять не 14 004 руб. 31 коп., как представляла тогда, а по крайней мере 72 000 руб., полагая прибыли круглым числом по 60 коп. на фун. – Интересно также прочитать в июньской книжке «Прав. Обзор.» за 1865 г. статью «Петербургские заметки», где автор, указывая на полное расстройство «прихода» в Петербурге, заявляет, что церковные хозяйства в городе требуют неотложного исправления. В действительности (говорит автор) распоряжается хозяйством настоятель со старостой, причем денежные обороты вносятся в приходо-расходные книги за целый год. Автор требует большего контроля и замечает, что тогда и старосты меньше бы сберегали денег на пожертвованиях в церкви от своего имени.

¹⁶³ - Мальшевский «О церковно-приходских попечительствах», стр. 49 сведение заимствовано из отчета об.-прокур. Св. Синода за 1869 г., стр. 115.

¹⁶⁴ - О слабости этого развития говорилось и в семидесятых годах (см., напр., статью «Вопрос о церковных попечительствах» в журнале «Беседа», 1872 г., т. XII), говорится и в настоящее время (см., напр., «Церковный Вестник», 1894 г., № 14 «По поводу предстоящего пересмотра положения о приходских попечительствах» и «Странник», февраль 1900 год, «Хроника епархиальной жизни»).

¹⁶⁵ - Подробности этого дела приведены в сочинении А. Папкова «Упадок православного прихода» (Москва, 1900 г.), стр. 38 – 46.

¹⁶⁶ - См., напр., стат. свящ. Агнивцева «К вопросу об улучш. мат. быта приход. духов.», «Духов. Вестн.», 1863 г., т. VI; свящ. П. Красовского «Вопр. об улучшении быта духов.», «Дух. Вест.», т. VII; свящ. Остромысленского «Обзор источников и средств к улучшению быта сельских духов», «Странник», 1863 г., т. III.

¹⁶⁷ - См. копию с журнала присутствия от 16 апреля 1869 года и копию с циркулярного отношения председателя присутствия к епархиальным преосвященным от 23 августа 1889 года. – «Странник» за

1869 г., ноябрь, «Хроника». При рассмотрении названного журнала весьма важно отметить, что постановлением сего присутствия вводилось звание настоятеля приходской церкви, с предоставлением сего звания старейшему по рукоположению священнику, а также проводился взгляд о несущественности диаконов в составе причта. Забвение диаконского звания и его обязанностей в церкви м мнение, что его дело ограничивается только участием в церковных службах – служить, по нашему мнению, явным признаком глубокого упадка православного прихода. Также большой новизной отзывается допущение присутствием вольнонаемных причетников, вместе с сокращением штатных причетнических вакансий, а равно и исключение должности просфорниц из штата. Предоставить настоятелю церкви со старостой и прихожанами содержать при церкви вольнонаемных причетников присутствие замечало при этом, что участие прихожан в церковном пении и чтении особенно содействует их религиозному образованию и возбудит в них ревность к исполнению их обязанностей.

¹⁶⁸ - В отчете Об. Пр. Св. Синода за 1880 год (см. стр. 169) прямо сообщалось, что в виду возникающих отовсюду заявлений о крайних для народа затруднениях и неудобствах от сокращения приходов и причтов, правило закона 116 апреля 1869 года не было применено в отчетном году ни к одной епархии, а в некоторых из тех 41 епархий, для которых новые росписания приходов уже составлен в предшествовавшие годы, делаемы были отступления в видах увеличения числа самостоятельных приходов. В другом месте отчета (стр. 95) указывалось, что сокращение числа приходов и штатов духовенства в целях расширения приходов и улучшения материального быта духовенства вообще не пользуется сочувствием православного населения, а в некоторых местах возбуждает даже ропот, производит охлаждение к церкви и неприязненность к духовенству. Вследствие сего Св. Синодом и даются разрешения на отступления от росписаний приходов и причтов на основании закона 16 апр. 1869 г.; так в 1880 году в 8 епархиях восстановлены 55 приходов. См. любопытный отзыв об этой реформе одного священника. «Руковод. для сельских пастырей» 1881 г., стр. 77 – 78; также статью Погодина «Лопасня», «Прав. Обозр.» 1869 года. Заметим также, что по закону 1869 года (п. с. з. 46.974) выработан нормальный штат каждой церкви, и именно в малочисленных приходах – из священника и причетника, а в многочисленных приходах – из главного священника (настоятеля) и младших священников, число же причетников согласуется в таком случае с числом священников. Приход имеет право на свои средства содержать и

диаконов и причетников (вне штата) – а равно в интересах прихожан законом постановлено допускает перемещение священников из прихода в приход только в редких случаях.

¹⁶⁹ - Здесь уместно будет также привести выдержку из письма А. Н. Муравьева к графу А. Д. Блудову от 11 августа 1869 года по поводу сокращения приходов. Муравьев указывал на то, что реформа эта вызвала всеобщее уныние в народе и заживо задела общее религиозное чувство, а потому называл ее опасной. См. «Рус. Арх.» 1881 г., т. II.

¹⁷⁰ - В статье «Упадок православного прихода» (стр. 61, 138 и 146) изложены соображения о том, что приведенное законоположение, стоящее в противоречии с екатерининскими законами о генер. межевании не вытекает из правил законов 26 июня и 6 декабря 1829 годов.

¹⁷¹ - Духовно-учебные заведения, по мнению Д. Ф. Самарина, государство должно взять на свое содержание и тем уплатить свой долг церкви по совершенной им секуляризации церковных имуществ в прошлом столетии, без достаточного вознаграждения за оные.

¹⁷² - Церковн. Вестн., 1885 г., № 8.

¹⁷³ - Независимо от сего епархиальные начальства ходатайствовали еще об освобождении церквей при совершении документов на переход к ним имуществ и капиталов от расходов на установленную для написания актов гербовую бумагу и на платеж крепостных и канцелярских пошлин, на одинаковом с университетами и другими учебными заведениями и некоторыми благотворительными заведениями основании, и 2) о разрешении церквам употреблять на приобретение домов, земель и других недвижимых имуществ с назначением их или доходов с них на улучшение содержания причтов, запасные церковные суммы, доходы с церковных оброчных статей, а также вечные вклады в пользу причтов.

¹⁷⁴ - Высочайшим соизволением на принятие пожертвований не совершается самый переход права собственности к одаряемому от жертвователя, а только устанавливается право принять жертвуемое имущество: само же укрепление прав собственности производится на общем основании (реш. прав. сен. 1887 г., № 80).

¹⁷⁵ - Относительно такого ограничения необходимо иметь в виду следующие акты и постановления: 1) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 227; 2) Акт. Ист. т. VI и XXX; 3) Собр. госуд. грам. и догов., т. I, 202; 4) Улож. 1649 г., гл. XVII, ст. 42; 5) П. С. 3. 29 мая 1810 г., № 24246.

¹⁷⁶ - Весьма примечательно, что постановлением присутствия, Высоч. утвержденным 31 декабря 1869 года, были расширены права прихода,

именно этим законом дозволено приходским попечительствам испрашивать у епархиального начальства разрешение на употребление церковных сумм для построения нового церковного дома для причта или для починки существующего. Таким образом частичное распоряжение церковными суммами предоставлено представителям прихода, т. е. приходским попечительствам.

¹⁷⁷ - Дело особ. присут. 1889 г. № 141. Облечительная мера для состоящих в духовном ведомстве религиозных обществ и братств приобретать недвижимые имущества без испрошения Высочайшего соизволения воспоследовала только в 1900 году; см. определение Правит. Сената от 31 января 1900 года. – «Церк. Ведом.» 10 марта 1901 года № 10.

¹⁷⁸ - См. статью прот. П. Смирнова «Из учения о церкви и ее истории» в прибав. К Церк. Вед., 1901 г., № 46. «Идея церкви, – говорит далее прот. П. Смирнов, – неразрывно связана с идеей искупления рода человеческого Господом Спасителем, причем в предвечном совете Божиим предположено дать человеку несравненно более, чем он потерял в падении».

Содержание

Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855–1870) Александр Александрович Папков	1
I. Стремление русского общества к преобразованиям в государственном и общественном строе. – Голоса из среды общества и правительства. – Голос с высоты царского престола. – Голоса именитых архипастырей.	2
II. Проявление среди высшего духовенства и светских передовых людей сознания необходимости церковных преобразований	11
III. Возбуждение вопроса в литературе и журналистике о преобразовании в церковно-общественных дела. – Проявление сочувствия в светском обществе к участи духовенства	25
IV. Пробуждение мысли о важном общественном значении «православного прихода» и «православного братства». – Возрождение «православного прихода». – Вопрос о «приходе» в эпоху освобождения крестьян	36
V. Частный почин в деле возбуждения «приходской самостоятельности» и учреждения «православных братств»	53
VI. Учреждение особого присутствия для дел православного духовенства	62
VII. Суждения в литературе и журналистике по вопросу об улучшении церковно-общественных дел	68
I. Материальное улучшение быта духовенства	69
II. Преобразование духовных училищ	76
III. Духовное управление и администрация	81
IV. Сословное положение духовенства и расширение его личных, семейных и гражданских прав	86

VIII. Правительственный голос о «самостоятельности и самодеятельности» православных приходских обществах. – Мнения в литературе о «приходских правах и управлении». – «Утайка» церковно-общественных сумм. – Циркуляр смоленского архипастыря. – Статьи И. С. Аксакова по церковно-приходским делам	90
IX. Учреждение братств и приходских попечительств. – Несовершенство закона о приходских попечительствах. – Приглашение И. С. Аксакова, обращенное ко всему православному обществу. – Две выдающихся статьи о приходских попечительствах	104
X. Статья Д. Ф. Самарина «Приход». – Сокращение приходов. – Ходатайство Московского губернского земского собрания в 1880 году о признании за приходами прав юридического лица. – Ответ св. Синода. – Синодальный циркуляр 20 апреля 1900 года. – Неудавшаяся попытка к укреплению за православными церквами права на свободное приобретение недвижимой собственности. – Заключение	120
Труды того же автора	135
Примечания	136